
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО–XXI)

Серия «АИРО – Монография»

А. А. КУРЕНЬШЕВ

ОН СЛЫШАЛ
МУЗЫКУ ПОЛЕЙ...

Жизнь и деятельность
Алексея Григорьевича Дояренко,
ученого, педагога, общественного деятеля,
музыканта. 1874–1958 гг.

«АИРО–XXI»
МОСКВА
2011

Серия «АИРО – Монография»

Дизайн обложки *К. Струков*

А. А. Куреньшев. Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность
Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного
деятели, музыканта. 1874–1958 гг. [Текст]. – М.: АИРО–XXI, 2011. –
120 с.

и его организации.

ISBN 978-5-91022–131-8

© А. А. Куреньшев, 2011 г.

© «АИРО–XXI», 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава I.</i>	
ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ.	
РОДИТЕЛИ И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ. УЧЕБА	6
<i>Глава II.</i>	
СТАНОВЛЕНИЕ МЭТРА	27
<i>Глава III.</i>	
ВРЕМЯ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ	62
<i>Глава IV.</i>	
НАСЛЕДИЕ	83

ГЛАВА 1.

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ. РОДИТЕЛИ И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ. УЧЕБА

Детство и отрочество Алексея Григорьевича Дояренко прошло в привольных украинских степях, в условиях почти, что идеальных для формирования личности незаурядной, самобытной, склонной к размышлениям, поэзии и другим видам творческой деятельности. В самом рождении Дояренко была заложена тайна и двойственность положения. Доподлинно известно только то, что матерью его была местная крестьянка, находившаяся в услужении в барском доме. История в общем банальная. То ли вдовец, то ли изгой, то ли просто русский барин со всеми присущими барству нравами и обычаями, описанными множеством русских писателей, от А. С. Пушкина, до Тургенева, Гоголя и Л. Н. Толстого. Одним словом, Алексей родился в барском доме. Крестьянку, его мать, выдали замуж за местного же крестьянина Григория Дояренко. Так и приобрел будущий ученый-агроном и композитор эти фамилию и отчество на всю свою долгую жизнь. Имени своего подлинного отца Алексей Григорьевич не упомянул ни разу, щадя честь и нравственные чувства своей матери. Мы от него не узнаем, также, к какому сословию был он приписан. А ведь в царской России это обстоятельство играло весьма немаловажную роль. Закончив университет, а затем и Сельскохозяйственный институт, Дояренко по тогдашним законам переставал принадлежать к крестьянскому сословию. Но поступал в гимназию он в годы царствования Александра III, когда действовал так называемый закон о «кухаркиных детях», существенно ограничивавший доступ к среднему классическому гимназическому образованию. Выражение возникло из циркуляра (1887) министра народного просвещения И. Д. Делянова (1818–1897) Циркуляром этим, одобренным Александром III и получившим в широких кругах обви-

нительно-саркастическое наименование «о кухаркиных детях», учебному начальству предписывалось допускать в гимназии и прогимназии «только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное рачительство о правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства». Таким образом, как пояснялось далее, «при неуклонном» соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» (С. В. Рождественский, Исторический очерк деятельности министерства народного просвещения, СПб. 1909, с. 641).

Дояренко родился в 1874 г. Циркуляр о «кухаркиных детях» был издан в 1887 г., когда он уже учился в старших классах Сумской гимназии. Воспоминания Дояренко, та их часть, которая не вошла в книгу под названием «Из агрономического прошлого», свидетельствовала о том, что пресловутый циркуляр выполнялся в той его части, которая требовала «домашнего надзора» над гимназистами, приехавшими в город из сельской местности. Дояренко подробно описывает свои перемещения с квартиры на квартиру. Его воспоминания явно свидетельствуют об опеке над ним особо доверенных, подобранных гимназическим начальством лиц. И все же вопрос о сословной принадлежности маленького Леша остается открытым. Братья и сестры Алексея Григорьевича, появившиеся на свет уже после смерти «дяди» (так в обиходе звал своего настоящего отца Дояренко). Отцом их стал приглашенный в имение для подготовки к поступлению в гимназию Алексея, репетитор, вскоре ставший не только управляющим имением, но и близким матери Дояренко человеком. Имени и фамилии его, как и своего «дяди» А. Г. Дояренко, впрочем, также не называет. Матери каким-то образом и этих детей удалось записать на имя Дояренко и дать им отчество Григорьевич и Григорьевна.

Сведения о реальном отце А. Г. Дояренко чрезвычайно скудны. Со слов Алексея Григорьевича мы знаем, что он был помещиком и сахарозаводчиком. Долгие годы «дядя» возглавлял земскую управу. Он был прогрессивным мыслящим человеком. После его смерти Алексей обнаружил шкаф, заполненный полузапрещенными в России книгами и журналами. «После смерти владельца имения Леша обнаружил два шкафа с книгами, которые до того охранялись от любопытных глаз. Эти шкафы были заполнены комплектами журналов: «Современник», «Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы» и др. Кроме того, было много произведений классиков. Для жадного молодого ума открылся новый мир. Его захватили идеи революционных демократов: Белинского, Чернышевского, Добролюбова, и он неприкрыто изложил

их в классном сочинении. Книги из этой библиотеки, к тому времени перевезенной в г. Сумы и пользовавшейся большой популярностью у гимназистов, были при обыске изъяты полицией», – пишет Орловский¹. Имение, в котором мать Дояренко служила прислугой, «дядя» оставил ей в наследство. Поэтому, даже после смерти «дяди» мать его со все увеличивавшейся новой семьей, и он сам ни в чем не нуждались.

В детстве Дояренко был предоставлен сам себе. Над ним не довели ни материнское, ни отцовское, ни какое-либо еще попечительство. От крестьянских детей он был огражден социальным барьером любимого, хотя и незаконнорожденного помещичьего сына. От отпрысков дворянских семейств, соответственно, тем же самым, но и определенной крестьянскостью своего происхождения. Никаких особых комплексов, судя по всему, это неопределенное социальное положение у Дояренко не формировало. Напротив, все это создавало из него по-своему уникальную личность. Как и всякого бастарда его баловали и жалели. Но баловство, поскольку он нес в себе исключительно положительный заряд и здоровые устремления, шло ему на пользу. Когда он проявил музыкальные способности, ему тут же подарили музыкальный инструмент, и он начал учиться музыке. Он с самого раннего детства до многих вещей доходил самостоятельно. Взрослые не мешали его саморазвитию и самообразованию. Как пишет один из немногих биографов Дояренко Орловский: «Из детских воспоминаний Алексея Григорьевича ясно, что его мать, Марфа Савельевна, происходящая из крепостных крестьян, обладала редким даром воспитательницы; она без каких-либо запретов и наказаний обеспечила своему сыну (с помощью хозяина имения) музыкальное воспитание, быстрое не по годам интеллектуальное развитие и светлое детство. Леша с раннего детства проявлял редкие способности: он в четыре года уже научился читать. В семь лет, при поступлении в гимназию (в г. Сумы), он прочитал на экзамене наизусть на немецком языке «Лесного царя». Учился он легко, увлекся книгой «Научные развлечения» и начал проделывать разного рода «опыты». Мать приобрела для Леша у сельского фельдшера целую лабораторию, что положило начало домашней лаборатории, устроенной во флигеле»².

«Марфа Савельевна, мать будущего ученого ушла от мужа и стала работать экономкой небольшого имения», – пишет биограф Дояренко³. Происходило все это в селе Марковка Харьковской губернии. Местность эта располагалась на стыке малороссийских и великороссийских земель. Говорили там на местном наречии, но в гимназии преподавание велось сугубо на русском языке, да и читал Алексей Григорьевич исключительно русские книги и журналы, главным образом либерально-демократического направления. Все это и предопределило место продолжения образования. Талантливого украинского хлопца неудер-

жимо тянуло в центры общероссийской научной и культурной жизни – Санкт-Петербург и Москву. Но прежде ему предстояло пройти курс обучения в классической русской гимназии города Сумы. Репетитор, который впоследствии стал кем-то вроде отчима Дояренко (и, во всяком случае, отцом его сводных братьев и сестер), хорошо знал свое дело и с поступлением в подготовительный класс гимназии у Алеши проблем не возникло. Более того, только нехватка нескольких месяцев до положенных при поступлении в гимназию 8 лет, не позволило ему стать сразу первокурсником.

И все же с большой долей вероятности можно утверждать, что отцом А. Г. Дояренко мог быть Николай Кириллович Алчевский. Именно он был в 1870-е годы главой Сумской уездной земской управы. Молчать о таком отце у Алексея Григорьевича было немало оснований. Родной брат Николая Кирилловича и также Алексей (!) был крупнейшим в регионе предпринимателем, банкиром и промышленником. В отличие от своего старшего брата, успевшего закончить Университет, Алексей Кириллович «прошел» лишь курс сумского уездного училища, так как торговые дела родителей расстроились, пришли в упадок, и на дальнейшую учебу уже не было средств. А. К. Алчевский был меценатом, украинофилом и до своего вступления на тропу капиталистического предпринимательства, неонародником. Двое из сыновей А. К. Алчевского были напрямую связаны с музыкальной культурой. Григорий был известным композитором, а Иван – выдающимся певцом, русским Карузо. Неудивительно, что маленького Алешу как магнитом тянуло к занятиям музыкой. Думается, что в музыкальных кругах России о происхождении Дояренко было известно. В своих воспоминаниях он упоминал о том, что был вхож в общество украинцев в Санкт-Петербурге. Да и поступление и учеба в консерватории, и игра в оркестре едва ли бы оказались таким простым делом, не будь у Алексея покровителей в этой сфере деятельности.

Вот, что можно прочитать о семье Алчевской в современной исторической литературе. Родился Алексей Кириллович Алчевский в 1835 году в Сумах Харьковской губернии, в семье «среднего торговца колониальными товарами». Точкой отсчета бурной деятельности купца стал предреформенный 1862 год, когда молодой Алчевский в 27-летнем возрасте с красавицей женой из родимого гнезда переехал в Харьков. К тому времени за плечами у Алексея уже был курс Сумского уездного училища. Жена Алчевского – Кристина Даниловна (1841–1920) родилась на Черниговщине, в городке Борзна. Кстати, приходилась внучкой Господарю Молдавии. Научам и манерам ее выучила мама, Аннета Вубч, воспитанница Смоленского института, хотя отец по профессии был учителем. Когда Журавлевы переехали в Курск, Кристина была активисткой молодежного кружка, под псевдонимом «Укра-

инка» писала в журнал «Колокол». В одном из выпусков ее стихотворения прочел прогрессивно настроенный юный Алексей Алчевский. Впоследствии они познакомились, долго писали друг другу нежные письма и поженились. «Я вышла замуж за истового украинца», – говорила Кристина Даниловна. Кристина Даниловна Алчевская (в девичестве Журавлева).

Молодыми супругами быстро заинтересовалась харьковская полиция, поскольку как только Алчевские появились в Харькове, сразу возник кружок «Громада» – организации, открывавшей в малороссийских городах украинские воскресные школы, издававшей украинские книги, журналы, содействовавшей исследователям украинской истории и этнографии. Кристина Даниловна сразу нашла себя в большом городе – организовала общество распространения грамотности. Ее идею поддержали муж и его брат, организовавший подобное общество в Сумах. В Харькове Алчевский открывает, по примеру отца, чайный магазин. Но, будучи от природы человеком активным, полным энергии, он не мог довольствоваться положением мелкого торговца. Натура требовала размаха. Весь свой досуг он посвящает дальнейшему самообразованию по экономическим и финансовым вопросам. Возвышение провинциального коммерсанта началось в период «банковской лихорадки» конца 1860-х – начала 1870-х гг., когда за короткий срок в стране сложилась в основном система частнокапиталистического кредита. Он становится инициатором созданного в 1866 г. Харьковского общества взаимного кредита, затем основывает в компании с местными торговцами Харьковский Торговый банк (1868 г., основной капитал 500 тыс. руб.), ставший третьим в России учреждением акционерного коммерческого кредита после Петербургского Частного и Московского Купеческого банков. В 1871 г. Алчевскому удается уговорить крупнейших латифундистов края выступить учредителями первого в стране акционерного ипотечного банка – Харьковского Земельного, открытого с капиталом 1 млн. руб., бессменным руководителем которого он пробыл тридцать лет. Устав банка был написан новоявленным банкиром вместе с профессором И. В. Вернадским, отцом знаменитого русского ученого В. И. Вернадского, первого президента АН Украины. Благодаря прибыльным грюндерским делам капитал «харьковского 1-й гильдии купца» к середине 1870-х гг. составлял уже 3–4 млн. руб. Стоимость акций учрежденных им финансовых предприятий росла в геометрической прогрессии, поэтому суммы, вложенные в их приобретение, за пару лет существенно возросли. Мелкий лавочник превращается в очень богатого человека, обладателя миллионов, или, как бы мы сейчас сказали, крупного олигарха, жаждущего достойного применения своим капиталам. Куда направлять инвестиционные потоки, Алчевскому долго думать не пришлось. Они были вложены в новую перспективную

отрасль – каменноугольное дело. В 1879 г. Алчевский учредил Алексеевское горнопромышленное общество с капиталом 2 млн. руб., владевшее богатейшими залежами высокосортного угля в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии. Антрацитовые копи общества, по отзыву современников, были «драгоценны по сильно спекающемуся свойству своих углей и чистоте их». В 1900 г. компания добыла 45 млн. пуд. угля, заняв по объему добычи третье место среди однородных предприятий Донбасса. Жена Алчевского – Кристина Даниловна – педагог-просветитель, основоположник методики обучения грамоте взрослых. Среди их пятерых детей особой талантливостью отличались Иван Алексеевич Алчевский – «король теноров», солист Мариинского оперного театра, и Кристина Алексеевна Алчевская – украинская эстетеса, переводчик и педагог.

Брат Алексея Алчевского, Николай Кириллович занимался в Сумах тем же самым, но, конечно в гораздо меньших размерах. Через три года он (Алексей Кириллович – А. К.), уже купец Первой Харьковской гильдии, стал учредителем и председателем правления еще одного банка в Харькове – Земельного. Проект его устава Алчевский разрабатывал вместе с профессором-экономистом И. В. Вернадским по образцу устава Земского банка Херсонской губернии в Одессе. Именно Харьковский Земельный банк, выдававший ссуды под залог недвижимого имущества в Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Курской и Воронежской губерниях, финансисты тех лет признавали лучшим во всей империи. Для ростовщиков это был настоящий удар. Здесь предоставляли сравнительно недорогие кредиты землевладельцам в уездах и домовладельцам в городах – заемщик должен был выплачивать в год 6% роста, 1,5% в пользу банка и от 0,5 до 3% на погашение в зависимости от срока кредита. Вскоре Земельный банк Алчевского уже имел большую сеть агентов в других городах. В Сумах интересы банка представлял брат Алексея Кирилловича Николай. Умер Николай гораздо раньше своего брата. Алексей Дояренко еще учился в гимназии, когда случилось это несчастье. Родился А. Г. Дояренко, напомним, в 1874 г. Соответственно, поступил в гимназию в 1883. Дояренко упоминал о большом количестве родственников, приехавших проститься с покойным. Никто из них, по-видимому, не претендовал на наследство. Дело А. К. Алчевского в это время, несомненно, шло в гору. Николай Кириллович смог завещать имение своей внебрачной жене и сыну. Были ли у Н. К. Алчевского законные дети нам пока неизвестно. Но, ясно одно: А. Г. Дояренко был, как никто другой в то время, свободен в выборе своих планов и намерений. Проживая в Сумах, он то жил на квартире, снятой для него (да и для себя) его матерью, то на полупансионном положении. В неопубликованной части своих воспоминаний А. Г. Дояренко упоминает о неоднократных переменах места жительства во

время учебы в сумской гимназии. Гимназия в г. Сумы, кстати говоря, была открыта за год до рождения А. Г. Дояренко – в 1873 г.

Алексей Алчевский покончил жизнь самоубийством в 1901 г., не получив финансовой поддержки от министерства финансов России, возглавлявшегося С. Ю. Витте. Донбасский магнат бросился под поезд на Витебском вокзале в Санкт-Петербурге. Дело отца продолжил старший сын Дмитрий (1866–1920), став акционером Алексеевского общества. Он был кандидатом естественных наук, хотя, как и братья, имел музыкальные способности – играл на виолончели и гитаре. В 1920 году его расстреляли в Крыму большевики. Григорий Алексеевич (1866–1920) стал композитором, преподавал вокал. В начале XX века были популярны его романсы «Безмежнеє поле», «Душа – се конвалія ніжна», симфония «Альоша Попович». Дочь Анна (1868–1931) закончила Харьковскую художественную школу, преподавала в воскресной школе. Ее мужем был Алексей Бекетов, известный профессор, академик архитектуры. Николай Алчевский (1872–1942) – театральный критик, автор первого украинского букваря для взрослых в советские времена. Умер от голода в оккупированном Харькове. Иван Алчевский (1876–1917) всю жизнь отдал сцене, умер во время гастролей на Кавказе. Его лирический тенор слушала публика Дела Монне в Бельгии, Конвент Гарден в Лондоне, Гранд Опера в Париже, был солистом Мариинского оперного театра в Петербурге, пел на сцене Большого в Москве – исполнял партии Германа в «Пиковой даме» Чайковского, Петра в «Наталке Полтавке» Лысенко. В Москве организовал драматическое общество «Кобзарь», в которое вошли выходцы с Украины, оно популяризировало в России украинское искусство. Младшая дочь Кристина (1882–1931), как и мать, сначала решила посвятить себя педагогике, закончила в 1902 году в Париже педагогические курсы. В Харькове была активисткой общества грамотности, преподавала в воскресной школе. Впоследствии свое «свободомыслие» начала выражать в стихах и вскоре стала известной поэтессой. Советская власть, несмотря на свободолобивые мотивы поэзии Кристины Алексеевны, не была лояльна к поэтессе – слишком национальными были ее произведения. С 1929 г. поэтическим словом она отбивалась от клеветы и попыток вычеркнуть фамилию Алчевских из истории края. «Не вычеркнуть при всем желании из истории никак», – говорила она. 100-летие со дня рождения Кристины Алексеевны было внесено в календарь знаменательных дат Международной организацией ЮНЕСКО⁴.

Было ли все это известно А. Г. Дояренко? Сказать трудно. Алчевский, Иван оперный певец, был почти ровесником Алексея Дояренко. Композитор Григорий – гораздо старше. Судя по дате рождения, Дмитрий и Григорий были близнецами. Оба имели расположение и к музыке, и к естественным наукам. Вполне вероятно, что Алексей и Николай Алчевские, также были близнецами. Во всяком случае, порт-

ретное сходство А. Г. Дояренко и А. К. Алчевского удивительно. Да и имя своему сыну Николай мог дать в честь своего брата именно за внешнее сходство.

Итак, в Сумскую гимназию отвез Алексея Дояренко именно «дядя» или, как мы предполагаем, родной отец – Н. К. Алчевский. Было тогда маленькому Леше от роду 7 с половиной лет и для поступления в первый класс ему не хватало около полутора годков. Иными словами, эти события происходили в 1881 г. Жить в чужих людях А. Г. Дояренко пришлось в семье немецкого пастора. Сам Алексей Григорьевич только раз упомянул о своем отношении к такой резкой и кардинальной перемене в своей жизни и своей реакции на эту перемену. В своих воспоминаниях Дояренко пишет, что так сильно расплакался, что «дядя» решил было отвести его обратно в деревню. Но вскоре дисциплина и упорядоченность гимназической жизни отгородили его от вольностей прежнего бытия, учеба придала новый смысл существованию. Главным для сравнительно легкой адаптации к новым условиям жизни и новой среде Дояренко было, на наш взгляд, разнообразие деятельности, которое составляло основу характера Алексея Григорьевича. Сама учеба в гимназии давалась ему исключительно легко, благодаря способностям и хорошему дошкольному образованию. Поэтому Алеша мог и заниматься музыкой, и прислуживать в церкви, и заниматься другими мальчишескими делами. Занятия музыкой отразились на его успеваемости только в последние годы учебы. Он так увлекся обучением игре на различных инструментах, что запустил учебу и вынужден был остаться на второй год в шестом классе. Вот, что писал он в своей автобиографии:

«В этом же году мать подарила мне пианино. Радости не было границ, и я тотчас же начал брать уроки музыки. Так было положено начало моему музыкальному образованию. Помню, что вскоре я сочинил вальс, который впоследствии часто играл на разных вечеринках.

Этот год был отмечен еще одним увлечением. В своем деревенском доме я обнаружил два шкафа с книгами и решил привести их в порядок. Там открылся для меня новый мир. Главное содержание этих шкафов состояло из комплектов за несколько лет журналов «Современник», «Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы» и др.; кроме этого, было много классиков того времени.

Знакомство с этой библиотекой заложило основу определенному направлению моего мировоззрения. Запомнилось предостережение матери, которая с тревогой просила меня не разглашать о найденной библиотеке, вспоминая, что покойный «дядя» охранял ее от любопытных.

Когда я был в шестом классе гимназии, у меня появились новые увлечения. Одно из них – коллекционирование всяких преysкурантов и

каталогов. Началось с того, что я выписал популярный тогда журнал «Ниву», в котором помещалось очень много объявлений и многие из них сообщали о бесплатной высылке каталогов и прейскурантов. И вот я, накупив открыток, начал выписывать все каталоги, самого разнообразного содержания. Очень скоро у меня образовалась громадная «библиотека» каталогов, которые я с увлечением изучал. Чего только я не узнавал из этих каталогов! Велосипеды, фотоаппараты, игрушки, музыкальные инструменты, игры, забавы, книги, предметы домашнего обихода, лабораторное оборудование, садовые орудия, семена и растения, почтовые марки и многое другое – все было представлено в этой оригинальной коллекции каталогов и прейскурантов, иногда роскошно изданных, с описаниями и рисунками. Это был своеобразный универсальный курс политехникума, и я ему многим обязан энциклопедичностью своего самообразования. Эта коллекция постоянно пополнялась в течение многих последующих лет вплоть до университета.

Другим увлечением этого периода была музыка. Игра по слуху на гармонии и на рояли сменилась чтением нот и изучением гармонии. Но настоящее знакомство с музыкой пришло другим путем. В гимназии организовался оркестр. На вопрос преподавателя (военного капельмейстера!), на чем хочу играть, я выбрал кларнет, которого никогда не видел и не слушал и знал только по своим каталогам. Интересно, что сам учитель знал кларнет только теоретически. С большим увлечением я отдался как изучению игры на кларнете, так и оркестровой компоновке пьес. Каждый день я оставался после уроков в гимназии и упражнялся в игре на кларнете или на органе вместе с другими товарищами. Иногда мы пробовали играть знакомые вещи на слух, тогда впервые я понял тонкость инструментовки и начал расписывать маленькие пьесы для инструментов, на которых играли товарищи моего класса. Струнным оркестром руководил другой преподаватель, и мы с ним долго не общались. Только к концу года нас объединили в общий «симфонический» оркестр, и весной мы даже выступали в гимназическом концерте с каким-то «попури» из народных песен. Это увлечение музыкой не могло не отразиться на моем учении. Я совершенно забросил все учебники и в результате остался на второй год в шестом классе. Меня это нисколько не огорчило, так как был уверен, что легко восстановлю свое положение в классе. И действительно, в следующем году я вышел на первое место, на одни пятерки учился и последние два года и окончил гимназию с золотой медалью»⁵, – писал Дояренко. Второгодничество в те времена, как видно, не накладывало никакого клейма или пятна на репутацию учащегося, если он выправлял положение дел с успеваемостью. Таким многогранным, разносторонне образованным и художественно одаренным появилось немало в то время в городах и всех необъятной Российской

империи. К этому времени сформировались и необходимые условия для дальнейшего совершенствования и развития подобного рода самородков, каким, несомненно, являлся А. Г. Дояренко, но, повторим, не только он один. В стране одно за другим открывались первоклассные высшие учебные заведения различного профиля.

Ни в Харьков, ни в Киев, ни даже в Москву, после окончания среднего учебного заведения Дояренко не собирался. Высшее образование он стремился получить исключительно в столице – Санкт-Петербурге. «Не помню, из каких соображений я выбрал два пути: поступить в Институт инженеров путей сообщения, а если это не удастся, то на естественный факультет университета, но только обязательно в столичный город – в Петербург», – писал А. Г. Дояренко в своих воспоминаниях⁶.

Дояренко вместе со своими товарищами добирался до Санкт-Петербурга весьма своеобразным способом. Он проплыл на плотках по каналам Мариинской водной системы. Зачем он избрал именно такой путь остается загадкой. Возможно, в этом сказалось желание идти всегда нестандартными дорогами? Или желание продемонстрировать окружающим свою неординарность? Мы не знаем.

Не поступив по недоразумению в институт инженеров путей сообщения, Дояренко подал документы в Петербургский университет и был принят на естественное отделение. Первые впечатления от учебы, описанные Дояренко в его автобиографической книге, свидетельствовали о необыкновенно доверительных отношениях, существовавших между самыми маститыми профессорами и студентами. Так, например, он мог запросто заговорить на улице с Д. И. Менделеевым, получив от него поручение к профессору Коновалову, выполнив его, вновь придти к маститому ученому домой. Я встретил Д. П. Коновалова, когда он шел на лекцию, и передал ему письмо, сказав, что могу отнести ответ. Он очень обрадовался письму, тут же набросал ответ и просил сейчас же отнести его Менделееву. Когда я спросил, как же быть с его лекцией, он ответил, что лекцию читать не будет, так как должен немедленно выполнить поручение Менделеева.

Когда я вручил Д. И. Менделееву ответ Д. П. Коновалова, он был чрезвычайно обрадован, горячо благодарил за срочный ответ и прибавил, что когда-нибудь я узнаю, какого важного дела оказался неожиданным участником. Но я больше с ним не встречался и не узнал, о каком важном деле шла речь», – писал Дояренко в своих мемуарах⁷. Другой университетский профессор с не менее известным именем – Лесгафт, сам пришел домой к Дояренко, дабы предотвратить последствия отравления трупным ядом, которому во время соответствующих занятий в анатомическом театре мог подвергнуться молодой студент... «До самой ночи я не чувствовал никакого действия трупного яда, совер-

шенно успокоился и собирался ложиться спать, как вдруг слышу – в передней кто-то спрашивает меня, и через минуту входит П. Ф. Лесгафт. Оказывается, он все время помнил о моем ранении, не будучи уверенным, что я выполню его наказ не спать, узнал мой адрес в адресном столе и явился к ночи, чтобы не дать мне заснуть или, если надо, оказать необходимую помощь», – вспоминал Дояренко⁸. Несмотря на мои протесты, он тщательно обследовал меня, заставил выпить какие-то порошки и, только убедившись в отсутствии опасности, ушел, надавав ряд советов. Я был просто ошеломлен его вниманием – приходом в его почтенном возрасте глубокой ночью ко мне на шестой этаж. На другой день я вошел в аудиторию, когда П. Ф. Лесгафт уже читал лекцию. Он очень приветливо встретил меня и тут же рассказал студентам о всем случившемся⁹.

Когда читаешь воспоминания А. Г. Дояренко, посвященные петербургскому периоду его жизни, то есть, главным образом, учебе в университете, складывается впечатление, что гораздо более учебы его интересовало многое, многое другое. Например, общение с разными интересными людьми, музыка и т. д., и т. п.

«Вскоре после поступления в университет я записался в студенческий оркестр. Дирижировал тогда студенческим хором и оркестром известный в то время дирижер Войтек Иванович Главач. Симфонические концерты его в Павловске были всегда многолюдны и привлекали широкие круги общества.

В. И. Главач заметил мой интерес к оркестровой игре и пригласил играть в Павловском оркестре. При этом поручил мне заведовать нотами и всей подготовкой к концертам: заботиться об эстраде, местах для музыкантов и регистрации их. Мне приходилось часто заходить к нему перед поездкой в Павловск, забирать ноты, условливаться о репертуаре к прочем, а также возвращаться в Петербург вместе с ним после концерта. Иногда Войтек Иванович оставлял меня на ужин в кругу своей семьи.

Однажды, отправляя меня с нотами в Павловск, он просил предупредить музыкантов, что немного опоздает, и велел мне начинать концерт без него. Я, разумеется, категорически отказался, не представляя себе, как это я, мальчишка, буду дирижировать большим оркестром, где среди музыкантов были профессора консерватории. В качестве же самого сильного аргумента я указал на невозможность выступать в роли дирижера в моем хотя и «шикарном», но достаточно потрепанном студенческом сюртуке. На его совет надеть для этого случая штатский сюртук или фрак я заявил, что это у меня единственный костюм. Главач удивился, а узнав, что мой бюджет в месяц составлял 20 рублей, сейчас же предложил устроить меня в любой оркестр, и тут же, не откладывая,

дал рекомендацию к дирижеру частной оперы, снимавшей тогда Панаевский театр. Панаевский театр помещался на набережной Невы, у самого Дворцового моста. В противоположность Мариинскому театру, где в сезон давали не больше пяти-шести новых опер, в Панаевском театре оперы менялись чуть ли не каждую неделю и за сезон ставили десять-пятнадцать новых опер с предварительными двумя-тремя репетициями. Разумеется, исполнение оставляло желать многого, но это искупалось частыми гастролями больших знаменитостей.

На другой день я с письмом В. И. Главача пошел в Панаевский театр и попал к концу генеральной репетиции спектакля «Фауст», который вечером того же дня шел в театре с участием Ф. И. Шаляпина в роли Мефистофеля. В тот же вечер Дояренко уже сидел в оркестровой яме и играл свою партию на кларнете в опере Ш. Гуно «Фауст». В этот же вечер ему довелось познакомиться с Шаляпиным поближе. Вот как сам он описывает обстоятельства этой встречи. «Первые три действия спектакля прошли благополучно, и дирижер уже начал со мной разговаривать ласковее, что обещало хороший исход предстоящих переговоров об условиях. Но в третьем действии случилось то, что чуть не испортило все дело.

Начало действия шло гладко. Но вот началась ария Мефистофеля. Я переворачиваю страницу и слышу – оркестр почти замолк, слышны пиччикато скрипок, а у меня – соло! Не обращая внимания на знаки, я весь в напряжении – как бы не наврать, дую во всю глотку. Вдруг, взглянув на дирижера, вижу свирепые знаки и шипение в мою сторону: «пианиссимо!!» Ну, думаю, пропало мое дело с поступлением в оркестр.

Доиграли акт, все музыканты вышли из оркестра, а я остался проигрывать следующий акт. Вдруг слышу громовой голос: «Где тут у вас кларнетист? Давайте мне его!» И в оркестр, прямо со сцены, влетает Шаляпин в гриме Мефистофеля. Сижу ни жив, ни мертв и думаю: «Сейчас со мной расправится Шаляпин». Шла молва, что он и с дирижерами бывал тяжел на руку. Шаляпин же подбегает ко мне, чуть не целует и кричит своим громким голосом: «Ну, молодец! Спасибо! Спас меня!» И начинает рассказывать собравшимся вокруг нас музыкантам и дирижеру: «Понимаете, что случилось? Оркестр у вас в подземелье, ни черта на сцене не слышно; чувствую, что начинаю сбиваться с тона. Как вдруг кларнет как заорет! Ну, я сразу и поймал тон. А оказывается, вот этот малец (показывает на меня) услышал, что я начинаю плавать, да и подай мне во всю глотку мою партию; я и выплыл. Ну, брат, спасибо. По гроб жизни не забуду. Всегда можешь рассчитывать на контрамарку на спектакли со мной».

У меня, как говорят, отлегло на сердце, хотя и в мыслях не было «спасать» Шаляпина. Дирижер сразу назначил мне 80 рублей в месяц

вместо обычных 50 рублей за четырехдневную работу в неделю (по очереди с другим кларнетистом). Так я и разбогател и все последующие годы своей учебы в Петербурге играл в этом оркестре»¹⁰.

Кроме занятий в университете, сразу на двух факультетах, учебе в консерватории по классу композиции у Н. А. Римского-Корсакова, неутомный юноша принимал участие в деятельности украинского землячества Санкт-Петербурга. Вспоминая об этом времени, А. Г. Дояренко писал: «Даниил Лукич Мордовцев в годы моего пребывания в Петербурге (1892–1898) объединял украинцев, живущих здесь. Правда, эти украинцы ограничивали свою деятельность организацией ежегодного празднования шевченковского дня – 26 февраля, но зато этот день праздновали весьма торжественно, вернее – весело и многолюдно. Постоянно же действующей организацией был только украинский хор. Встретился я с Д. Л. Мордовцевым у В. И. Главача. Узнав о моих музыкальных интересах и украинском происхождении, Мордовцев завербовал меня в украинский хор и познакомил с тогдашним руководителем его Черемховичем. Последний сразу же взял меня в помощники дирижера, а вскоре и совсем передал мне все руководство хором, которым пришлось управлять почти в течение шести лет. С теплотой вспоминаю моих неизменных помощников по работе хора: сестер Сребдольских – Лелю и Олю (Леля собирала хор, подыскивала помещение для спевков и заботилась о нотах), солистов хора братьев Березовских и сестер Константинович, одна из которых, ученица консерватории, играла хозяйку в «Вечерницах».

Главная и почти единственная цель существования этого хора было выступлением большим украинским концертом на упомянутых «шевченковских поминках», устраиваемых 26 февраля под руководством Д. Л. Мордовцева как старейшего «дида» в Петербурге. Лишь изредка хор выступал в концертах. В течение остального времени хор собирался на воскресные спевки, готовил довольно обширный репертуар для очередных поминок. Обычно почти каждый год киевский украинский композитор Н. В. Лысенко присылал нам рукописи своих новых произведений для исполнения на этих поминках. Так, мы получили от него рукописи: «Кантата на смерть Шевченко», «Колядка», хор из оперы «Утоплена», «Б'ють пороги». Эти пьесы всегда разучивались с особой тщательностью и были гвоздем программы концертов. Кроме них, в наш репертуар включались хоровые пьесы Лысенко, народные песни «Коломшка», песня «Закувала та сива Зозуля» из «Вечерниць», которую по требованию публики приходилось исполнять несколько раз. Один раз на любительском спектакле драмы Шевченко «Назар Стодоля» эти вечерницы были исполнены целиком. «Вечерници» композитора Нищинского являются вставным актом к драме Шевченко «Назар Стодоля»;

они состоят из целого ряда сольных и хоровых номеров, среди которых была и «Закувала та сива Зозуля», исполняемая парубками по требованию дивчат, отнявших у них всю провизию, собранную ими колядой, и согласившихся возратить «коляду» только за хорошую песню. На этих шевченковских поминках в концерте, кроме украинского хора, участвовали многие петербургские оркестры, имеющие какое-либо отношение к Украине. Кроме действительных украинцев – М. И. Долиной (Горленко), Секар-Рожанского, Куза, в них принимали участие такие «украинцы», как известные в то время певцы Тартаков, Л. Яковлев и др.

Концерт всегда заканчивался «вечерей» по подписке в том же помещении концертного зала с обязательными варениками, запеканкой и варенухой.

Руководящую роль на этих вечерах играл Д. Л. Мордовцев, выступавший с обильными речами на грани «цензурно-дозволенного» и следивший внимательно в качестве ответственного лица за речами подвыпивших «запорожцев», умело подавляя всякие попытки выйти за пределы дозволенного. Поминки заканчивались танцами с обязательным гопаком»¹¹. Шесть лет Дояренко руководил петербургским украинским хором, но в дальнейшей в его жизни и деятельности ничего специфически украинского обнаружить нельзя.

Учеба в университете подходила к концу. Нужно было не только определиться с родом своих дальнейших жизненных планов, но и элементарно написать и защитить дипломную работу!

А. Г. Дояренко, как всегда, пришли на помощь его феноменальные разносторонние способности, достаточные материальные возможности матери (несмотря на увеличивавшееся из года в год число братьев и сестер). Мать, видя его тягу к научным исследованиям, приобрела у местного фельдшера, тоже фаната агрономических и селекционных научных опытов, вполне сносную по тем временам лабораторию. В течение лета при помощи оборудования, имевшегося в лаборатории, Дояренко сумел произвести столь успешные научные изыскания, что их результаты были зачтены ему в качестве дипломной работы и опубликованы! В соответствии с господствовавшим в Петербурге докучаевским направлением агрономической науки Дояренко посвятил свою дипломную работу почвоведческой тематике. Напечатана она была в «Материалах по изучению русских почв» за 1898 год. В. В. Докучаев, напомним, был выдающимся русским почвоведом. Он подробно описал процесс образования почв и предложил их базовую научную классификацию, а в 1886 году дал первую в мире научную классификацию почв. Он же составил первую мировую почвенную карту.

Итак, в возрасте 24 лет А. Г. Дояренко заканчивает Санкт-Петербургский университет. У него нет никаких карьерных планов ни по госу-

дарственно-чиновничьей (очевидно мешает неопределенность происхождения и сословной принадлежности), ни частно-коммерческой линии. Профессионально заниматься музыкальным творчеством у него, также, намерений нет. Никаких материальных стеснений у него в это время, также, очевидно не имеется. Поэтому он совершенно свободно и непринужденно решает продолжать учебу теперь уже в специализированном и весьма специфическом высшем учебном заведении – Петровской сельскохозяйственной академии, незадолго до этого пониженной в своем ранге (но не значении для тогдашней России) до уровня Сельскохозяйственного института. Жизнь студентов, особенно тех, кто уже закончил другое высшее учебное заведение, «универсантов», как их называли, была еще более привольная, чем у их петербургских коллег. Никаких экзаменов для поступления в «Петровку» Дояренко сдавать не пришлось, курс обучения составлял всего два года. Ему выплачивалась стипендия 400 руб. в год. Из этой суммы 300 руб. удерживалось за полный пансион, а оставшиеся 100 руб. выдавались на руки по 8 руб. ежемесячно. «В отличие от университета, чувствовалась забота до мельчайших нужд: сполна обставленная комната, обеспеченная бельем, обильное хорошее питание в столовой, полное обеспечение учебниками, пособиями, богатейшая библиотека, бесплатные билеты на паровичек в город, билеты в театр, парк, лодки на пруду...

Директор Сельскохозяйственного института К. А. Рачинский обратился к окончившим университет студентам с особым словом, указав на их руководящую роль по отношению к менее опытной молодежи¹². «Эта группа «универсантов» первых трех приемов пока создавался полный комплект «нормальных» студентов сыграла громадную роль в общественном воспитании юного студенчества, утверждению среди него традиций старой Петровки»¹³, – считал А. Г. Дояренко. Дояренко в своих воспоминаниях отмечал все ту же упомянутую (но возможно еще сильнее выраженную в Петровке), близость студентов к профессорам. «Таким образом, – писал он, – все население Петровского-Разумовского представляло довольно дружную семью с самыми разнообразными путями общения»¹⁴. Жизнь студенчества Петровки, как ее описывает Дояренко, была полна удовольствий и развлечений. Так, например, он упоминает о постоянно проводившихся музыкальных вечерах и концертах, проводившихся как с участием местных сил, преподавателей и студентов, так и приезжавших из Москвы профессиональных музыкантов и артистов. Важную роль в организации этих мероприятий, как об этом вспоминает Дояренко, играл профессор В. Р. Вильямс. У него, как и во многих других научных и организационно-практических инициативах был свой сугубо эгоистический интерес. Жена Вильямса была больна и не могла посещать театры и концерты в Москве. В концертах,

проводившихся в стенах МСХИ, принимали участие известные в то время артисты: Гуков, братья Лебедевы, старшая дочь профессора Демьянова – будущего тестя Дояренко, пианистка Валентина, профессор консерватории П. М. Орлов, баритон и В. А. Харченко – тенор.

Учиться Дояренко было опять же очень легко. Многие курсы ему, как выпускнику университета, были зачтены. Поэтому он мог заниматься самыми разнообразными вещами. Так, он мог посещать лекции профессора Н. А. Карышева по политической экономии сельского хозяйства. В результате Дояренко оказался среди студентов, взявшихся за написание научных работ по данной тематике. Как вспоминал А. Г. Дояренко: «четыре человек, изъявивших желание работать по данной тематике, Карышев пригласил к себе домой, помог разработать планы и дал необходимую литературу»¹⁵. Дояренко проводил свое исследование на основании материалов официальной статистики. Работа была посвящена движению земельной собственности за десятилетний период (1877–1887 гг.). В конце 1890-х – начале 1900-х гг. все еще продолжались дебаты о путях развития российского сельского хозяйства между неонародниками и марксистами социал-демократами. Проходили они и в стенах Петровки. Дояренко вспоминал об одном таком диспуте, проходившем при большом стечении народа. Участниками его были два Маслова: социал-демократ П. П. Маслов и эсер С. Л. Маслов. Дояренко не разделял ни той, ни другой позиции.

В своем исследовании он, однако, отметил две тенденции развития форм землевладения, равным образом подтверждавших правоту и одного, и другого направления аграрно-экономической мысли. Молодой исследователь обнаружил следующую динамику движения частного землевладения в России: распад группы среднего по размерам землевладения с усилением, с одной стороны, крупного землевладения, а с другой, – дробление их на мелкие владения. «Работа эта, выполненная в первый год моего студенчества, была по представлению Карышева, напечатана в Известиях Сельскохозяйственного института Часть 4, кн. IV. 1899 и издана отдельной брошюрой», – отмечал Дояренко в своих мемуарах¹⁶. За эту публикацию Дояренко, к своему удивлению, получил гонорар! «Позже, – писал Дояренко, –, в период острой полемики между эсдеками и эсерами о судьбах землевладения, мое положение о раслоении землевладения было использовано и теми, и другими, причем первые цитировали первую половину ее об усилении крупного землевладения за счет среднего, а вторые – цитировали вторую его половину о распаде среднего землевладения на мелкие владения»¹⁷.

Как можно заметить, Дояренко, начав обучение в сельскохозяйственном вузе, отнюдь еще не определился в своих научных пристрастиях, не говоря уж о политических взглядах. Дояренко, чувствуя необъятные

силы и безграничную энергию, готов в это время браться за любое дело и участвовать в самых разных мероприятиях. Так, например, он присутствует на съезде, посвященном женскому агрономическому образованию, где И. А. Стебут, энтузиаст этого дела вместе с женой Н. А. Каблукова М. К. Каблуковой предлагают ему написать отчет об этом мероприятии. Дояренко успешно справляется с этой работой. Написанный им отчет был опубликован в журнале «Техническое образование» за 1899 г. Причем вскоре Дояренко начинает принимать самое активное участие в развитии женского агрономического образования в стране.

Конечно, появление в стенах МСХИ столь разносторонне одаренного студента не могло долго остаться незамеченным. Кипучую натуру Дояренко, его способности заниматься одновременно не одним, а многими разнообразными делами сразу вскоре начнут использовать не без пользы для общего дела развития сельскохозяйственной науки, но не без пользы для себя некоторые профессора Петровки. Как вспоминал А. Г. Дояренко, профессор В. Р. Вильямс трижды сыграл в его жизни судьбоносную роль. Первый раз это произошло, когда он был еще студентом. «Осенью 1900 г. проф. В. Р. Вильямс и В. Н. Завадовский предложили стать помощником редактора Вестника сельского хозяйства»¹⁸. Профессор и исполнявший в то время обязанности редактора Вестника зашли прямо в комнату институтского общежития, где жил студент Дояренко. Вестник сельского хозяйства не имел прямого отношения к Сельскохозяйственному институту. Он являлся еженедельником Императорского Московского общества сельского хозяйства, второго по старшинству после Петербургского ВЭО общественного экономического учреждения России! Общество и Петровку, однако, связывало очень многое: от территориальной близости к институту учебного хозяйства общества – Бутырского хутора, до общности целей и задач деятельности. Именно на рубеже веков кардинально менялись эти цели и задачи. Менялся кадровый состав общества. Вместо дворян-помещиков членами становились деятели сельскохозяйственной науки и практики, земские деятели и служащие. Дворян, но уже либеральных, среди руководства общества оставалось немало. Но верным служакакой политики властей общество оставаться уже не собиралось. В это время президентом Императорского московского общества сельского хозяйства был князь Щербатов. Вскоре в ИМОСХе, да и в стране в целом, начнутся большие перемены и ВСХ, главным редактором которого на долгие годы станет Дояренко, сыграет в этих переменах не последнюю роль.

Конечно же, новые колоссальные нагрузки не могли не сказаться на учебных и научных занятиях Дояренко. Отечественная аграрная наука дала в это время стране и миру целую плеяду блестящих имен. Чуть позднее Дояренко студентам, а затем учеными и преподавателями ста-

нут выпускники Петровки Н. И. Вавилов, А. В. Чайнов, полными сил и энергии были в начале XX века два претендента на лидерство в агрономической науке, два непримиримых конкурента В. Р. Вильямс и Д. Н. Прянишников. Не утратили силы мысли и дееспособности патриархи сельскохозяйственной науки К. А. Тимирязев, И. А. Стебут; экономические проблемы сельского хозяйства России продолжали исследовать А. Ф. Фортунатов, А. И. Чупров и И. А. Каблуков. Перечисление имен блестящих ученых и педагогов, занятых проблемами развития аграрного сектора экономики страны, можно продолжить. И все же в один ряд с Дояренко по даровитости, трудолюбию и преданности делу можно поставить, пожалуй, только Н. И. Вавилова и А. В. Чайнова. Однако от двух последних Дояренко разительно отличался тем, что очень часто брался за решение вопросов его лично мало касавшихся, отвлекавших от тех проблем, которыми интересовался он сам.

И Вавилов, и Чайнов стремились к первенству в тех направлениях сельскохозяйственной науки, которыми занимались. Вавилов, как и Дояренко, перепробовал много разных направлений в биологической науке. Образование Вавилова было несравненно ниже, чем у Дояренко. Николай Иванович закончил всего лишь московское коммерческое училище. Дояренко закончил хоть и провинциальную, но гимназию, а затем и столичный университет. Вавилов брал напором. Пришествие и того, и другого в сельскохозяйственную науку было скорее случайным, чем закономерным. Да, биология, агрономия, селекция и генетика, как впоследствии физика сделались в начале XX века культовыми направлениями научной деятельности, и молодежь стремилась сельскохозяйственные учебные заведения. В одном из писем Вавилова есть такие строки: «Хорошо помню состояние «без руля и без ветрил». Случайная волна хаотических вероятностей забросила в Петровку – по-видимому, счастливая случайность»¹⁹. Но мы помним, что и Дояренко первоначально имел намерение поступать в институт инженеров путей сообщения и только к концу обучения в университете решил избрать для себя специальность ученого-биолога, специалиста по сельскому хозяйству. Не сразу он выбрал приоритетную для себя отрасль сельского хозяйства. Он одинаково уверенно чувствовал и в теории, и в практике, и в чисто прикладных направлениях сельхоз науки, и в проблемах политэкономии. Он мог с успехом проводить химические анализы почв и писать статьи по вопросам сельскохозяйственного образования. Широта его научных интересов граничила с дилетантизмом, что впрочем, было характерно для многих деятелей молодой тогда в нашей стране науки.

Нечто подобное можно обнаружить и в биографии Н. И. Вавилова. Он также хватается за разнообразные направления сельхознауки. Но в отличие от Дояренко он ищет ту сферу приложения своих сил, которая

быстрее всего сделает его первым, главным, а в итоге – руководителем и вершителем судеб агробиологии в стране и в мире. Он видел себя новым Тимирязевым. «Но сравнение себя с Тимирязевым должно было его отрезвлять. И в следующие минуты он, вероятно, уличал себя в мелком тщеславии. В том, что не наука нужна ему, а кафедра. Что не исследовать он мечтает, а блистать. И до конца не признается себе в этом только из трусости перед самим собой... Да и следует ли ему заниматься наукой? Не больше ли пользы будет, если, окончив институт, он поедет в какой-нибудь дальний уезд – учить крестьян лучшие урожаи выращивать на их скудной землице?.. Как же близки и необходимы были ему мысли Дмитрия Николаевича об общественной пользе «чистой» науки, которые Прянишников выражал пусть с меньшим блеском, но с не меньшей убежденностью, чем Тимирязев»²⁰, – пишет один из биографов Н. И. Вавилова. Тщеславие Вавилова было, как мы знаем, отнюдь не мелким. Кафедра и даже ректорский пост едва ли могли удовлетворить его. Ему нужна была всероссийская и мировая известность. Он не был революционером и даже не участвовал в оппозиционном правительству движении, в которое было вовлечено большинство деятелей сельскохозяйственной науки. Но он, несомненно, сумел воспользоваться новой, сложившейся в сельском хозяйстве и сельскохозяйственной науке ситуацией для укрепления своих позиций.

Учась в Петровке, Вавилов, как и Дояренко, слушал лекции многих профессоров. Сначала его увлек Н. Н. Худяков. Затем он переметнулся к Д. Н. Прянишникову. Вот, что писал о формировании научных пристрастий Вавилова Резник: «Так, может быть, физика? Или химия? Думается, что влекла его и химия. Не случайно же позднее, в своих работах, он проводил глубокие аналогии между сущностью биологических и химических представлений. И еще – медицина! Нет, мы не восхищаемся разносторонностью познаний молодого Вавилова. Особых познаний у него не было: обычная лоскутная эрудиция пристрастившегося к беспорядочному чтению юноши. Был лишь жадный интерес к законам мироздания, которым подчинена манящая многоликость природы. И мучительные поиски однозначного решения в уравнении со многими неизвестными. Он не знал, что его уравнение не имеет однозначного ответа... Выбрав Петровку, он не мог отделаться от мысли, что выбор этот во многом случаен. Не оправдан логической необходимостью»²¹. Вавилову хотелось поступить на медицинский факультет университета. Но при поступлении в университет надо было сдать латынь, которую в коммерческих училищах не преподавали. Он не захотел потратить год на самостоятельное изучение латыни и поступил в Московский сельскохозяйственный институт. Дояренко при поступлении в МСХИ был уже более зрелым человеком, нежели Вавилов. Выбор Дояренко был

более сознательным. Но все, что касается метания между различными науками и кафедрами можно с полным основанием отнести как к тому, так и к другому. Нам, правда, неизвестно играл ли такую либо определяющую роль в судьбе Вавилова, как это было с Дояренко, В. Р. Вильямс. Современная историография изображает в роли злого гения Вавилова Т. Д. Лысенко.

Как и в Петербургском университете, учеба в Петровке давалась Дояренко легко. Он мог себе позволить заниматься многими другими вещами, помимо занятий. Он начинает вести светскую жизнь, знакомится с молодежью, отпрысками профессорско-преподавательского состава института. Вскоре он становится всегдатаем молодежных кампаний, собиравшихся в домах тех профессоров, где было много детей и, следовательно, со временем молодежи. Одним из таких профессорских семейств оказалось многодетная семья профессора-химика Демьянова. Демьянов Николай Яковлевич [15(27).3.1861, Тверь, 19.3.1938, Москва], советский химик-органик, академик АН СССР (1929; член-корреспондент 1924). В 1886 окончил Московский университет; научную деятельность начал под руководством В. В. Марковникова. С 1887 работал (с 1894 профессор) в Петровской лесной и земледельческой академии. С 1935 заведовал лабораторией института органической химии АН СССР. В семье будущего академика было 9 человек и среди них несколько прехорошеньких и умных девиц. Одна из них, Мария и стала вскоре избранницей Дояренко. Ухаживания начались еще тогда, когда Маша находилась совсем в нежном возрасте и влюбленные с нетерпением дожидались того момента, когда она закончит гимназию и получит возможность выйти замуж за молодого перспективного ученого и преподавателя МСХИ. Дояренко к этому времени уже закончил учебу и получил предложение остаться при кафедре экономики для подготовки к профессорскому званию. Написать дипломную работу ему, как и в университете помогли родные места. От своего настоящего отца, как мы полагаем, Николая Кирилловича Алчевского, Дояренко достался в наследство участок земли. Алексей Григорьевич передал его в распоряжение крестьян с условием, что они будут его обрабатывать артельно с обязательным травопольным севооборотом. Научный руководитель Дояренко Вернер очень заинтересовался этим экспериментом и попросил подробно рассказать о нем, а потом посоветовал обработать материал и представить его, как дипломную работу по кафедре сельскохозяйственной экономики и организации хозяйства. Такая работа была Дояренко написана и опубликована в Вестнике сельского хозяйства. Естественно, К. А. Вернер предложил Дояренко приступить к работе ассистента на кафедре с осени 1901 г. Так начался второй период жизни А. Г. Дояренко в Петровке теперь уже в качестве ее преподавателя и ученого-исследователя.

А. Г. Дояренко – гимназист

А. Альчевский

*А. Г. Дояренко
с матерью М.С. Дояренко,
сестрой Ниной и братом Петей*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Орловский Н. В. «Алексей Григорьевич Дояренко». – Издательство «Наука», Москва, 1980 г. С. 11.
- ² Орловский Н. В. Указ. Соч. С. 10–11.
- ³ Там же. С. 10.
- ⁴ webgc@gc.com.ua, * т/ф:(0322)70–2713 Rambler's Top100 Rated by PING bigmir) net 7397 11911 Рейтинг@Mail.ru
- ⁵ Дояренко А. Г. Г. Из агрономического прошлого М. С. 16–17.
- ⁶ Там же. С. 19.
- ⁷ Там же. С.
- ⁸ Там же. С.
- ⁹ Там же. С.
- ¹⁰ Там же. С.
- ¹¹ Там же. С.
- ¹² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 409.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 411.
- ¹⁵ Там же. Л. 421.
- ¹⁶ Там же. Л. 422.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 425.
- ¹⁹ Резник С. Е. «Николай Вавилов» (ЖЗЛ). Москва. «Молодая гвардия», 1968. С. 21.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 16.

ГЛАВА II.

СТАНОВЛЕНИЕ МЭТРА

Работа на этой кафедре почему-то не устроила Дояренко, и он переходит на должность ассистента на кафедру удобрений и частного землевладения, руководимой Д. Н. Прянишниковым. Помимо Дояренко на кафедре в качестве ассистента работал другой в будущем известный ученый, специалист в области льноводства И. С. Шулов. Разделение труда у Дояренко с Шуловым было следующим: Шулов был лекционным ассистентом, а Дояренко стал руководителем вегетационных опытов и заведующим общим лабораторным хозяйством. Отечественная сельскохозяйственная наука, да и все российское общество вступили на рубеже веков в период бурного развития и революционных преобразований. Начиналось все с разного рода съездов и совещаний общественных и государственных организаций, пока еще не разделенных непреодолимой стеной. Таким съездом был, например, XI съезд естествоиспытателей в Санкт-Петербурге, на котором собралось 12 тыс. человек! Затем прошел съезд по опытному делу. Везде Дояренко присутствует, выступает, а также, готовит обзорные материалы для редактируемого им Вестника сельского хозяйства, журнала, который помимо органа ИМОСХ становится органом Общества взаимопомощи агрономов.

Главным делом для него в это время остается работа на кафедре под началом Д. Н. Прянишникова. С именем Прянишникова в Петровке на заре ее становления и в последующие годы было связано очень много. Дмитрий Николаевич Прянишников пришел в сельскохозяйственный институт на гребне прилива молодых научных сил, таких как Вильямс, Дояренко, Каблуков, в сложный период. После студенческих волнений в конце XIX века академия была закрыта, даже К. А. Тимирязев оказался вне ее стен. Тем не менее, первый директор нового института, открытый на месте академии, К. А. Рачинский, просветитель и ученый, сумел создать условия для развития научной мысли. Перу

Д.Н.Прянишников принадлежали такие фундаментальные труды, как: «Учение об удобрении», «Частное земледелие». Прянишников был не только выдающимся ученым, но и прекрасным педагогом. Он прививал студентам ответственное отношение к учебе, свободу в выборе занятий, навыки самостоятельной научной работы. Воспользовавшись правом допускать женщин к экзаменам на звание агронома, Дмитрий Николаевич организовал частные платные Высшие женские сельскохозяйственные курсы. Эти так называемые Голицынские курсы приобрели большую популярность, так же, как и вегетационный домик (небольшая тепличка), доставшаяся в наследство от К. А. Тимирязева. По проекту Прянишникова вместо общего изучения курса были организованы секции и тем самым положено начало устройству факультетов. Как отмечают современные исследователи: «Дальнейшим этапом в становлении и развитии научного земледелия стал на кафедре Прянишникова период работы и деятельности А. Г. Дояренко. Талантливый педагог и незаурядный исследователь совершенно по-новому разработал учебную программу и построил научную работу, которая включала разработку агрофизических, химических и биологических методов исследований. На молодого ассистента была возложена очень ответственная задача – руководство вегетационными опытами, которые впервые были введены тогда в студенческую практику Д. Н. Прянишниковым. Но пока что в них участвовали лишь немногие студенты из числа добровольцев. Дояренко решает значительно увеличить их число, выдвинув идею «превратить студенческие работы из практических упражнений в научно-исследовательскую работу». Эта идея была горячо поддержана Д. Н. Прянишниковым, и Алексей Дояренко с головой ушел в работу, сразу проявив недюжинные задатки организатора.

Прежде всего, был переоборудован и расширен вегетационный домик, что позволило привлекать к работе до сотни студентов. По предложению Д. Н. Прянишникова А. Г. Дояренко разработал и заложил в 1912 г. уникальный опыт по изучению роли севооборота, бессменных посевов, удобрений и известкования в изменении плодородия почвы и урожайности сельскохозяйственных культур. Опыт продолжается до настоящего времени»¹.

Свой трехлетний опыт работ со студентами Алексей Григорьевич обобщил в брошюре «Руководство к постановке вегетационных опытов для студентов». Она была написана им во время дежурства у постели больной дочери. Ей и было посвящено первое издание «Руководства...».

Трудно сказать, насколько это повлияло на ее судьбу, но, став взрослой, Евгения Алексеевна Дояренко получила специальность геоботаника и была деятельной и самоотверженной помощницей отца на протяжении всей его жизни, особенно в самые трудные для него годы. А

брошюра Алексея Григорьевича была переиздана и долгое время служила основным пособием для студентов.

Как отмечал А. Г. Дояренко, участие студентов в постановке вегетационных опытов «служило очень надежным испытанием исследовательских склонностей их». Действительно, из их числа вышел целый ряд научных исследователей, среди которых и наш прославленный ученый Николай Иванович Вавилов.

Поначалу результаты студенческих вегетационных опытов обрабатывались Д. Н. Прянишниковым и публиковались в сокращенном виде в «Известиях института». С 1904 года к публикации и обработке материалов стали привлекаться и ассистенты. Сборники «Из результатов вегетационных опытов» стали выходить при совместном авторстве Прянишникова, Дояренко, Шулова и других. Каждый из них обрабатывал свою тему с сохранением авторства в тексте сборника. Всего вышло 16 томов этих трудов! И, по словам Алексея Григорьевича, они представляют «целую энциклопедию новейших для того времени исследований по физиологии растений и агрохимии».

Но все это случилось в жизни Дояренко потом, когда он уже ушел от Прянишникова и, по-видимому, разошелся с ним во взглядах на развитие некоторых аспектов сельского хозяйства. Расхождения эти касались применения химических удобрений. Дояренко вместе с Вильямсом стоял на позициях естественного повышения урожайности путем улучшения качественных параметров почвы.

Неоднократно менял свои научные пристрастия и, соответственно, кафедры и их руководителей в качестве гуру и Н. И. Вавилов в бытность свою студентом Петровки. Сначала он увлекся микробиологией на кафедре проф. Н. Н. Худякова. Затем перешел к Прянишникову, занявшись вегетационными опытами (очевидно под присмотром того же Дояренко). Но и это не удовлетворило будущее светило науки, и он занялся животноводством на кафедре проф. Кулагина. С. Е. Резник в своей книге о Вавилеве пишет: «На кафедре С. И. Ростовцева Вавилов увлекся изучением болезней растений и составил гербарий паразитических грибов. А перед самым окончанием курса, будущий растениевод вдруг стал зоологом. Профессор Н. М. Кулагин задумал всесторонне исследовать вредителей сельскохозяйственных культур Московской губернии. Николай первым взял тему «О полевых слизнях». И выполнил работу так, что ее засчитали ему как дипломную. Даже выпустили отдельной книгой, и Московский политехнический музей присудил ее автору премию имени основателя музея профессора А. П. Богданова. Но и профессор Кулагин не увлек его за собой. Никто не увлек...»². В общем, Петровка оказалась для Вавилова «маловата». «Петровке предьявляю одно лишь серьезное обвинение. В Петровке была милая, хорошая общественная

среда, были недурные научные работники, но в ней не было огня научной мысли, мысли зажигающей и увлекающей за собой. Была недурная учеба, но кипучей работы научной мысли, синтеза – я не ощутил. Были блестящие, вроде Худякова, быстро гаснущие, была скромная внутренняя работа, несомненно, талантливая, вроде Демьянова, Прянишникова, Самойлова, Нестерова и присных, но это был стук в дверь храма науки, как про себя на юбилее сказал Алексей Федорович; эта работа была увлекательной для самих работников, но не для нас – наблюдателей и посетителей лабораторий. А когда-то этот огонь горел в лице Федорова, Тимирязева. Ныне его не ощущали. Это страшно обидно. Не было огня, который бы зажег. Вот кое-что из того, что вертится в мозгу», – писал Н. И. Вавилов в одном из своих писем³.

У Дояренко, наверно, также было немало претензий к Петровке, к ее ведущим профессорам и к Д. Н. Прянишникову, в частности. Прянишников держал Дояренко в ассистентах почти 10 лет! Дояренко был загружен разнообразной деятельностью настолько, что за время пребывания на кафедре Прянишникова не защитил диссертации и не стал профессором. В 1911 г. профессор В. Р. Вильямс предложил А. Г. Дояренко стать его помощником по заведыванию опытным полем института. Причем Вильямс заявил, что дает Дояренко *carte-blanche*, полную свободу деятельности на опытном поле. Действительно, как вспоминал Дояренко, Вильямс ни разу не появился на опытном поле и Дояренко мог заниматься там всем, чем угодно. В 1913 г. Дояренко официально стал заведующим опытным полем и оставался им вплоть до своего отстранения от преподавательской и научной деятельности в тогда уже Тимирязевской сельскохозяйственной академии в 1930 г. В опытном деле, как, впрочем, и во многих других направлениях деятельности, в Петровке не все было так просто и однозначно позитивно, как это представляли сами петровцы, стремясь не выносить сор из избы.

«Следует отметить, – писал в своих воспоминаниях Дояренко, – что в основной программе опытного поля отсутствовали вопросы минерального удобрения, так как наше опытное поле обслуживало кафедру общего земледелия, а вопросы удобрения излагались на кафедре агрохимии, возглавляемой проф. Д. Н. Прянишниковым»⁴. Мотивируя свой отказ испытывать удобрения на опытном поле института, Дояренко писал: «Потребность почв в том или ином удобрении не может иметь общего решения и должна определяться для каждого конкретного случая местными опытами; к тому же всякое применение минеральных удобрений на отдельных делянках приводит данную площадь на долгие годы в полную негодность для постановки на ней каких-либо других опытов»⁵. Прянишникову, тем не менее, удалось добиться своего. «Все же минеральные удобрения нашли себе место в программе нашего

опытного поля на особом участке, который хотя и находился в ведении кафедры удобрений (Д. Н. Прянишникова), но был передан опытному полю с тем, чтобы на нем был заложен опыт с бессменными культурами по разным удобрениям. Такой опыт был заложен в 1911 г.», – писал Дояренко⁶. Конечно, стимулом и предпосылкой к работе на опытном поле, к постановке на нем реальных, а не тепличных опытов для Дояренко явилась работа в вегетационном домике Прянишникова. Там, напомним, растения выращивались в колбах и других сосудах. Дояренко тактично не пишет о том, являлся ли он после занятия должности помощника Вильямса по руководству опытным полем ассистентом на кафедре Прянишникова или уже покинул ее. «Формально же я должен был считаться ассистентом по его (Вильямса – А. К.) кафедре, как он добавлял четвертым Алексеем на этой должности...»⁷. «Меня очень соблазняла перспектива при организации нового опытного поля осуществить целый ряд новых идей в опытном деле, возникших у меня в процессе личного изучения опытных учреждений и уже теоретически разбиравшихся в моем курсе опытного дела, но пока практически нигде не применяемых...»⁸, – писал Дояренко. Он, однако, колебался и пытался оттянуть свой переход в стан противников Прянишникова. «Я попытался было несколько отложить мой ответ, мотивируя необходимостью согласовать это с моим патроном Д. Н. Прянишниковым, но В. Р. Вильямс уверил меня, что это уже решено и я дал согласие»⁹.

В последствии, Дояренко не преминул упомянуть о том, что в данной ему Вильямсом характеристике, последний отметил, что может гордиться тем, что имеет такого ученика. О непростых взаимоотношениях двух кафедр в целом и Дояренко с Прянишниковым в частности, может свидетельствовать такой эпизод, описанный Дояренко в своей автобиографической книге. В институте проходила конференция, посвященная использованию минеральных удобрений. «Председатель, зная мое отношение к минеральным удобрениям, не пускает меня на заседание, но, в конце концов, мы с ним устроились у дверей, ведущих на кафедру, где в это время Прянишников рисовал на доске две почти параллельные кривые, изображающие совпадающий рост урожайности и потребления минеральных удобрений во всем мире. Когда он нарисовал эти кривые и обернулся к аудитории, я подошел к доске и начертил там третью кривую, также совпадающую с двумя нарисованными. И когда он, обернувшись, спросил, что это за кривая? Я сказал: это кривая роста потребления ... мыла. И из совпадения этих кривых никак не следует, что увеличение потребления мыла есть результат применения удобрений, если только не признать, что единственный результат применения минеральных удобрений – запачканные руки, требующие применения мыла. Общій хохот, причем Прянишников хохотал пуще

всех и все обратилось в шутку»¹⁰. Шутки шутками, но разногласия и споры между учеными, разных направлений, наверняка, были не шуточными.

В годы работы на кафедре Прянишникова Дояренко занимался разработкой программ, так называемых крестьянских бесед. Как отмечает Алексей Григорьевич: «Крестьянские беседы были разработаны в годы вынужденного бездействия из-за забастовок 1901–1902 гг. Группа ассистентов Академии разработала программы крестьянских бесед и распределила их темы между собой и оповестила агрономов и население Московской и соседних с ней губерний»¹¹. Дояренко в своих воспоминаниях фиксирует разворот сельскохозяйственной науки в сторону крестьянства, произошедший на рубеже веков. Так, он пишет о том, что на I агрономическом съезде в 1901 г. центральным вопросом неограниченно стал вопрос о введении мелкой земской единицы, то есть учреждение волостного земства. Вопрос этот был поднят в докладе многолетнего председателя Московской губернской земской управы Д. Н. Шипова. «Такая постановка вопроса на съезде грозила вызвать мощное движение на местах в сторону вовлечения масс в самоуправление, что, конечно, не входило в расчеты заправил съезда и председателя его оргкомитета князя А. Г. Щербатова. Он сначала резко запротестовал против широкой постановки этого вопроса на съезде. Однако, резкое требования собрания, ярким выразителем которых явился князь Д. И. Шаховской, заставили его уступить, тем более что председатель съезда директор Департамента Земледелия Н. А. Хомяков, по-видимому, получив инструкции из Петербурга, стал на сторону собрания и разрешил свободно обсуждать этот вопрос»¹². Сам же Шипов остался единственным противником рассмотрения на съезде вопроса о мелкой земской единице...

Шаховской и П. Д. Долгоруков издали целую серию книг, посвященных мелкой земской единице. (Мелкая земская единица. Изд-е кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского при участии газеты «Право».) Мелкая земская единица – в отличие от всеобщей волости имеет, в глазах ее сторонников, исключительно хозяйственное значение. В таком виде она встречается сочувствие в прениях и резолюциях уездных комитетов, земских собраний и съездов. Разномыслие касается главным образом лишь организации М. земской единицы, в частности – ее пространственных границ. Большая часть возражений против введения М. земской единицы – те же, что и против всеобщей волости. Основываясь на быстро растущем недовольстве всех слоев сельского населения современным сословным строем деревни и на постепенном усложнении сельской жизни, в связи с возрастающим самосознанием масс, приверженцы М. земской единицы выдвигают ее как минимальное требование нормального

общественного существования сельской массы. Вопрос быстро назревал под давлением законодательства (земского положения 1890 г., положения о земских начальниках 1889 г.), изгнавшего все живые общественные силы из народной среды. Все рельефнее обнаруживалась полная непригодность поставленных бюрократией органов заведывания деревенским хозяйством. Даже энергичная работа земства не в состоянии была предотвратить упадок хозяйственной деятельности во всех сферах местной жизни», – было сказано в аннотации к этому изданию.

В отличие от всеобщей волости М. земская единица имеет, в глазах ее сторонников, исключительно хозяйственное значение. В таком виде она встречается сочувствие в прениях и резолюциях уездных комитетов, земских собраний и съездов. Разномыслие касается главным образом лишь организации М. земской единицы, в частности – ее пространственных границ. Большая часть возражений против введения М. земской единицы – те же, что и против всеобщей волости. Основываясь на быстро растущем недовольстве всех слоев сельского населения современным сословным строем деревни и на постепенном усложнении сельской жизни, в связи с возрастающим самосознанием масс, приверженцы М. земской единицы выдвигают ее как минимальное требование нормального общественного существования сельской массы. Вопрос быстро назревал под давлением законодательства (земского положения 1890 г., положения о земских начальниках 1889 г.), изгнавшего все живые общественные силы из народной среды. Все рельефнее обнаруживалась полная непригодность поставленных бюрократией органов заведывания деревенским хозяйством. Даже энергичная работа земства не в состоянии была предотвратить упадок хозяйственной деятельности во всех сферах местной жизни. Обслуживание местности из центра не могло не привести к нежелательным результатам. В круг ведения М. земской единицы должны войти почти все сферы народно-хозяйственной жизни: почта, железные и шоссейные дороги, промышленность, просвещение, народное здравие, агрономия, общественное призрение, организация благотворительности – все то, что до сих пор выполняли, под контролем и гнетом администрации, отчасти земские, отчасти сословно-крестьянские учреждения. Привлечение к общественной работе даровых сил населения, в связи с изменением системы прямых налогов и организацией самообложения, даст мелкой земской единице значительную денежную силу»¹³.

Так А. Г. Дояренко определенным движением общественных сил, происходившим помимо и независимо от его воли, втягивался социальную борьбу радикальных политических кругов с самодержавно-бюрократической властью. Борьба эта все больше и больше переводилась в плоскость борьбы за низовое местное самоуправление, втягивание

наиболее сознательной части¹⁴. крестьян в общественное освободительное движение. Естественно, что крестьянские беседы, во время которых могли помимо чисто хозяйственных вопросов, на что ориентировало сельскохозяйственную интеллигенцию и министерство земледелия, и общественные организации (в первую очередь ИМОСХ, президентов которого был А. Г. Щербатов), могли касаться и политических и идеологических проблем. Как отмечает Дояренко, «именно в это время в число членов ИМОСХ вошел почти весь профессорско-преподавательский состав Академии, университета и других высших школ, почти весь агрономический персонал губернского и уездного земств, работники кооперации, банков, кредитных товариществ, юристы и экономисты»¹⁵. Все это вскоре приведет к так называемой революции в ИМОСХ, свержению А. Г. Щербатова, превращению общества в один из опорных пунктов борьбы обществ с правительством, центр организации крестьянства путем создания Всероссийского крестьянского союза. Все это А. Г. Дояренко опишет в своей автобиографической книге.

На фоне грандиозных общероссийских событий начала прошлого века конкуренция направлений развития сельского хозяйства страны и борьба соответствующих кафедр и их руководителей между собой не выглядели слишком заметным явлением. Академическая среда всегда старалась не выносить сор из избы, а точнее говоря, не посвящать профанов в суть споров специалистов. В современных энциклопедических справочниках, в том числе, электронных можно прочесть, что Вильямс: «Вел острую полемику с «минеральными» и «формально-дедуктивными» агрохимиками, под которыми подразумевались последователи Д. Н. Прянишникова»¹⁶. Вильямс был последователем В. В. Докучаева, а Д. Н. Прянишников – К. Е. Тимирязева. В 1907 г., то есть после революции, В. Р. Вильямс стал директором МСХИ. Последнее обстоятельство, несомненно, усиливало возможности Вильямса в продвижении своих научных идей и концепций. В 1914–24 гг. вышел капитальный труд Вильямса «Почвоведение», в котором он впервые в целом виде дал свою теорию единого почвообразовательного процесса. 1919 издал первую, а в 1922 – вторую часть труда «Общее земледелие», где изложил основы травопольной системы земледелия. В 1927 выпустил труд «Общее земледелие с основами почвоведения», в котором изложил теорию единого почвообразовательного процесса и основывающуюся на нем травопольную систему земледелия. Был ли Дояренко последовательным и безоговорочным приверженцем идей Вильямса?

Развитие событий, о которых мы будем писать дальше, позволяет усомниться в этом. Что же касается начала 1900-х гг., то факты свидетельствуют о том, что по тем или иным соображениям А. Г. Дояренко покинул кафедру Д. Н. Прянишникова и перешел работать к Вильямсу.

Причем, как мы уже упоминали, сначала возглавил работу опытного поля института. Затем происходят события, которые поражают воображение Дояренко. Как писал Алексей Григорьевич: «Занятый по горло организацией по новому опытного поля и работы на нем с годовыми практиками, я и не помышлял о профессорской деятельности в Академии, тем более что кроме работы в Академии, у меня была большая нагрузка по редактированию Вестника сельского хозяйства, на голицинских курсах (женских агрономических курсах – А. К.). «Совершенно неожиданно для меня, – пишет далее Дояренко, – произошло событие, совершенно изменившее мою судьбу и определившее ее на всю мою жизнь. И опять виновником этого явился Вильямс...»¹⁷. Вильямс в это время решил отказаться от заведывания кафедрой общего земледелия и в качестве кандидата на эту должность предложил совету института Дояренко. Так Дояренко, не будучи еще оспененным специалистом и не имея ученого звания, становился сразу руководителем одной из кафедр сельскохозяйственного института! Получить профессорскую должность, что было необходимым условием для руководства кафедрой, мог только один претендент. Как на грех от кафедры Прянишникова на профессорское звание претендовал И. С. Шулов. Дабы не обидеть ни одного из маститых ученых, Совет института принял соломоново решение дать профессорское звание обоим. Дояренко получил кафедру общего земледелия на отделении полеводства агрономического факультета с одновременным заведыванием опытным полем. Шулову досталась должность на отделении экономики, садоводства, животноводства с заведыванием льняной опытной станцией¹⁸. Дояренко пришлось срочно представлять в Совет свою давно написанную научную работу. Вильямс дал Дояренко исключительно лестную характеристику. Как писал об этом Дояренко: «Меня поразила полнота разбора всех моих печатных работ, которых к тому времени было уже 91. Вильямс ни одной из них не пропустил, разобрал их в свете последовательного роста моей квалификации и изобразил его, как последовательную эволюцию моих взглядов (sic) от агрохимии через агрофизику к обобщающим вопросам общего земледелия. С исключительной подробностью была разобрана моя диссертационная работа «К изучению аэрации почвы», которой посвящено 4 страницы из 10 большого формата отзыва»¹⁹.

«И вот совершенно неожиданно для себя я оказался профессором общего земледелия и заведующим кафедрой и лабораториями», – писал в своих мемуарах Дояренко²⁰. Итоговый вывод Вильямса относительно научных перспектив Дояренко был следующим: «В нем мы имеем не начинающего, подающего надежды молодого работника, а уже человека с совершенно ясными, продуманными и определенными научными взглядами, работника с совершенно определившимся строю

научным направлением. И это особенно важно в такой отрасли знания, как общее земледелие, где в силу чрезвычайной близости трактуемого предмета к повседневной жизни, начинающий работник с недостаточно устоявшимися научными взглядами легко может пойти по пути попыток обобщения выводов практики, пути совершенно мертвого, ничего общего с научной разработкой этих вопросов не имеющего. (Подчеркнуто Дояренко)»²¹. Вильямс имел в виду преобладание во многих отраслях науки, не исключая и агрономии, чисто эмпирического подхода, то есть индуктивного, от конкретного к общему пути научного исследования. Вильямс, по-видимому, был прав и в том, что в сельскохозяйственной науке, гораздо теснее связанной с практикой, с взаимодействием с живыми, то есть саморазвивающимися организмами, соблазн развивать научные исследования именно таким образом, был чрезвычайно силен. Теории, не формировавшиеся исключительно на базе практических опытов, очень часто отвергались учеными, основывавшими свои научные поиски на методологии позитивизма, то есть без диалектики. Кумирами тогдашних естествоиспытателей были О. Конт и Ж. Кювье.

1900–1901 годы были особенно памяты Алексею Григорьевичу. Начало прошлого века совпало у него с блестящим дебютом в науке. В это же время произошли большие изменения в его личной жизни. 25 мая 1901 года он женился на второй дочери профессора Н. Я. Демьянова Маше, только что окончившей гимназию. После свадебного путешествия, завершившегося поездкой к матери в Харьковскую губернию, Дояренко вернулся в Москву и приступил к своей работе на кафедре удобрений и частного земледелия, куда он был назначен, но представлению Д. Н. Прянишникова. Но, как мы отмечали, работа на кафедре у Прянишникова имела для Дояренко и немало минусов. Опыты с внесением минеральных удобрений на крестьянские поля дали отрицательные результаты. Дояренко, анализируя их проведение, пришел к интереснейшим выводам.

Подготовленный сводный доклад констатировал отсутствие эффективности минеральных удобрений в Московском уезде. Но не в характере Дояренко было успокаиваться па этом малоутешительном выводе. Он выдвигает свое объяснение причин низкой урожайности крестьянских земель, привлекающее и сейчас смелостью научной мысли, широтой подхода к изучаемому явлению: «Результат этих опытов привел меня к убеждению, что основная причина низких урожаев в нечерноземной зоне заключается не в бедности почвы питательными веществами, а в других факторах, среди которых я выдвинул роль воздуха в почве. При плохой обработке и распыленности почвы воздух мог оказаться в недостатке для дыхания корней. Эта мысль была подхвачена агрономами, и развитие опытов па крестьянских полях пошло по новому пути».

По новому пути пошло не только развитие опытов на крестьянских полях. Занявшись вплотную изучением воздушного режима почвы, Дояренко создает новое направление в агрономии – агрофизику почвы. Применяв новую методику, он установил, что запас почвенного воздуха расходуется растениями за 10–12 дней. Это наталкивает его на мысль о постоянном газообмене между почвенным и атмосферным воздухом, который Дояренко назвал «дыханием» почвы. «Дышит» почва под – действием колебаний суточных температур, поглощая азот. Именно за эти свои работы Дояренко, в последствии, был назван первым российским агрофизиком. Иными словами, он открыл новое направление научных исследований в сельском хозяйстве. Их, этих направлений, однако, в ту пору было столько, что голова шла кругом как у исследователей, так и у практиков. Несомненно, что многие так называемые научно-технологические варианты вывода отечественного сельского хозяйства из кризиса (есть, впрочем, немало исследователей, сомневающихся в наличии этого кризиса) являлись в то время ничем иным, как паллиативными предложениями, выдвигавшимися в противовес кардинальному решению аграрно-крестьянского вопроса. Он, этот вопрос, был центральным в Первой русской революции 1905–1907 гг.

Естественно, что большинство петровцев, так или иначе, участвовали в событиях, предшествовавших революции и в некоторых революционных событиях непосредственно. Дояренко, как главный редактор Вестника сельского хозяйства, журнала ИМОСХ, конечно, не мог не быть в курсе готовившейся в обществе революции, как сам он называл смещение А. Г. Щербатова и формирование нового руководства²². Тем более что одним из главных действующих лиц этого процесса, а затем и важнейшего для развития революции деяния МОСХ – создания Всероссийского крестьянского союза был один из его близких друзей – Александр Павлович Левицкий. Все лето 1905 г. Вестник сельского хозяйства публиковал материалы, посвященные аграрному вопросу в России, включая программные документы трех ведущих оппозиционных партий (точнее двух, поскольку официально партия Народной свободы к этому времени еще не была создана): либерально-кадетской, социал-демократической и эсеровской. Вестник публиковал в специальной рубрике «Вести с мест» материалы, отражающие борьбу крестьян с помещиками и властями. В конце-концов войска буквально оккупировали Петровку. А бывший офицер, Д. Л. Рудзинский учил профессуру пользоваться оружием, проводя учебные стрельбы в лесу...²³. Судя по воспоминаниям дочери Дояренко Евгении, на квартире отца хранились какие-то важные документы, интересовавшие полицию. По ее словам, однажды, придя с прогулки, она вместе с няней обнаружила дверь в квартиру запертой. Потом дверь открылась и она увидела, что в ней

находился А. П. Левицкий, которому ключи, по-видимому, передал отец. Левицкий или дядя Алеша, как звала его маленькая жена, забрал какие-то бумаги и сказал, чтобы она никому не говорила о том, что видела его на квартире Дояренко. Затем приехал отец, а вслед за ним нагрянула с обыском полиция. Найти ей ничего не удалось, но полицейский офицер был уверен, что компрометирующие документы были либо спрятаны, либо уничтожены. Он пытался, расспросив девочку, узнать о том, был ли кто на квартире в отсутствие отца. Но Женя держалась стойко и к удовольствию отца, ни словом не обмолвилась о том, что видела А. П. Левицкого. Обыск на квартире А. П. Левицкого прошел вскоре после обыска на квартире Дояренко. По окончании обыска полиция потребовала, чтобы Дояренко поехал в редакцию (очевидно Вестника сельского хозяйства – А. К.).

С Рудзинским жизнь столкнет Дояренко еще не раз. Знакомство же их началось еще до революции, когда Дояренко начал читать лекции в Политехническом музее в Москве. Д. Л. Рудзинский возглавлял в музее сельскохозяйственный отдел. В предшествовавшие революции 1905–1907 гг. и в ее ходе Политехнический музей был, наряду с МОСХ, одним из центров объединения оппозиционной самодержавию общественности. Дебаты по аграрному вопросу с участием В. М. Чернова, П. П. Маслова, М. О. Гершензона, А. А. Мануйлова и др. специалистов и политиков, часто проходили именно там. Кроме того, Дионисий Леопольдович Рудзинский возглавлял с 1903 г. сначала лабораторию, а затем селекционную станцию МСХИ. После этих более чем прозаических занятий в 1898 г. последовали назначения, которые перевернули жизнь Рудзинского. Дионисий Леопольдович стал ассистентом кафедры общего земледелия у В. Р. Вильямса; почти одновременно он оказался хранителем сельскохозяйственного отдела Политехнического музея (также под началом Вильямса). В МСХИ помимо занятий со студентами Рудзинский должен был «высеивать на опытном поле коллекцию сортов культурных растений».

Коллекционный питомник в некоторых работах даже ботанический музей опытного поля стали основой для первого государственного селекционного учреждения – Селекционной станции МСХИ. Рудзинскому было поручено курировать сохранение и пополнение коллекций: в его обязанности входило изучение сортового разнообразия ряда культур и размножение чистосортных семян, получаемых главным образом из-за границы. Постепенно эта работа «путем изучения морфологических и физиологических типов, все более и более приближалась к деятельности сортовода, и в 1902 г. был заложен первый селекционный питомник, в котором высевались пшеница озимая и яровая и овес». Работа с коллекциями сортов действительно увлекла Рудзинского; он не ограничился

задачами репродукции и стал проводить массовый отбор лучших растений с целью улучшения посевного материала отдельных сортов. Весной 1902 г. МСХИ направил Рудзинского в Германию для прослушивания курса в университетах (в частности, лекций по селекции профессора К. Рюмкера в Бреславле) и посещения известных семеноводческих хозяйств. Знакомство с немецкими селекционными станциями и знаменитым шведским центром в Свалёфе сделали Рудзинского активным сторонником и пропагандистом развития селекции в России. Цель, поставленная ученым, была амбициозна – убедить публику и власть в необходимости создания селекционных станций²⁴.

Вернувшись в Россию, Рудзинский выступил на Втором всероссийском съезде деятелей по опытному делу в 1902 г. с докладом «О селекционных семенных станциях в Европе и необходимости таковых в России». Вероятно, это было первое публичное заявление, в котором не только декларировалась необходимость создания селекционных станций, но впервые было заявлено имя «селекция» в новом, дисциплинарном, контексте. Чтобы оценить отношение к селекции в стране, где, на первый взгляд, уже давно велись селекционные работы и существовали станции (см. выше), достаточно сказать, что коллеги Рудзинского, делегаты съезда, всего лишь рекомендовали «одобрить доклад», но дальнейшего развития предложение не получило.

В том же 1902 г. началась история создания при МСХИ селекционной станции²⁵. Именно под началом Рудзинского, а, следовательно, и В. Р. Вильямса начинал свою научную деятельность Н. И. Вавилов.

Социальное теснейшим образом переплеталось с научным в деятельности работников сельского хозяйства того времени. К сказанному следует добавить, что в стране, ее руководстве, точнее говоря, той его части, которая отвечала за развитие сельского хозяйства и соответственно в зависимой (хотя эта зависимость стремительно уменьшалась в годы, предшествовавшие первой русской революции и после нее), от нее сельскохозяйственной науки и практики, не были окончательно выработаны приоритеты этого развития. Делалось многое, но часто разноразлично, неорганизованно. Финансирование развития сельского хозяйства, которое по логике правящих бюрократических верхов, вообще, считалось нонсенсом, было явно недостаточным. А без определения приоритетов развития выглядело, как явное распылением средств. Например, следовало сделать выбор, на чем сосредоточить усилия науки на интродукции или селекции.

Революция ставила задачей уничтожить централизованно-бюрократическую систему управления, передать решение проблем местного развития, включая вопросы сельскохозяйственного производства, низовому самоуправлению, привлечь к процессам управления население, прежде всего, крестьянство.

Судя по всему, выбор властей пал на развитие селекции, опытного дела и индивидуализацию крестьянского землевладения путем разрушения общины, дополненной поддержкой кооперации, как замены общины. На интродукцию, требовавшую значительных средств для организации экспедиций в разные страны махнули рукой.

Положение дел в российском сельском хозяйстве в первые десятилетия XX в. усугублялось плохим состоянием статистики урожайности основных продовольственных культур, выращивавшими крестьянами и помещиками²⁶. М. А. Давыдов в своих исследованиях достаточно убедительно разоблачает миф о великих достижениях земской и официальной государственной статистики в предреволюционное время. А без точного определения параметров жизнедеятельности реального сельского хозяйства: площади используемых угодий, количества высеваемых семян, величины урожая и средней урожайности, развивать сельскохозяйственную науку было весьма затруднительно. «При этом проблема не сводилась к одному только заведомому нежеланию крестьян сообщать посторонним лицам правду о своем хозяйстве, об уровне своей жизни. Есть основания полагать, что методически неверен бывал и подход статистиков к данным бюджетов», – пишет М. А. Давыдов²⁷.

Дояренко, напомним, вел беседы с крестьянами на опытном поле, но насколько эти беседы были эффективны в смысле подъема крестьянского хозяйства, его интенсификации и модернизации, сказать трудно. Свидетельств того, как проходили беседы с крестьянами сохранилось немало. Сам Дояренко о многом сообщает в своих мемуарах. Бывший студент, а затем профессор Тимирязевской академии Орловский, написавший одну из первых биографий А. Г. Дояренко, также, подробно описывает общение Алексея Григорьевича с подмосковными крестьянами: «он организовал при Опытном поле для крестьян Московской области «Практический курс полеводства», в основу которого было положено «личное ознакомление крестьян с работами Опытного поля непосредственно в поле»²⁸. Этот курс давался в виде десяти бесед на следующие темы: 1) пары и озимые хлеба; 2) травы и их роль в луговодстве и полеводстве; 3) корнеплоды в полевом хозяйстве; 4) удобрения; 5) яровые хлеба; 6) посев; 7) уборка молотья и сортирование; 8) машины и орудия в полеводстве; 9) обработка дернины и пахота; 10) севообороты. Порядок этих бесед определялся сроками проведения тех или иных полевых работ на Опытном поле. А урожаи на нем достигали примерно 40 ц/га озимой ржи и пшеницы, 32 ц/га овса и 350 ц/га картофеля. Было что показать крестьянам!

Эти беседы проводились «на природе». Слушатели размещались рядом с «конторой» на уложенных прямо на землю дубовых бревнах, а для размещения демонстраций на случай дождя были построены два

небольших павильончика. Начиналось с крестьянских неспешных разговоров с Алексеем Григорьевичем «по душам» за чаем из ведерного самовара; беседа начиналась в 12 часов кратким его вступлением, где Дояренко в простой, доходчивой форме излагал весьма сложные вопросы агрономии. Затем слушатели шли в поле, на демонстрируемые по программе опыты, и здесь задерживались до 5–7 вечера. Стиль беседы был сугубо популярный, но без примитивного упрощенчества понятий. Профессор считал, что «господствовавший еще недавно взгляд на косность, инертность и низкий уровень сельскохозяйственных знаний как основных тормозов хозяйственного прогресса в деревне при ближайшем углублении в деревенскую жизнь должен уступить уверенности, что, по крайней мере, для переживаемого момента, это не соответствует действительности. Яркое выраженное стремление к улучшению своего хозяйства, «искание» новых путей, громадный запас практического сельскохозяйственного знания, наконец, громадный опыт в деталях техники – такова картина современной жизни деревни, открывающаяся при сколько-нибудь углубленном ее изучении»²⁹. Конспекты крестьянских бесед публиковались в «Вестнике» с приложением к каждой беседе вопросника, содержащего около ста вопросов по теме.

Для примера приведу некоторые из них по беседе о травосеянии и луговодстве. Беседа на эту тему обычно начиналась на миниатюрном луговом участке, расположенном в углу Опытного поля, где представлены были три типа луга: заливной, заболоченный и суходольный. На них были заложены опыты с поверхностным улучшением и внесением удобрений. Этим участком управляла в порядке «общественного поручения» дочь Алексея Григорьевича, ставшая впоследствии квалифицированным геоботаником. Вопросы по теме: «Как узнать, достаточно ли осушено болото? По каким травам узнать, что луг надо перепахать? Годится ли в корм осока? Как уничтожить щучку? Как повлиять на соседнюю деревню для проведения осушки луга? Как возделывать пустошь? Не следует ли косить луг позже для его обсеменения? Как бороться на лугу с щавелем? Что за трава лисохвост? Съедобна ли пушица? На всяких ли почвах бывает клевероутомление? При клеверном паре нужно ли примешивать тимофеевку? Почему у нас вымерзает люцерна, а на Юго-востоке нет? Съедобны ли бурьяны? Как вносить навоз на лугу» и т. д. Всего – 76 вопросов, а по следующей беседе о картофеле и корнеплодах таких же «замысловатых» вопросов – 102.

Дояренко обстоятельно отвечал на все эти жизненные вопросы. Он изучал нужды сельского хозяйства, организовал монографическую серию экономико-статистических описаний, закладку различных опытов с парами, минеральными удобрениями и т. п. На крестьянские беседы он тратил свои выходные дни в продолжение десяти лет (1919–1929 гг.),

до последнего года работы в академии. Это был действительно великий трудовой подвиг ученого, яркий в своей самобытности, но полузабытый последующими поколениями агрономов. Особую роль сыграло Опытное поле в деле подготовки высококвалифицированных научных кадров по опытному делу, в котором Дояренко также применил свой собственный подход. Он добивался разносторонней подготовки практикантов к будущей самостоятельной научно-исследовательской деятельности. Каждый практикант получал в свое распоряжение один опыт, где он был полным хозяином. Кроме того, были дни, когда он являлся руководителем всех работ на опытном поле – так называемым дежурным, а накануне выполнял роль помощника дежурного. Эти два дня, и особенно день дежурства, были самыми трудными в работе практиканта. Бывали всякие промахи, от заведующего и его помощника требовалось очень внимательное и тактичное наблюдение за работой дежурного. Однако всякого рода отмены и изменения распоряжений делались только самим дежурным – полным хозяином в данный момент. Годовые отчеты практикантов ставились на общее обсуждение. «Много горячих споров, смелых выводов, обобщений и предложений, граничащих с фантазией, а иногда и разочарований бывало на этих отчетных собраниях, где выковывались будущие опытники», – писал Алексей Григорьевич в своих воспоминаниях³⁰.

Как можно заметить, беседы с крестьянами вписывались в общий план работ по подготовке специалистов сельского хозяйства, разворачивавшихся на опытном поле Петровки. Иными словами, Дояренко считал уровень подготовки крестьян сопоставимым с уровнем основной массы студентов! Наверное, такое встречное движение интеллигентно-сельскохозяйственников и крестьян – практиков было в предреволюционные годы велением времени, объективно неизбежным процессом.

Через такую своеобразную аспирантуру у Дояренко прошло около сотни практикантов. Многие из них в последующем работали в сельскохозяйственной науке с большим успехом и достигли широкой известности. Дух приподнятой творческой активности и товарищества господствовал среди практикантов. Нашлись среди них затейники, поэты и художники, которые начали выпускать рукописный журнал с оригинальным названием «Касьяны». Опытное поле существовало два десятка лет. Кафедрой земледелия профессор А. Г. Дояренко заведовал 15 лет. За эти годы страна пережила первую мировую войну, свержение царизма, победу Великого Октября, три года гражданской войны и первую пятилетку. На глазах одного поколения произошло крушение старого мира и рождение нового. В эти героические годы, полные борьбы, труда и лишений деятельность А. Г. Дояренко развернулась во всю мощь его богато одаренной натуры. В годы первой мировой вой-

ны внимание «Вестника» направляется на усиление агрономической помощи сельскому хозяйству, разрушаемому непрерывными мобилизациями. В журнале появляется ряд статей, которые показывают, что А. Г. Дояренко в захватившем страну вихре событий пытается помочь сельскому хозяйству: «Агрономическая работа среди текущих событий», «К вопросу об организации земледельческих приютов», «Московский сельскохозяйственный институт и война», «К организации экономического отдела при Всероссийском Земском союзе», «Нужды сельского хозяйства в освещении экономического совещания при Земсоюзе», «Продовольственный вопрос в деревне и агрономическая деятельность» и т. д.

Через неделю после Февральской революции в передовой статье «Вестника» – «Учредительное собрание и аграрный вопрос» А. Г. Дояренко пишет: «...Невероятно, чтобы народ, окутанный темнотой невежества и уже познавший силу света просвещения, не потребовал широко раскрыть двери просвещения; сугубо невероятно, чтобы народ, лелеявший мечту о земле, не заговорил о ней в первую очередь, быть может, ставя в связь форму государственного управления с вопросом о земле... Оба эти коренных вопроса русской жизни – государственный строй и аграрный строй – заслуживают быть решенными голосом всего народа...».

А. Г. Дояренко ставит перед «Вестником» задачу создать идеологию решения аграрного вопроса, вылить его в конкретные программы, выразить их в понятных для масс формулах... В журнале организуется аграрный отдел, который должен отражать, возможно полно, течения политической и научной мысли в области аграрного вопроса. А. Г. Дояренко приветствует создание Главного Земельного Комитета, участвует в создании общественной Лиги аграрных реформ, куда входят наиболее авторитетные экономисты-аграрники. В своих статьях он пишет о трех направлениях деятельности ученых-аграриев: 1) разработка идеологических принципов аграрных отношений в их конкретной форме; 2) выяснение требований, которые предъявляются населением к аграрной реформе; 3) экономические и агрикультурные перспективы при различных формах решения аграрного вопроса. В «Вестнике» печатаются обзорные статьи агрохимика Л. Л. Балашова о работе крестьянских съездов. Лейтмотив всех резолюций: «Вся земля должна перейти безвозмездно трудовому народу!»³¹.

Орловский, несомненно, преувеличивал революционность и радикализм взглядов Дояренко относительно решению аграрного вопроса в России. Несомненно, что именно московская сельскохозяйственная и кооперативная общественность явилась инициатором процесса самоорганизации крестьянства в форме советов. Она же выступила с инициативой

создания Лиги аграрных реформ, общественной организации, призванной заняться квалифицированным обсуждением всех аспектов аграрных преобразований в стране. И хотя среди членов Лиги были как кадеты, так и социалисты, неонародники и марксисты, единство мнений и солидарность в поддержке той или иной инициативы новых революционных властей с их стороны были достаточно частым явлением. Особенно это единство было заметно как антитеза деструктивным, анархическим призывам и действиям леворадикальных партий и групп. Единство сельскохозяйственной интеллигенции, сплотившейся в годы войны против губительной для страны политики царизма, а после войны против радикализма большевиков, в эти годы, несомненно, выросло³².

В связи с ликвидацией местного земского самоуправления Дояренко ищет новые способы взаимодействия агрономических учреждений с кооперативными организациями, сельскохозяйственными обществами, общинами и пр. Он обращает внимание на «те здоровые всходы общности и прогресса, которые, несомненно, появляются на развалинах прошлого и среди обломков происходящих разрушений. И, может, одним из самых серьезных моментов предстоящей творческой работы является задача – подметить эти ростки, отыскать зачатки положительных течений среди бушующей бури современности, которые, отменяя весь мусор переживаемых событий, дадут начало новой жизни...»³³. Три следующие статьи А. Г. Дояренко посвящены «неотложным внеочередным нуждам опытного сельскохозяйственного дела в целях подъема производительных сил страны». Многие опытные станции оказались в районах военных действий, хозяйства некоторых из них были разгромлены. Дояренко ставит вопрос не только о защите самого существования опытных станций, но и о развитии их научной работы.

Прежде «главной задачей работы опытных учреждений ставилось изучение и оценка научными объективными методами существующих и применяемых способов... теперь, когда предстоит колоссальная работа по строительству новых форм социально-экономической жизни и среди них новых основ сельского хозяйства, когда не только исчезли всякие подлежащие оценке старые формы, но и рухнули все внешние условия, определявшие устойчивость, продуктивность и рентабельность их, совершенно ясной стала необходимость не контрольной, оценочной работы, а созидательной, творческой, путь для которой один – не считая неуловимого интуитивного творчества – путь логического построения на основании экспериментального изучения элементов расчлененных факторов... тех кирпичей, из которых можно будет для каждого конкретного случая строить наиболее применимую, продуктивную и рентабельную систему культуры»³⁴. Одновременно Дояренко предложил организовать при опытных станциях отделы применения,

издание их отчетов и популярных бюллетеней и устроить при Петровской сельскохозяйственной академии постоянные курсы для подготовки деятелей опытного дела. Этими курсами он впоследствии и руководил. Несмотря на транспортные и продовольственные трудности, Дояренко в ноябре 1918 г. организовал совещание по опытному делу, на котором были созданы Бюро защиты опытных учреждений и Бюро Всероссийских съездов по опытному делу, председателем которого избрали А. Г. Дояренко, а его членами А. П. Левицкого, А. И. Стебута, Н. М. Тулайкова и других известных опытников. Это Бюро разработало положение об опытном деле и просило правительство о принятии всех расходов по опытным учреждениям на счет государства. Такое решение было принято в 1919 г., что имело решающее значение для сохранения опытных учреждений в те трудные годы.

Следует отметить, что в годы первой мировой войны Дояренко работал в различного рода временных и постоянных общественных и государственных организациях, призванных решать вопросы развития сельского хозяйства страны, кооперации и т. п., и т. д. Так, в самом начале 1915 г. появилась комиссия по развитию университетского агрономического образования А. Г. Дояренко, наряду с другими специалистами активно работал в комиссии. Большинство принявших участие в обсуждении этой проблемы поддержало идею создания агрономических факультетов при университетах. Только академик А. С. Фоминцын высказался против этого, а профессор А. А. Кауфман – за предпочтительное развитие специальных агрономических школ. Определенные противоречия и разногласия по поводу того какая форма развития агрономической науки, академическая, фундаментальная, базирующаяся на достижениях таких естественных наук, как физика и химия в университете или приближенная к практике, к опытному делу, существовали и будут, по-видимому существовать всегда. Так, например, в одном из самых молодых в то время университетов – Саратовском существовал агрономический факультет. Затем он выделился в самостоятельное научное учреждение – Саратовский сельскохозяйственный институт (СХИ). Другое крупнейшее научно-исследовательское учреждение, существовавшее в Саратове – Институт зернового хозяйства, где в последние годы своей жизни работал А. Г. Дояренко, возникло на базе опытной станции, основанной А. И. Стебутом.

А. Г. Дояренко выступал основным докладчиком на заседании МОСХ, посвященного организации сельскохозяйственных приютов. Вопрос этот рассматривался 7 июля 1915 г.

После революции Дояренко не был рядовым членом Лиги аграрных реформ, но входил в ее руководящий орган – Совет. Довольно странное впечатление производит оценка с Дояренко ситуации, в которой

оказалась страна в ходе гражданской войны, когда Центр, оказался отрезанным от районов сельскохозяйственного производства. По мнению Дояренко, такая отрезанность от производивших львиную долю сельскохозяйственной продукции областей, послужит стимулом для привлечения общественной агрономии к деятельности по интенсификации в Центре сельскохозяйственного производства. Своеобразие мышления А. Г. Дояренко нашло свое проявление и в такой парадоксальной оценке сложившейся в годы Гражданской войны в стране ситуации.

Дояренко, в отличие от некоторых других деятелей сельскохозяйственной науки и практики, не принимал участия в антисоветских организациях. Однако, на рубеже двух эпох: переходе Советского руководства к Новой экономической политике, которую многие оппозиционно настроенные в отношении коммунистической власти интеллигенты посчитали как признание этой властью своего поражения и, соответственно, готовности передать власть более политически и идеологически умеренным политическим кругам, Дояренко, как и многие другие его соратники по работе в Петровке, МОСХ, принял участие в ряде демаршей. Так, в докладной записке Секретного отдела (СО) ВЧК «О деятельности общественных организаций при наркоматах и других центральных учреждениях РСФСР» от 18 декабря 1921 г. говорилось:

«Для примера возьмем Всероссийское общество агрономов. Согласно уставу общества пар. 8 и 9, членами общества могут быть только профессора, агрономы и др. лица, имеющие какую-нибудь ученую по с.-х. степень, другими словами, в общество могут проникнуть люди, примыкающие по своему прошлому и идеологическому пониманию к враждебному нам классу – буржуазии. Таким образом, каста агрономов замкнула свой круг, в который ворваться какие-либо посторонние влияния совершенно не могут. Для иллюстрации поведения общества, а равно, и выяснения его чаяний, остановлюсь на характеристике торжественного заседания в честь годовщины Петровской с.-х. академии, составленной 25/XI–1921 г. Торжества состоялись в присутствии участников Всероссийского агрономического съезда, представителей Петровки (профессоров и студентов) и Московского сельскохозяйственного общества. В торжествах заметны определенные к.р. выпады против Рабоче-крестьянской власти и ее опоры – коммунистической партии, чувствуется, что к.р. силы до сих пор униженные и придавленные, и разгромленные, проснулись и поднимают голову, сплываются и выпрямляют свою линию. Старые агрономы и представители Московского с.-х. общества на студентов-петровцев рассчитывают как на подрастающий молодой резерв их черной рати, резерв, который вопреки коммунистическим наростам и прижима Рабоче-крестьянской власти, будет ревностно и свято отстаивать заветы «старых петровцев».

Каковы заветы профессоров Дояренко, Прянишникова, Фортунатова, Чайнова и пр., мы прекрасно знаем»³⁵.

Как представитель МОСХ и редактор Вестника сельского хозяйства, что предопределяло участие в разного рода совещаниях и съездах, А. Г. Дояренко оказывался в водовороте политических событий. Возможно, это происходило вопреки желанию профессора, возможно – нет. Так, он оказался среди членов Комитета помощи голодающим, организации, составленной как из советских чиновников, так и из «общественных деятелей старого режима», в основном, конечно, февральского разлива. История этой организации вкратце такова. В июне 1921 года в Москве проходил VII Всероссийский съезд по сельскохозяйственному опытному делу, на котором в основном обсуждались вопросы организации совместной государственной и общественной помощи голодающим. Эта тема звучала в выступлениях многих участников съезда, в частности, бывшего министра продовольствия во Временном правительстве, известного экономиста С. Н. Прокоповича, предложившего обратиться к советской власти с инициативой создания общественного комитета по борьбе с голодом. При посредничестве М. Горького, с которым жена С. Н. Прокоповича – Е. Д. Кускова – была знакома еще по Нижнему Новгороду, удалось выйти на переговоры с властями. 21 июля ВЦИК утвердил статус общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола). Его председателем был назначен председатель Моссовета Л. Б. Каменев (почетным председателем избран писатель В. Г. Короленко). Активное участие в работе Помгола принимали бывшие члены ЦК партии кадетов М. В. Сабашников, Н. М. Кишкин, Ф. А. Головин, Н. Н. Кутлер; известные деятели литературы и искусства России К. С. Станиславский, А. И. Южин-Сумбатов, А. Л. Толстая, М. А. Осоргин (редактор бюллетеня Помгола «Помощь»), Б. К. Зайцев, толстовцы П. И. Бирюков, В. Ф. Булгаков; президент АН А. П. Карпинский, вице-президент В. А. Стеклов, академики П. П. Лазарев, В. Н. Ипатьев, С. Ф. Ольденбург, А. В. Ферсман, Н. Я. Марр и др. Значительную роль в Помголе играли кооператоры и специалисты в области сельского хозяйства А. В. Чайнов, А. Г. Дояренко, Н. Д. Кондратьев, П. А. Садырин, Д. С. Коробов, М. М. Щепкин, А. И. Угримов, М. П. Авсаркисов, И. А. Черкасов. Существовала при Комитете и ячейка коммунистов из 12 человек (А. В. Луначарский, М. М. Литвинов и др.).

Вся эта эпопея закончилась очень скоро. Власть, по-видимому, сильно испугалась прямых контактов помголовцев со своими товарищами, находившимися в эмиграции. Кроме того, 19 августа было достигнуто соглашение с АРА о поставках продовольствия в голодающие районы страны и посредничество «общественных деятелей стало ненужным для Ленина и Ко.

Поводом для разгона Помгола послужила доведенная до В. И. Ленина информация о том, что на одном из заседаний комитета «Прокопович держал противоправительственные речи». Позднее в своих воспоминаниях Е. Д. Кускова признавала, что «действительно... он [Комитет] критиковал действия власти, указывая, что не только солнце, но и руки властей являются причиной голода... Это говорилось открыто на собраниях Комитета, и не ради агитации, а ради совершенно насущных целей...»³⁶. 26 августа В. И. Ленин направил письмо И. В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП (б), в котором предложил распустить Комитет (по выражению Ленина – «Кукиш», саркастическое словообразование от фамилий Кусковой и Кишкина), арестовать С. Н. Прокоповича, выслать остальных членов «Кукиша» из Москвы, «разместив их по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор»³⁷. На следующий день Политбюро приняло решение об аресте членов Помгола.

Вечером 27 августа были задержаны и направлены во Внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке и Бутырскую тюрьму члены Комитета (за исключением «ячейки коммунистов» и народоволки В. Н. Фигнер), собравшиеся для обсуждения ситуации, которая возникла в связи с отрицательным решением властей по поводу командирования делегации Помгола за границу. В этот же день ВЧК направила циркулярное распоряжение на места о необходимости установить наблюдение за местными комитетами, запретить их собрания, арестовать участников нелегальных собраний. 28 августа «Известия» опубликовали постановление ВЦИК о ликвидации Помгола.

По обвинению в «контрреволюционной» деятельности, связях с «антоновщиной» и «преступных» сношениях с заграницей репрессиям подверглись многие члены Помгола. 1 ноября 1921 года состоялось заседание президиума ВЧК, которое постановило в административном порядке выслать С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кускову – в Тотьму Вологодской губ. Н. М. Кишкина, М. А. Осоргина – в Солигалич Костромской губ. Д. С. Коробова и И. А. Черкасова – в Краснококшайск Марийской губ. (фактически Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович отбывали высылку в г. Кашине) Тверской губ., М. А. Осоргин – в Казани). В ноябре того же года была сослана в Тотьму секретарь Н. М. Кишкина – Е. М. Кафьева.

26 апреля 1922 года в ВЧК поступила телефонограмма от секретаря Президиума ВЦИК А. С. Енукидзе, который, в связи с ходатайством Политического Красного Креста, просил вынести заключение о возможности досрочного освобождения высланных и возвращения их в Москву. Н. М. Кишкин и Е. М. Кафьева были освобождены из ссылки в декабре 1922 года; С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова доставлены в

Москву и в июне 1922 г. высланы за границу. М. А. Осоргин выслан в составе «философского» парохода.

Всего же по делу Всероссийского комитета помощи голодающим было арестовано: 27 августа 1921 г. 14 человек. Среди них, по крайней мере, пятеро принадлежали к руководству МОСХ. Это были: бывший президент общества Ф. А. Головин; главный редактор Вестника сельского хозяйства А. Г. Дояренко, многолетний секретарь МОСХ А. П. Левицкий, а также С. Н. Прокопович и М. М. Щепкин. 29 августа к ним присоединились еще около 60-ти человек, среди которых были члены МОСХ Д. И. Деларов, А. В. Тейтель, А. В. Чайнов и А. И. Угримов. Летом 1922 г. в тюрьме или под домашним арестом находились следующие члены МОСХ: В. А. Кильчевский, Н. В. Малолетенков, А. И. Угримов, А. А. Рыбников. Многих из них готовили к высылке из Советской России за границу. Кроме того, были арестованы и намечены к высылке за рубеж несколько студентов сельскохозяйственных вузов и среди них дочь А. Г. Дояренко Евгения. Вокруг Е. А. Дояренко и еще некоторых студентов-петровцев развернулось свое *mini* дело.

Ключевым, как уже упоминалось, вопросом в деятельности Компомгола была попытка сформировать и послать за границу свою независимую от советских властей делегацию для контактов с «международной общественностью». Именно этот шаг ВКПГ послужил поводом к его роспуску и началу жестоких репрессий против практически всех его небольшевистских членов, финальным аккордом которых была высылка ряда деятелей комитета из Советской России. Кстати говоря, высланы были, отнюдь, не все предназначенные для этой «операции» лица. За некоторых из них ходатайствовали влиятельные советские и партийные деятели. В горячке первых дней после принятия властью суровых карательных мер в отношении оппозиционной общественности, ходатайства и прошения за тех или иных специалистов, нужных для решения важных дел или по состоянию здоровья, как правило, отклонялись. В 1923 г. сам Ф. Э. Дзержинский рекомендовал воздерживаться от массовых высылки, которые, по его мнению, «... только способствуют развитию и укреплению данной партии в будущем и вырабатывают будущие кадры»³⁸. «Лучше 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем сослать неактивного в ссылку – откуда он сам вернется, наверное, активным, а его суждение сразу будет мобилизовано против нас», – писал Дзержинский И. С. Уншлихту 27 мая 1923 г.³⁹. По-видимому, в это время большевики перестали панически бояться захвата власти оппозиционной общественностью, поскольку был достигнут определенный компромисс с оставшимися на родине специалистами. Были и другие причины приостановки и отмены решения о высылке за границу. Так, Н. Д. Кондратьев не был выслан под горячую

руку в 1922 г. потому, что находился под следствием по делу эсеровской партии. Небезынтересно отметить, что, несмотря на принадлежность к Комитету помощи голодающим и ко всем отмеченным ГПУ враждебным советской власти группировкам интеллигенции, вопрос о высылке А. В. Чайнова не ставился. Чайнов, наряду с Д. И. Шаховским, А. Г. Дояренко, А. И. Угримовым, Мининым, Д. Б. Бруцкусом, Н. Д. Кондратьевым, Л. Н. Литошенко, А. А. Мануйловым, С. Л. Масловым принимал участие в состоявшемся в марте 1922 г. Всероссийском агрономическом съезде. По мнению автора Циркулярного письма от 23 ноября 1922 г. ГПУ «он (этот съезд – А. К.) превратился в суд над земельной политикой Наркомзема и в своеобразный парламент, в котором рассматривалась и обсуждалась экономическая политика Советского государства и намечались дальнейшие вехи этой политики»⁴⁰. «Съезд не без основания может считаться крупным успехом для элементов, оппозиционных Советскому правительству», – писал он далее⁴¹.

К этому разделу циркулярного письма ГПУ «Об антисоветском движении среди интеллигенции», направленном 23 ноября 1922 г. всем Начгуботделам ГПУ, прилагалась характеристика Московского общества сельского хозяйства, которое, по мнению ее авторов, несомненно, являлось организатором упомянутого агрономического съезда. В документе давалась оценка политической физиономии руководителей общества. «Руководящую роль в обществе играют: Кондратьев, Огановский, Угримов, Шорыгин, Левицкий, Щербинин, Саломатов, Грацианов, и Иванов. Имеются две группы: к. д. и народническая. К первой принадлежат: Угримов, Шорыгин, Дояренко, Иванов. Ко второй: Саломатов, Кондратьев, Огановский. Направление деятелей Московского общества сельского хозяйства совершенно определено на мартовском Агрономическом съезде и в журнале «Вестник сельского хозяйства»⁴². Итак, А. Г. Дояренко был причислен аналитиками из Главного политического управления к кадетской группировке МОСХ.

Из всех представителей сельскохозяйственной интеллигенции, причастных к МОСХ и занимавших в обществе руководящие посты, больше всех пострадал А. И. Угримов. Он, наряду с А. Г. Дояренко и Д. М. Шорыгиным был причислен к руководителям МОСХ. Действительно, Угримов и Шорыгин являлись предпоследним и последним президентами общества, а Дояренко – был многолетним редактором «Вестника сельского хозяйства», журнала, к которому чекисты предъявили претензии за публикацию в № 4–5 за 1922 г. статьи, в которой содержалось «требование восстановления местных самоуправлений»⁴³. Не считая С. Н. Прокоповича, который, хотя и принимал активное участие во многих мероприятиях МОСХ, не был ни членом совета общества, ни постоянным автором «Вестника сельского хозяйства», из всех

москвичей наиболее суровому преследованию подвергся А. И. Угримов. Президентом он, как и Ф. А. Головин избирался дважды. Он, несомненно, пользовался большим авторитетом в МОСХ и, вообще, в агрономическом сообществе и среди сельскохозяйственной интеллигенции. Репрессии против такого человека были и, помимо всего прочего, и гонениями на МОСХ. Общество очень сдержанно отреагировало на административную высылку за границу своего главы. «В заседании 25 августа, после обсуждения, создавшегося в связи с административной высылкой за границу председателя президиума совета А. И. Угримова и товарища председателя И. П. Матвеева, выражено сожаление об ущербе, причиненном МОСХ вынужденным уходом от общества упомянутых лиц...»⁴⁴ Похоже, что, что наказав Угримова, власти давали понять всему МОСХ, что шутки с ними плохи. Во всяком случае, такая яркая фигура дореволюционного освободительного движения, также не раз, занимавший руководящие должности в МОСХ, как князь-кооператор Д. И. Шаховской, высылке и каким-либо суровым карам подвергнут не был. Шаховской был и участником Компомгола, и всех тех, по мнению чекистов, контрреволюционных съездов, о которых упоминалось в цитированном выше циркулярном письме. В нем, в частности, говорилось: «Наиболее ярким и характерным явилось встреченное общими рукоплесканиями выступление лидера к.д. Шаховского»⁴⁵

Не подвергся высылке и каким-либо судебным и административным преследованиям и А. П. Левицкий, также принимавший участие во многих охарактеризованных как антисоветские, организациях, съездах, собраниях и совещаниях. В 1922 г. он был заведующим Московской областной (то есть распространявшей свою деятельность не только на Московскую губернию, но и на несколько соседних с ней), опытной станции (МОСХОС). Станция была основана в 1918 г. и первым ее директором стал специально приехавший для этого из Саратова А. И. Стебут. Левицкий сменил его в 1920 г. «Станция имела общий центр, находившийся при Московском областном центре по опытному делу, которое также возглавлял Левицкий и Московском областном земельном отделе (МОЗО) на Пречистенке; ее отделения расположились в различных уездах Московской губернии и других губерний Центрального района»⁴⁶.

В марте 1922 г. была открыта подписка на ежемесячный крестьянский сельскохозяйственный журнал «Хозяин», издававшийся Московской областной опытной станцией при участии Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации под редакцией А. П. Левицкого «при ближайшем сотрудничестве А. Л. Балашева.»⁴⁷. В работе редакции журнала принимали участие: А. А. Бауэр, М. Н. Вонзблейн, С. С. Геркен, А. Г. Дояренко, Н. В. Малолетенков, А. И. Сигирский. Малолетенков,

напомним, вскоре был отправлен за границу, обосновался в Париже, стал одним из участников «Крестьянской России», организации, созданной Сергеем Семеновичем Масловым в 1920 г. еще в Москве из студентов и преподавателей Петровской сельскохозяйственной академии⁴⁸. Закончил свои дни Малолетенков православным священником, пойдя по стопам многих ученых, политиков и деятелей искусства того неспокойного времени.

Помимо политических и идеологических дискуссий в 1920-е гг. между властями и сельскохозяйственной интеллигенцией, а также, среди самой с. х. интеллигенции шла острая полемика по вопросам развития отечественного сельского хозяйства в целом и о судьбе опытного дела, в частности. Вокруг судьбы опытного дела в России в первые годы Нэпа развернулась полемика между Наркомземом и все той же сельскохозяйственной интеллигенции. Полемика эта отражала соотношение политики и экономики в деятельности властей и их оппонентов. МОСХ принимало активное участие в этой полемике. В 1923 г. обновилось почти все руководство наркомата земледелия. Вскоре была создана специальная комиссия по пересмотру сети опытных учреждений и их программ. В комиссию вошло немало мосховцев: заведующий Опытным отделом ЦУЗЕМ (Центральное управление сельского хозяйства) НКЗ М. Ф. Арнольд; профессор Петровской академии и главный редактор Вестника сельского хозяйства А. Г. Дояренко, А. В. Тейтель, Н. М. Тулайков и А. П. Левицкий.

Опытный отдел НКЗ действовал в духе Нэпа, требовавшего сокращения государственных расходов, переложения финансирования местных организаций на местный же бюджет и вообще сокращение числа опытных учреждений. Опытный отдел предлагал сократить 20 из 120 существовавших к этому времени опытных станций. НКЗ добился сокращения в гораздо больших размерах. Как отмечает в своем исследовании О. Ю. Елина: «Из 128 числящихся на конец 1923 г. опытных учреждений меньше половины – 59 – оставили на государственном бюджете, 50 передали на места, остальные 19 сократили»⁴⁹. «Ученые требовали созыва съезда или, по крайней мере, расширенного заседания Опытного отдела для обсуждения предстоящей реконструкции. Дояренко, Тулайков и Левицкий высказывались категорически против пересмотра существующего положения об опытном деле и вмешательства в работу опытных станций», – отмечает Елина⁵⁰.

Острую полемику вызвал проект нового положения об опытных учреждениях. Разногласия вызвал параграф об основных типах опытных учреждений и их назначении. Проект НКЗ разделял научную и практическую работу по выведению и внедрению в сельское хозяйство новых сортов растений. «По проекту Перова (НКЗ – А. К.), выделялись инсти-

туты, областные и районные станции; научные исследования могли производить только институты; все станции должны были заниматься проверкой и внедрением полученных институтами результатов»⁵¹. Альтернативные варианты этого параграфа предлагали мосховцы Дояренко, Левицкий и Арнольд. С. С. Перов, профессор биохимии Тимирязевского НИИ сельского хозяйства. Как отмечает Елина: «Перов был сторонником ламаркизма, впоследствии активно поддерживал Лысенко и считался одним из наиболее радикальных академиков – «лысенковцев» (избран в действительные члены ВАСХНИЛ в начале 1930-х гг.)»⁵². Во всяком случае, как отмечает Елина: «Институционализация (создании научно-исследовательских институтов – А. К.) сельскохозяйственной науки во всем мире происходила иначе: формировалась сеть равноценных в исследовательском отношении опытных станций. Поэтому вопрос о том, почему (и благодаря кому) в России было принято решение о создании аграрных институтов, а в дальнейшем – системы ВАСХНИЛ, требует специального исследования»⁵³.

Во всяком случае, можно констатировать, что мосховцы заняли негативную позицию по отношению к реформе опытного дела и системы организации сельскохозяйственной науки в целом. Н. М. Тулайков категорически возражал против разделения опытных учреждений на научные и практические. А. Г. Дояренко также являлся противником новой системы. Н. И. Вавилов, напротив, активно поддерживал идею создания научно-исследовательских институтов. Как пишет О. Ю. Елина: «Заметим, что для Николая Ивановича открывались новые перспективы (sic) в связи с созданием под его руководством первого института Сельскохозяйственной академии – института прикладной ботаники и новых культур»⁵⁴. «Другим сторонником исследовательских институтов, – пишет Елина, – являлся С. К. Чайнов, в прошлом заведующий Воронежской опытной сетью, глава организационного комитета сельскохозяйственной выставки 1923 г.»⁵⁵. С. К. Чайнов с 1923 г. был начальником Опытного отдела НКЗ. «Есть основания предполагать, – пишет Елина далее, что именно Чайнов, хорошо знакомый с Горбуновым (Управляющим делами СНК СССР – А. К.), являлся одним из главных архитекторов системы институтов сельскохозяйственных академий». Н. И. Вавилов надеялся на укрепление позиций С. К. Чайнова в НКЗ и надеялся на его поддержку. Процесс институализации сельскохозяйственной науки в стране завершился в 1929 г. учреждением Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), президентом которой стал Н. И. Вавилов. В ее системе «Возникли институты почти по всем возделываемым культурам – от картофеля до сои; им предавалась сеть зональных станций и районных пунктов», – отмечает О. Ю. Елина⁵⁶. В наши цели не входит вынесение вердикта в отношении «коренного

перелома» в деятельности сельскохозяйственных научных учреждений. Отметим только, что на очной ставке со своим заместителем по академии А. С. Бондаренко на вопрос о вредительской деятельности последнего, Н. И. Вавилов дал следующий ответ. «Вредительская работа Бондаренко в период его пребывания в Сельско-Хозяйственной (так в тексте – А. К.) академии проводилась в следующем направлении:

1. В чрезмерном раздувании числа и штатов узкоспециальных и общих институтов сельского хозяйства, приведшая впоследствии к их деградации.

2. В создании нежизненных институтов типа института сои и институтов реконструкции сельского хозяйства.

3. В игнорировании важнейшего звена опытного дела – сети областных опытных станций...»⁵⁷.

Очная ставка состоялась 3 июля 1941 г. А. С. Бондаренко подтвердил правильность показаний Н. И. Вавилова, заявив, однако: «По вопросу о создании нежизненных институтов – то они также были созданы еще до моего прихода в Академию»⁵⁸. На вопрос следователя, обращенного к Н. И. Вавилову, последний ответил, что: «По вопросу об игнорировании главного звена опытного дела сети опытных станций, я считаю, что в этом деле я, как бывший президент, и Бондаренко, как бывший вице-президент, несем ответственность»⁵⁹. Этими преобразованиями «всей научной работе был придан «производственный уклон», – отмечает О. Ю. Елина⁶⁰. «В частности, – пишет она далее, ссылаясь на статью Н. И. Вавилова, следовало в несколько раз уменьшить сроки создания сортов, раньше, составлявшие 10–15 лет»⁶¹.

А. Г. Дояренко, еще один будущий фигурант «Дела ЦК Трудовой крестьянской партии», не был ни арестован, ни выслан, хотя и упоминался в ряде чекистских справок, обзоров и циркулярных писем. В частности, органами госбезопасности было отмечено активное участие Дояренко в Агрономическом съезде, состоявшемся в марте 1922 г. Причем именно Дояренко подводил его итоги, сказав: «Главное то, что съезд указал дальнейшие пути, именно указал путь организации местных органов самоуправления. Это является лучшим залогом успеха. С таким залогом нам не грозна жизни буря. В нас вера, что будущее нам принадлежит, а вера – наша сила»⁶². Большевистское руководство, несомненно, боялись спонтанного, формирования местных низовых властных структур, наподобие тех, которые должны были менять местную царскую администрацию в ходе революции 1905–1907 гг.⁶³.

А. Г. Дояренко, повторим, репрессирован в 1922 г. не был. Зато высылке должна была быть подвергнута его 19-летняя дочь Евгения. Ей инкриминировались антисоветские контрреволюционные взгляды и участие в студенческой организации, протестовавшей против высылки

профессоров и преподавателей. В справке 3-го отделения СО ГПУ в отношении студентки Е. А. Дояренко говорилось: «Дояренко Евгения Алексеевна в период 1921 г. принадлежала к группе контрреволюционно настроенного студенчества Петровской с.-х. академии, а также принадлежала к группе <...>, которые подписали декларацию, в которой игнорируют все распоряжения Соввласти вообще и в частности Главпрофобра»⁶⁴. В справке 4-го отделения СО ГПУ в отношении студентки Е. А. Дояренко от 4 сентября 1922 г. сообщалось: «Дояренко Евгения Алексеевна, студентка С-Х отдела относится крайне враждебно ко всем мероприятиям Соввласти и, в особенности в области реформ высшей школы. Одна из лидеров демократической группы, одна из видных работниц кружка общественной агрономии по созданию «Агронома общественного». Открыто ведет антисоветскую и антикоммунистическую агитацию. Необходимо арестовать и выслать в провинцию с исключением из высшей школы»⁶⁵.

О судьбе профессорской дочки была поставлена в известность Н. К. Крупская. Информацию о ней жене В. И. Ленина сообщил Г. Г. Ягода. Вот, что писал Ягода Крупской: «Я беседовал с гр. Дояренко, и из всех студентов, кои подлежали высылке (часть из них оставлена), гр. Дояренко самый активный по организации студенчества в антисоветском направлении. Девица 19 лет с такой ярко-сознательной ненавистью к Советской власти, при том очень развитая – могущая объединить некоторые круги студенчества, безусловно, вредный элемент для него и Советской власти»⁶⁶. Ягода считал, что высылка за границу будет полезна для Евгении Дояренко, «так как соприкосновение с разложившейся эмиграцией откроет ей всю мерзость интеллигентской, мелкобуржуазной идеологии и, безусловно, приблизит ее к Советской власти, (иначе говоря), – за границей ее революционизируют), я полагаю, что ГПУ не будет возражать против ее въезда обратно в Россию, если она возбудит вопрос об этом в соответствующей нашей заграничной миссии – примерно через год»⁶⁷.

За Е. А. Дояренко, а также, за другого намеченного к высылке студента В. С. Жигалова, ходатайствовало перед ГПУ руководство Народного комиссариата земледелия. Письмо, направленное на имя Ф. Э. Дзержинского, было подписано М. Е. Шефлером, начальником ЦУЗЕМ. В нем помимо всего прочего, говорилось о том, что арест и высылка студентов Дояренко и Жигалова «не может не отразиться вредно на всей работе А. Г. Дояренко и С. С. Жигалова, являющихся очень крупными профессорами Петровской С. Х. академии, и кроме того, работающих в ряде Советских учреждений; так как профессор Дояренко работает в Госплане, в с. х. комиссии ВЦИК и НКЗ и всюду его деятельность является совершенно незаменимой как одного из лучших знатоков сельского хозяйства»⁶⁸.

В конечном итоге СО ГПУ, рассмотрев «6 октября 1922 г. дело за № 15721 о Дояренко Евгении Алексеевны, 20 лет, происходит из бывших мещан г. Харькова (временно проживает в Москве) нашел, что Дояренко была арестована на основании агентурного материала, из которого усматривалась антисоветская деятельность Дояренко, за что Дояренко подлежала выселению за границу, но принимая во внимание, что антисоветская деятельность Дояренко следствием не доказана, а посему полагаю: Дело следствием прекратить, Дояренко из-под стражи освободить и дело сдать в архив»⁶⁹. Сотрудникам ГПУ пришлось признать факт отсутствия прямых улик, доказывающих антисоветскую деятельность Е. А. Дояренко и двух ее товарищей по несчастью: Владимира Жигалова и Сергея Артоболевского. В рапорте 4-го отделения СО ГПУ зампреду ГПУ в отношении студентов Петровской сельскохозяйственной академии от 8 сентября 1922 г. говорилось следующее:

«Согласно сделанному мне распоряжению дать исчерпывающую справку относительно Евгении Дояренко, Владимира Жигалова и Сергея Артоболевского доношу, что упомянутые лица представляют из себя часть верхушки студенчества правого толка. Было решено изъять эту верхушку и выслать. Это исполнено. Что же касается конкретных материалов, уличающих упомянутых лиц в контрреволюционной деятельности, то таковых, кроме приложенных при сем справок в агентурных делах 4-го отделения СО ГПУ, не имеется»⁷⁰. Иными словами, обвинение в контрреволюционной и антисоветской деятельности против Е. А. Дояренко и ее товарищей строилось исключительно на донесениях секретных сотрудников, внедренных в студенческую и профессорско-преподавательскую среду.

Тема эта продолжает оставаться под запретом для исследователей. Только очень малая часть секретных сотрудников (сексотов), внедренных в среду научной интеллигенции была выведена «на чистую воду». Среди них оказались: академик Якушкин, Эмме, жена одного из сотрудников Всесоюзного института растениеводства (ВИР), директором которого был Н. И. Вавилов, а председателем совета Н. П. Горбунов. По делу ЦК Трудовой крестьянской партии, о котором мы расскажем дальше, осведомителем выступал агроном Сабо⁷¹. К сожалению, вокруг этой проблемы наросло множество легенд и мифов. Созданию их способствовали методы «научной» полемики, распространившиеся в сельскохозяйственной среде после революции. Поиграть на научных разногласиях и спорах, придать им «классово-идеологический» характер было в то время немало желающих. Точнее говоря, грешили этим очень многие. В наше время виноватым в этом большинство исследователей предпочитает считать Т. Д. Лысенко... А ведь еще позднее в советские годы было известно, что планы преобразования российского

земледелия на основе марксистско-ленинского учения разрабатывались задолго до того, как в агрономию пришел «народный академик».

Толчком к созданию особой советской сельскохозяйственной науки и преобразованию на базе ее открытий и достижений отсталого русского земледелия послужило прочтение во время болезни (sic) В. И. Лениным книги американского агронома Гарвуда «Обновленная земля» в переводе К. Е. Тимирязева. Ленин к этому времени все больше становился человеком одной идеей, как правило, заимствованной из последней прочитанной им книги. Так было с кооперативным планом, идею которого Ленин почерпнул из книги А. В. Чайнова. Так, очевидно, произошло с книгой Гарвуда. Ленин тут же распорядился собрать все материалы и поручил своему секретарю Н. П. Горбунову заняться этим делом. Так на определенный период времени руководителем отечественной сельскохозяйственной наукой стал Горбунов и примкнувший к нему Н. И. Вавилов. Как писал С. Е. Резник: «Сегодня ни один рассказ о первых шагах советской сельскохозяйственной науки не обходится без упоминания о популярной книжке. Будто не голод в Поволжье, не широкие планы подъема всей советской экономики, а наивная книжка Гарвуда привела Ленина к мысли об обновлении советской земли»⁷².

Отец упомянутого выше Владимира Жегалова, подлежавшего в 1922 г. вместе с Е. А. Дояренко высылке из страны, Сергей Иванович Жегалов, работавший после отъезда в ставшую независимой Литву Д. Н. Рудницкого заведующим селекционной станцией Петровки, жаловался в своих письмах последнему на Вавилова. Как отмечает С. Е. Резник: «Жегалов выражал при этом не только свое мнение»⁷³. Жегалов жаловался на то, что Вавилов, имея в своем распоряжении значительные средства, переманивает к себе специалистов сельского хозяйства.

После революции, а особенно, после перенесения столицы из Петрограда в Москву, произошла парадоксальная вещь: оппозиционные государственным властям московские сельскохозяйственные деятели попали под прямой контроль НКЗ. Петроградцы же, прямо происходившие из казенных учреждений (таких, например, как Сельскохозяйственный ученый комитет), оказались вне контроля центральных властей. Существует, правда, мнение, что НКЗ был почти до середины 1920-х гг. вотчиной эсеров⁷⁴.

К апрелю 1918 оформилась следующая структура Наркомзема РСФСР:

1. Сельскохозяйственный Ученый комитет
2. Отдел земельных улучшений
3. Отдел сельскохозяйственного строительства
4. Лесной департамент
5. Отдел животноводства
6. Департамент земледелия
7. Отдел сельскохозяйственной экономики и политики

8. Отдел текущей земельной политики
9. Кустарно-промышленный отдел
10. Отдел сельскохозяйственной статистики
11. Землемерно-технический отдел
12. Счетно-сметный отдел.

Как видно, новая структура фактически полностью копировала существующее до революции Главное Управление Землеустройства и Земледелия.

Работу Наркомзема РСФСР можно разделить на два периода: 1917–1920 гг. и 1921–1929 гг. Основной его задачей на первом этапе стало создание необходимых документов по проведению земельной реформы, которая в «Декрете о земле» была определена лишь в принципиальном плане. В это время была отменена частная собственность на землю, создана общинная или артельная форма пользования землей. Крестьяне освобождены от ежегодных платежей за аренду и от задолженности по ссудам на покупку земель. В 1917 году Ученый Комитет был преобразован в Сельскохозяйственный ученый комитет, а Бюро по сельскохозяйственной механике – в отдел машиноведения этого комитета. В 1922 году на базе Сельскохозяйственного ученого комитета был образован Государственный институт опытной агрономии (ГИОА) с отделами по отраслям соответствующих бюро.

В 1929 г. после образования Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) Постановлением СНК СССР на базе отделов ГИОА было создано несколько самостоятельных научно-исследовательских институтов, среди которых был институт механизации сельского хозяйства (ВИМ) и институт сельскохозяйственной механики при научно-техническом управлении ВСНХ СССР (ВИСХОМ).

Практически любой специалист в области сельского хозяйства, если только он не был заподозрен в прямом пособничестве врагам Советской власти, мог быть привлечен к работе в том или ином подразделении государственного органа управления такой многогранной и сложной системой, каким была аграрный сектор экономики страны. Следует обратить внимание и на тот момент, что Сельскохозяйственный Ученый комитет фактически составил основу вавиловского института, начав постепенно занимать вплоть до начала 1930-х гг. ведущее место в развитии сельскохозяйственной науки, оттесняя признанного на протяжении ста лет лидера – Московское общество сельского хозяйства. Закончился этот процесс ликвидацией МОСХ и созданием в 1929 г. нового центра развития сельскохозяйственной науки – Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ).

Социалистическая реконструкция народного хозяйства, науки и образования происходит на рубеже 1920-х – 1930-х годов повсюду. По-

всеместно старые дореволюционные буржуазные кадры вытесняются и заменяются новыми – пролетарскими. Но нигде, кроме сельскохозяйственной науки во главе этого процесса не стоял человек с явно выраженным буржуазным прошлым, а не коммунист! Конечно, Н. П. Горбунов, старый большевик (вступил в партию в июльские дни 1917 г.) был как бы комиссаром при Н. И. Вавилове. Горбунов, однако, в отличие от того же А. И. Муралова, в 1930-е гг. наркома и президента ВАСХНИЛ, агрономического образования не имел. Нельзя не обратить внимание, в связи выше сказанным, на мнение известного партийца, побывавшего и среди большевиков, и среди меньшевиков Н. В. Валентинова (Вольского) о том, что спецы фактически управляли работой некоторых наркоматов, включая, естественно, НКЗ. Коммунистических руководителей НКЗ и некоторых других высших правительственных учреждений Валентинов называл не иначе, как «штампующими большевиками».

А. Г. Дояренко, также как и многие его коллеги по Тимирязевской академии, помимо основной преподавательской деятельности, числился консультантом в различных подразделениях НКЗ. Как отмечает современная исследовательница: «В центральных хозяйственно-административных структурах ответственные посты занимали лидеры старой (земско-либеральной и кооперативной антимоноархической) и новой антисталинской демократической оппозиции...»⁷⁵. Одним из организационных центров этой оппозиции помимо МОСХ и Тимирязевки являлся Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики (НИИСХЭ). К работе института привлекались в качестве внештатных сотрудников по рекомендации ГУС А. Г. Дояренко, В. Р. Вильямс, М. А. Ларин, Л. Н. Крицман, Е. А. Преображенский.⁷⁶ Дояренко, как и многие его товарищи по Тимирязевке и МОСХ, принимал активное участие в работе Земплана НКЗ РСФСР. «Разработка теоретических основ перспективной аграрно-экономической политики государства являлась одной из основных задач института. Авторские теоретические построения обсуждались и согласовывались на пленарных заседаниях, проходящих до 1928 г. в Земплане НКЗ РСФСР», – пишет М. Л. Галас⁷⁷. Она же вводит термин «аграрно-экономическая оппозиция». В состав этой оппозиции, несомненно, входил и А. Г. Дояренко.

В парке Петровской академии (1900):
вверху М.Н. Демьянова и А.Г. Дояренко

№ 25.

1820 1911

ВѢСТНИКЪ

Ora et labora.

СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Продолжается подписка на 1911 годъ.
Подписка принимается во ВСѢХЪ почтовыхъ конторахъ и отдѣльныхъ.

Подписка на «Вѣстникъ»
принимается съ 1-го
числа каждого мѣсяца.
Подписная цѣна:
Съ доставкой и пересылкой,
на годъ въ
11 руб. — за
10 — — — — —
9 — — — — —
8 — — — — —
7 — — — — —
6 — — — — —
5 — — — — —
4 — — — — —
3 — — — — —
2 — — — — —
1 — — — — —

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
Московского Общества Сельскаго Хозяйства
по самымъ вопросамъ сельскаго хозяйства, земской
агрономической дѣятельности и мелкаго кредита.
Адресъ: Москва, Смоленскій бульваръ, 55.
Годовыя изд. «Вѣстника» за 1901, 1902, 1904, 1905, 1906, гг. проданы по
2 р. 1907 и 1908 гг. по 3 р. съ пересылкой.
Трихлѣтн. объявленій въ конторѣ редакціи.
Всѣ личн. переговоры принимаются по средамъ! — 3 ч., кромѣ праздн.

Плата за объявленія:
Послѣ текста
за страницу 30 р.—и
за 1/2 " 15 р.—и
за 1/4 " 7 р.50к.
за строку
петлата — р. 15 к.
передъ текстомъ и на
последней страницѣ
здвое.
Складки:
за 12 разъ—25%
за 50 разъ—50%.

№ 25. Москва, воскресенье, 19 июня 1911 года. Годъ XII.

СОДЕРЖАНІЕ.

О земскихъ участковыхъ агро-
номахъ Проф. А. Ф. Форму-
латовъ.
Къ вопросу о накопленіи сѣмга
и вліяніи его на посѣвы хлѣ-
бныхъ и травъ въ условіи край-
него юго-востока С. К. Чаиковъ.
Скотоводство у манусианскихъ
янородцевъ А. К.
Занятые пары по даннымъ Ша-
тиловской оп. станции (прод.) П. И. Лисичинъ.
Вѣсти и слухи.
Приложенія. Журналы засѣданій:
1) М. О. С. Х. 4 мая 1911 г. —
доклады о посылкахъ на сел-
хоз. машины и о преобразо-
ваніи земледѣльческихъ учи-
лищъ.—2) Комитета Скотовод-
ства. 20 декабря 1910 г.
Объявленія.

Титульный лист журнала “Вестник сельского хозяйства”

Фортуатов

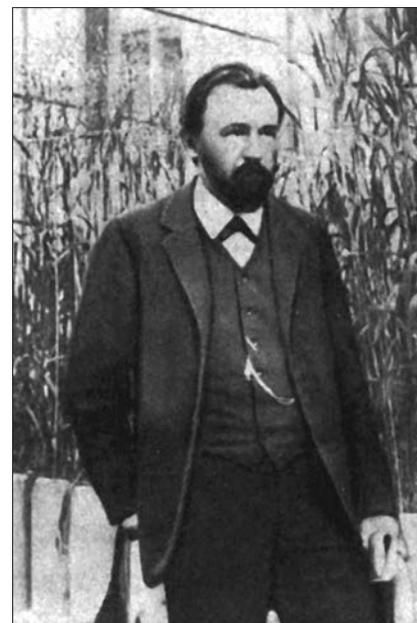
Дояренко

Александр Григорьевич Шербатов 1914 г.

Петрукевич, Вернадский, Шаховской

Прянишников

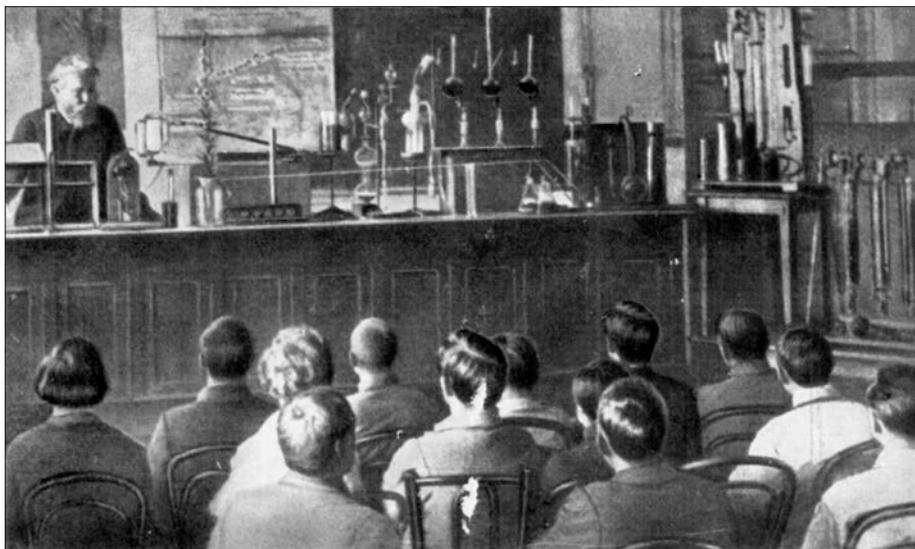

Стебуты

Празднование 25-летия творческой

деятельности А.Г. Дояренко, 1926 г.

Демонстрация опытов на лекции А.Г. Дояренко

Экскурсия крестьян на опытном поле в Петровке

Вегетационный домик Высших женских голицынских курсов

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 РГАУ–МСХА.htm
- 2 Резник С. Е. Указ. Соч. С. 22.
- 3 Там же. С. 22.
- 4 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л.
- 5 Дояренко А. Г. Из агрономического прошлого. С. 122.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 111.
- 8 Там же. С. 112.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 122.
- 11 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 440.
- 12 Там же. С. 499.
- 13 Литературу см. «Вессословная волость»; всего важнее – «Мелкая земская единица» (сборник статей, ч. I и II, 1902 и 1903). РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 513.
- 15 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 513.
- 16 Материал из Википедии – свободной энциклопедии (Перенаправлено с Вильямс В. Р.)
- 17 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 554–555.
- 18 Дояренко А. Г. Из агрономического прошлого. С. 133
- 19 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 560.
- 20 Там же. Л. 561.
- 21 Там же. Л. 560.
- 22 См. соответствующую главу из книги А. Г. Дояренко.
- 23 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 8. Л. 460.
- 24 Елина О. Ю. Наш учитель Дионисий Леопольдович Рудзинский: К истокам дисциплинарного строительства селекции растений в России. // Вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 3/4. С. 579.
- 25 Елина О. Ю. От царских садов... Соч. С. 580.
- 26 См. Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX- начале XX вв. и железнодорожная статистика. М. 2010.
- 27 Давыдов М. А. Указ. Соч. С. 241.
- 28 Дояренко А. Г. Неотложные, внеочередные нужды опытного сельскохозяйственного дела в целях подъема производственных сил страны. – Вестн. сел. хоз-ва, 1918, № 43/44, с. 5–8.
- 29 Практический курс полеводства на опытном поле Петровской академии.– Вестн. сел. хоз-ва, 1918, № 23/24; 1924, № 7–12. См. там же отзывы в № 12, 1926.
- 30 Дояренко А. Г. Из агрономического прошлого, с. 132.
- 31 . Вестник сельского хозяйства, 1917, № 12–13. Орловский Н.В. Указ. Соч. С. 33.
- 32 См. об этом: Галас М. Л. Судьба и творчество российских экономистов-аграрников и общественных деятелей А. Н. Челинцева и Н. П. Макарова. М., 2007.; Куреньшев А. А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть. // Общество и власть в России: история и современность. Материалы всероссийских научных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора Д. С. Бабурина. М. 2010.
- 33 Дояренко А. Г. К возрождению общественно-агрономической работы.– Вестн. сел. хоз-ва, 1918, № 27–28.
- 34 Дояренко А. Г. О развитии научной работы опытных учреждений. Вестн. сел. хоз-ва, 1918, № 45–48.
- 35 Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921–1923. М. 2005. С. 57.

- 36 Кускова Е. Д. Месяц «соглашательства» // Воля России. 1928. №4. С.58–59.
- 37 Ленин В. И. ПСС. Т.53. С.140–142.
- 38 Там же. С. 185.
- 39 Там же. С. 186.
- 40 Там же. С. 153.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С. 155.
- 43 Там же. С. 146–147.
- 44 Вестник сельского хозяйства 1922. № 11. С. 12.
- 45 Высылка вместо расстрела... С. 153.
- 46 Елина О. Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX века. М. 2008. Т. II. С. 225.
- 47 Вестник сельского хозяйства 1922. № 4–5. С. 22.
- 48 См. об этом: Димони Т. М., Виноградов И. А. Деятельность С. С. Маслова в России. // Маслов С. С. Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. М. 2007.
- 49 Елина О. Ю. Указ. Соч. Т. II. С. 190–191.
- 50 Там же. С. 191
- 51 Там же.
- 52 Там же. С. 405. Сноска 463
- 53 Там же. С. 406. Сноска 473.
- 54 Там же. С. 206.
- 55 Там же.
- 56 Там же. С. 238.
- 57 Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. М. 2000. С. 496.
- 58 Там же. С. 498.
- 59 Там же.
- 60 Елина О. Ю. Указ. Соч. С. 238.
- 61 Там же. Елина цитирует статью Н. И. Вавилова Наука и социалистическое земледелие // Научно-агрономический журнал. 1930. № 5–6. С. 339–344.
- 62 Там же. С. 154.
- 63 См. об этом: Куреньшев А. А. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М. 2006.
- 64 Там же. С. 229.
- 65 Там же. С. 230.
- 66 Там же. С. 227.
- 67 Там же.
- 68 Там же. С. 231.
- 69 Там же. С. 231.
- 70 Там же. С. 230.
- 71 См. Галас М. Л.
- 72 Резник С.Е. Указ. Соч. С. 143–144.
- 73 Там же. С. 153
- 74 См. Елина О. Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX века. М. 2008. Т. II. С. 225.
- 75 Галас М. Л. Судьба и творчество русских экономистов-аграрников и общественно-политических деятелей А. Н. Челинцева и Н. П. Макарова. М. 2007. С. 115.
- 76 См. Там же. С. 117.
- 77 Там же.

ГЛАВА III.

ВРЕМЯ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

Дояренко был первым, кого арестовало ОГПУ из числа участников аграрно-экономической оппозиции. Произошло это 16 февраля 1930 г. Аресту предшествовал ряд не менее драматических событий. Осенью 1929 г. было ликвидировано Московское общество сельского хозяйства. Сообщение об этом было опубликовано в газете Известия в ноябре 1929 г. В сообщении было сказано, что: «Коллегия Наркомвнудела заслушала доклад специальной комиссии из представителей НКЗ, ЦК Сельхозрабочих, Международного аграрного института, Комакадемии, Моссовета и других организаций о деятельности Московского общества сельского хозяйства. Коллегия нашла, что идеологическая и практическая работа Общества не соответствует задачам социалистической реконструкции сельского хозяйства и постановила его распустить»¹. На смену МОСХ в качестве всесоюзного научно-практического центра сельскохозяйственной науки и практики пришла Всесоюзная академия сельского хозяйства имени В. И. Ленина – ВАСХНИЛ. 29 сентября 1929 г. А. Г. Дояренко был отстранен от чтения общего курса земледелия. В соответствии с приказом по академии от 14 октября того же года курс было поручено читать старшему ассистенту Н. С. Соколову, назначенному на эту должность только 28 сентября. От чтения курса по методике опытного дела Дояренко был освобожден уже после ареста 21 марта 1930 г. Заведывание кафедрой и опытным полем 30 марта 1930 г. был назначен Н. С. Соколов. Кафедру опытного дела с одновременным чтением курса методике опытного дела в Агропедагогическом институте принял В. Р. Вильямс.

Аресту Дояренко предшествовала поездка на Дальний Восток, сначала в Хабаровск, а затем во Владивосток. Во Владивостоке Дояренко встретился с Н. И. Вавиловым, отправлявшимся в очередную экспедицию в Японию. С Дальнего Востока Дояренко вернулся в конце сентября и сразу уехал в Тбилиси читать курс по опытному делу для чае-

водов. Вместе с ним в Грузию ездили ассистенты Кудрявцева и Трофимов... Арест, напомним, последовал 16 февраля 1930 г. Как вспоминала дочь Е. А. Дояренко, «при аресте была перерыта вся квартира и было забрано множество разнообразных материалов»². Два года А. Г. Дояренко находился в следственных изоляторах. После ареста он попал во внутреннюю тюрьму Лубянки. Затем его перевели в Бутырскую тюрьму, а потом обратно. Менялись и отделения ОГПУ, ведшие его дело. Из политического его перевели в экономическое, а затем обратно. Собственно говоря, практически все главные фигуранты дела ЦК Трудовой крестьянской партии пережили то же самое. А. Г. Дояренко был причислен следствием к руководству этой организации вместе с такими известными в научном мире людьми, как Н. Д. Кондратьев, А. В. Чайнов, Н. П. Макаров и др. Следствие длилось более двух лет и закончилось в марте 1932 г. В рукописном добавлении к машинописному тексту своих воспоминаний Е. А. Дояренко пишет: «А. Г. Дояренко обвинялся в принадлежности и даже руководстве несуществующей Трудовой крестьянской партией (ТКП) Были попытки создать открытый процесс наподобие процесса Промпартии (Рамзин и др.), но ничего из этого не вышло»³.

Обвинения А. Г. Дояренко в том, что он принадлежал к руководству ТКП, основывались на его собственных показаниях, данных в ходе допроса 31 июля 1930 г. «В состав центрального руководящего бюро контрреволюционной организации, которая оформилась в виде Крестьянской партии входили следующие лица: Кондратьев, Макаров, Шорыгин и я. Эта четверка вырабатывала основные идеологические и политические установки Крестьянской партии. В состав Центрального комитета входили Чайнов С. К., Садырин и Тейтель. Целевая установка Крестьянской партии была создание буржуазно-демократической республики. Некоторым членам ЦК, в том числе и мне, мыслилось возможным оставление и при буржуазно-демократической республике советской системы, как внешнего государственного оформления, – с тем, однако, чтобы преобладающее значение в ней играл класс мелких земельных собственников», – говорил А. Г. Дояренко⁴. «В ЦК я вел работу по подготовке кадров для осуществления конечных задач Крестьянской партии. Основными руслами, направлениями этой моей работы были:

1. Московское общество сельского хозяйства, через редактируемый мною «Вестник сельского хозяйства», в котором я проводил идеи приближения агрономического персонала к деревне, – для охвата ее концепциями Крестьянской партии.

2. Обработка в духе Крестьянской партии агрономов, которые посещали меня в большом количестве в Тимирязевской с/х академии.

Эту работу я проводил в индивидуальном порядке, а в групповом – через собеседования в лабораториях, на опытном поле, на курсах переподготовки и на других агрономических курсах. В таком порядке я обрабатывал агрономов приблизительно в несколько сот человек в год.

3. Организация прикладной работы в Опытном отделе Наркомзема в масштабе РСФСР. Этим путем создавалась тесная связь Крестьянской партии с деревней.

4. Использование лекций и бесед со студентами Тимирязевской с/х академии для пропагандирования идей приближения агронома к деревне и установления тесной связи агронома с населением в целях осуществления задач крестьянской партии. Поскольку Крестьянская партия ставила своей задачей создание буржуазно-демократической республики, естественно, что она выдвигала вопрос о построении борьбы с советской властью. Лично мне представлялось возможным построение этой борьбы в форме длительного процесса эволюционного характера, путем создания широких кадров Крестьянской партии, усиление экономической мощи класса крестьян мелких собственников и через это усиление их политического значения – и в конечном результате захват власти. Однако по вопросу построения борьбы с Советской властью в ЦК существовали и другие точки зрения. Сущность их сводилась к признанию целесообразности более решительных форм борьбы, – тем не менее, ЦК был противником таких форм борьбы, как восстания и вооруженные выступления, – однако, – я не отрицаю возможности того, что на периферии под влияние распространения идей Крестьянской партии, но вопреки ее плану – могла возникать тенденция к проведению в жизнь таких форм борьбы, как восстание и вооруженные выступления.

Кроме меня работу по подготовке кадров Крестьянской партии вели в Академии – А. Чайнов и Фабрикант, который близко стоял к ЦК», – говорил Дояренко⁵.

3 августа 1930 г. А. Г. Дояренко допрашивали о работе «Вестника сельского хозяйства». «Вестник сельского хозяйства, бессменным редактором которого я был около 30 лет, по существу являлся центральным органом Крестьянской партии и имел тираж в 1 500 экземпляров. В состав редакционных совещаний Вестника входили из членов Крестьянской партии Шорыгин, Фабрикант, Левицкий и Тейтель. Из технического персонала Вестника были близки к Крестьянской партии Лучебул и Степанов Иван Павлович (губернский агроном). Чайнов Сократ Константинович в Вестнике не работал», – говорил Дояренко⁶. Не могли следователи обойти вниманием и отношения с Дояренко с главным фигурантом процесса по делу ЦК ТКП Н. Д. Кондратьевым. Во время допроса 3 августа 1930 г. Дояренко рассказал о том, что у него

«действительно был разговор с Н. Д. Кондратьевым о том, как следует вести работу ТКП на местах. Я доказывал Кондратьеву, что эту работу надо вести осторожно, так как неуравновешенная молодежь, втягиваемая в ТКП, может встать на путь открытой борьбы с Советской властью, что противоречило бы тактике партии. Тогда же я старался доказать Кондратьеву, что вопрос о продвижении класса крестьян-собственников в местные органы власти может разрешиться лишь на основе уже созданной экономической базы, т. е. тогда, когда класс мелких собственников встанет на прочные экономические устои. Кондратьев по этому вопросу был другого мнения. Он считал, что вопрос о продвижении класса крестьян-собственников к власти через их проникновение в местные советы можно ставить уже сейчас»⁷.

Н. Д. Кондратьев Во время допроса, состоявшегося 30 июня 1930 г. сообщил следующую информацию. «2) Сведения о крестьянско-кулацких волнениях в период с января месяца по апрель месяц с. г. к нам поступали с мест и обычно концентрировались в МОСХ, который являлся центральным пунктом информации и связи с местами. Так как за указанный период произошел арест наиболее активных членов организации Московского общества сельского хозяйства (Дояренко, Шорыгин, Корсаков и др.) и, так как был арестован, в частности Дояренко, входивший в ЦК партии и руководивший организацией в МОСХ, то в силу этих обстоятельств, указанные сведения о волнениях были у нас чрезвычайно неполны и отрывочны...»⁸. Кондратьев отмечал, что участие местных членов ТКП в крестьянских волнениях и восстаниях «мы рассматривали, как нарушение партийной линии, подлежащее безусловному выпрямлению. Имелось в виду предпринять необходимые шаги в этом направлении. Однако полный разгром организации в МОСХ в мае с. г. и последовавший арест значительной части членов ЦК помешал осуществлению этого намерения. Мы считали, что участие отдельных членов нашей партии в крестьянских волнениях – это дело их личной совести и ответственности»⁹. Тактика ТКП, таким образом, очень напоминала ту, какую предлагал применять в борьбе с царскими властями Всероссийский крестьянский союз, созданный по инициативе радикально-демократического руководства МОСХ в 1905 г.¹⁰. Суть этой тактики заключалась в мирном давлении на власть, в целях демократизации государственного управления и предотвращении погромов и других насильственных действий. Сам Дояренко на допросе показал, что «Челинцев на протяжении ряда лет занимался обработкой местных агрономов на курсах переподготовки в духе буржуазно-демократической сельскохозяйственной политики»¹¹.

Еще один из наиболее известных фигурантов дела ЦК ТКП А. В. Чайнов фактически подтвердил показания Дояренко о его роли в органи-

зации. На допросе, состоявшемся 21 августа 1930 г., который проводил Я. С. Агранов, Чайнов говорил: «Из работ вне института мне известна, главным образом, работа А. Г. Дояренко в ТСХА на опытном поле, которая сводилась, с одной стороны, к концентрации в качестве практикантов большого количества агрономической молодежи (А. А. Эмме и др.) и подготовка их к будущей работе в опытном деле и затем к знаменитым воскресным беседам на опытном поле с крестьянами, которые стекались на эти беседы с разных уездов Московской губернии и связывали ячейку опытного поля с крестьянскими массами губернии личными связями»¹². Следует отметить, что упомянутый допрос состоялся 30 августа 1930 г. Конечно, арестованного в марте Дояренко, к августу следователи могли уже так или иначе сломать... Тем более, что уже прошло или велось начатое еще в 1929 г. следствие по делу МОСХ. С ним, насколько нам известно, никто из исследователей незнакомился.

О роли МОСХ в организации ТКП говорили многие арестованные по делу ЦК этой партии. Так, например, один из наиболее политически значимых персонажей этой истории, депутат Государственной думы, кооператор и многое, многое другое Петр Тимофеевич Саломатов говорил на допросе 26 августа 1930 г. «МОСХ являлся тем пунктом, из которого вышла идея создания Крестьянской партии и была им широко распространена на агрономическую периферию. МОСХ ставил своей задачей наряду с агрикультурной работой, которую должны были вести местные общества сельского хозяйства, проведение через них идей ТКП и создание ее ячеек на периферии»¹³. Садырин не ограничился этой информацией, а сообщил, также, что еще в начале 1920-х годов вел переговоры с С. С. Масловым о создании Крестьянской партии или Союза, а затем, находясь в Бутырской тюрьме, говорил об этом с руководством ПСР Гоцем, Тимофеевым, Веденяпиным и Е. Ратнер. «Более конкретно вопрос об организации Крестьянской партии был поставлен в МОСХе Александром Ивановичем Угримовым, который выдвинул эту идею на большом собрании, посвященном юбилею МОСХ в 1921 г. (Так в тексте, столетний юбилей отмечался в 1920 г. – А. К.). Он тогда определенно призывал к созданию Крестьянской партии, считая это одним из условий возрождения и развития сельского хозяйства и изменения политической системы в СССР»¹⁴.

Саломатов поведал немало интересного об истории создания ТКП, о попытках установления связей с заграничной Трудовой крестьянской партией-Крестьянской Россией и ее лидером С. С. Масловым, но это уже сюжет другого исследования. О роли МОСХ в деле организации Крестьянской партии говорил во время своего допроса 2 сентября 1930 г. Дмитрий Макарович Шорыгин. «Первым толчком к постановке

вопроса о ТКП послужило появление Нэпа и работа контрреволюционной организации при МОСХ...»¹⁵. Давал показания о роли МОСХ в создании ТКП и один из ближайших друзей А. Г. Дояренко, многолетний секретарь МОСХ и руководитель опытного дела в Московской губернии – А. П. Левицкий. Показания он давал 28 августа 1930 г. При этом следует отметить, что 10 августа Левицкий отказался от показаний, данных 5 числа того же месяца. Он опровергал свою принадлежность к ТКП, но на этот раз признал, что «принадлежал к ячейке ТКП, которая существовала в Московском обществе сельского хозяйства. Далее Левицкий сообщил, что «1922 год являлся началом организационного оформления к-р. деятельности в Московском обществе сельского хозяйства. Приблизительно с 24–25 года к-р. организация МОСХ стала представлять собой филиал ТКП, в который входили кроме меня Дояренко, Шорыгин, Тейтель, Фабрикант, Саломатов, Корсаков, Лучебул и Дзюбин. Руководящее положение занимали Дояренко, Шорыгин, отчасти Саломатов. Я признаю, – говорил Левицкий, – что МОСХ являлось по существу тем органом, из которого исходила и распространялась идея создания и организация на периферии ячеек ТКП»¹⁶. Характеризуя деятельность Вестника сельского хозяйства, Левицкий сказал, что журнал, «редактировавшийся Дояренко, являлся по существу органом ТКП, через который пропагандировались ее установки с ориентацией на зажиточную верхушку деревни. Кроме меня и Дояренко из членов ТКП участие в Вестнике принимали: Шорыгин, Саломатов, Фабрикант, Корсаков и Минин из Воронежа, который являлся центральной фигурой тамошней ТКП»¹⁷. «Вся практическая работа ТКП была направлена в сторону организации масс, в частности, крестьянства, для борьбы с соввластью с целью ее свержения и установления буржуазно-демократической республики», – говорил далее А. П. Левицкий¹⁸. Дояренко в своих показаниях Левицкий более не упоминал.

Следствие по делу ТКП и других, так называемых контрреволюционных организаций, выявлявшихся органами безопасности среди работников сельского хозяйства продолжалось и после ареста и осуждения Дояренко и его товарищей по несчастью. Показания Алексея Григорьевича в отношении ближайших друзей и коллег фигурируют в недавно опубликованных документах. «В процессе ликвидации т. н. «Трудовой Крестьянской Партии» в 1930 году член ЦК ТКП проф. ДОЯРЕНКО показывал о ТУЛАЙКОВЕ, как лице, выполнявшем директивы Крестьянской партии по линии укрепления кулацко-зажиточных элементов деревни»¹⁹. Н. М. ТУЛАЙКОВ в это время – вице-президент Всесоюзной Сельскохозяйственной Академии и Директор Всесоюзного Института Зернового Хозяйства. Какие показания, обличающие Дояренко, давал Николай Максимович нам неизвестно. В начале 1930-х годов

сельским хозяйством страны руководила Яковлевско-Мураловская группировка. В научном плане ее обслуживал Н. И. Вавилов. Определенную роль играл и Н. П. Горбунов. Именно он при поддержке Н. М. Тулайкова явился инициатором и главным реализатором идеи создания отдельной, особой академии сельскохозяйственных наук. Точнее говоря, идея ее создания родилась ранее, но у нее было немало противников. Трудно найти другое научное учреждение, которое было бы обязано своим возникновением не учёным, а политикам, а развитие и деятельность которого практически всецело зависело от правительственных постановлений и партийных директив. Сам факт возникновения Академии был обусловлен исключительно политическими соображениями. 30 декабря 1922 г. Съезд Советов СССР принял постановление об учреждении «в ознаменование создания нового Союзного государства» Центрального научно-исследовательского института сельского хозяйства в Москве». 8 августа 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял уточняющее постановление – организовать не институт, а Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина. Претворение этого постановления в жизнь оказалось трудным. Неожиданно в ноябре 1925 г. против создания ВАСХНИЛ выступил нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов.

Когда его возражения были сняты, и можно было бы начинать развёртывание академии, 10 апреля 1929 г. в Правительство СССР поступил документ под названием «Возражения УССР». В сложившихся обстоятельствах ответственность за дальнейшую судьбу ВАСХНИЛ взял на себя Управляющий делами СНК СССР Н.П.Горбунов. 18 июня 1929 г. он провёл совещание группы учёных (В. П. Бушинский, Н. М. Тулайков, И. Е. Клименко, В. А. Трифонов), которое было запротоколировано как заседание президиума Академии сельскохозяйственных наук – ещё не созданного научного учреждения.

Правительство оказалось перед фактом существования академии и 25 июня 1929 г. приняло постановление «Об организации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина». Президентом ВАСХНИЛ был утверждён академик Н. И. Вавилов, которому поручалась вся работа по развёртыванию академии. 4 июня 1935 г. постановлением СНК СССР Н. И. Вавилов был освобождён от своих обязанностей. Новым президентом был не избран, а назначен А. И. Муралов, Н. И. Вавилов занял должность одного из вице-президентов. Эта рокировка означала, что Н. И. Вавилов и его сторонники утратили доверие у политического руководства страны. К концу октября 1937 г. были арестованы президент А. И. Муралов, Г. К. Мейстер, Н. М. Тулайков и другие учёные, обвинённые во вредительстве. Упомянутые партийно-государственные деятели до своего ареста, осуждения и наказания ус-

пели еще несколько раз поменять места своей службы. Яковлев сделался из Наркома снова заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП (б). А. И. Муралов занял его место. Определенная стабилизация в сельскохозяйственной среде произошла только в 1938 г., после того как наркомом надолго стал И. А. Бенедиктов, а президентом ВАСХНИЛ Т. Д. Лысенко.

Война с сельскохозяйственной интеллигенцией, начатая властями на рубеже 1920-х– 1930-х годов, велась одновременно на нескольких фронтах. Главный «безбожник» страны Емельян Ярославский (Губельман), например, обвинил Дояренко в религиозности, уличив его в том, что он поет в церкви. «Сообщают такой факт, что в Тимирязевской с[сельско]-х[озийственной] академии профессор Дояренко поет на клиросе, что целый ряд других профессоров, так или иначе принимает участие в духовной деятельности», говорил Ярославский на заседании Орг. бюро ЦК ВКП (б) 10 декабря 1928 г.²⁰. В наше время этот факт интересен не тем, что подтверждает приверженность А. Г. Дояренко религиозным ценностям и пению в церкви (этим делом он занялся еще в самые юные годы), а то, что определенная группа сельскохозяйственной интеллигенции находилась под неусыпным надзором властей! Высказывали недовольство преподавательской деятельностью А. Г. Дояренко и некоторые студенты, идейные коммунисты. Кампания по «выдавливанию» дореволюционной профессуры развернулась на рубеже 1920–1930-х годов во всех отраслях науки и практически в большинстве крупнейших вузов страны. Сажали, конечно, далеко не всех, ученых с дореволюционным прошлым. Обвинения чаще всего были достаточно конкретны: принадлежность к контрреволюционной организации, вредительства и иногда шпионаж. Дояренко был приговорен к 5 летнему заключению (с учетом времени пребывания в следственном изоляторе). С июня 1931 года А. Г. было разрешено переписываться с дочерью. Срок А. Г. Дояренко отбывал в Суздальской тюрьме вместе с Н. Д. Кондратьевым и А. Н. Юровским. Выйти живым из тюрьмы удалось только А.Г. Дояренко. Он, как и Кондратьев и, вероятно, Л. Н. Юровский вели интенсивную переписку со своими родными и близкими. Суздальские письма Н. Д. Кондратьева были недавно опубликованы²¹. Тюремная переписка А. Г. Дояренко ждет своего часа... Как вспоминала Е. А. Дояренко «раза два в год я ездила на свидание с отцом»²².

Находясь в заключении, Дояренко продолжал интенсивно работать, причем не только в научном плане, но сочиняя музыку различных жанров и направлений. За 5 лет пребывания в Бутырках, на Лубянке и в Суздале Дояренко написал: «Курс общего земледелия» (более 800 с. Машинописи); начерно курс опытного дела; «Занимательную агрономию»; планы, программу и несколько глав «Агрофизики»: агрономический контроль, о хатах-лабораториях» и вторично, «Жизнь поля».

В тюрьме Дояренко серьезно занялся сочинением музыкальных произведений: опер, романсов и песен. Так, например, в 1932 годом датируется написание оперы «Герой нашего времени». В 1933г. была написана опера «Горе от ума». В том же году был создан цикл украинских песен на стихи И. Франко. А. Г. Дояренко сам перевел их на русский язык. В это время в Суздаль прибыла партий заключенных с Украины и, возможно, именно это обстоятельство всколыхнуло в Дояренко украинские воспоминания, чувства и настроения. Интересно, что, находясь в заключении, Дояренко пишет многие свои песни на стихи И. А. Бунина и К. Бальмонта, поэтов-эмигрантов.

В жизни А. Г. Дояренко было два периода интенсивной композиторской деятельности. Первый, когда он сочинил несколько опер, романсов и песен пришелся на время пребывания в заключения. Никакого практического значения это сочинительство не имело. Дояренко, по видимому, как и многие люди, оказавшиеся в подобном положении, стремился забыться в научной и творческой деятельности, сохранить себя, как личность. Второй период композиторства, когда Дояренко не только сочинял, но и аранжировал, занимался оркестровкой классики и народных мелодий пришелся на время нахождения его в ссылке в г. Кирове. Там ему просто пришлось пойти на работу в местный ТЮЗ, поскольку по основной специальности его деятельность была ограничена властями. Всего в списке, предоставленном Дояренко в Союз советских композиторов, значилось около 200 музыкальных произведений сочиненных им лично или тем или иным способом обработанных для спектаклей и т. п. Все это сочинялось часто в очень непростых условиях. В Суздале, например, не было нотной бумаги. Как вспоминала Е. А. Дояренко: «... на все понравившиеся ему стихи, попавшие ему в руки, он без всякого инструмента, без нотной бумаги писал музыку, песни, арии, аккомпанемент и даже сочинил оперу на сюжет «Горе от ума» Грибоедова. Всего за этот период им было написано около 100 песен на стихи Бальмонта, Блока, Бунина, Тютчева, Байрона, Кольцова и ряда современных авторов...»²³. «Первое время А.Г. должен был сам расчерчивать карандашом бумагу для нот. Позже я стала посылать ему нотную бумагу», – писала Евгения Алексеевна далее²⁴.

Судьба конфискованных при аресте рукописей А. Г. Дояренко, а также того, что он писал в тюрьме, как это часто бывало в те времена, так и осталась неизвестной. Вот как описывает свои попытки разыскать их Е. А. Дояренко. «Когда я пришла за рукописями, мне сообщили, что все отправлено на просмотр наркому земледелия Муралову А. И. и направили меня к нему. Я думала добиться приема у Муралова, но он мне сказал, что все отправил обратно в ГПУ. Там мне ответили, что они ничего не получали. Я была в полном недоумении и опять пошла к

Муралову, но его за это время успели арестовать. И сколько я не обращалась в разные инстанции – никаких концов найти не удалось. Я была в отчаянии, но сделать ничего не смогла»²⁵. «Всех своих товарищей по беде Дояренко заставлял работать в садике для прогулок. Он развел там прекрасный цветник. Товарищами по прогулкам были: профессора-экономисты Кондратьев Н. Д. и Л. Н. Юровский. Затем группа украинцев, обвинявшихся в национализме», – вспоминала Е. А. Дояренко²⁶.

Срок заключения А. Г. Дояренко в суздальской тюрьме заканчивался в марте 1935 г. Только ему одному удалось выйти живым на свободу... Оба его сокамерника Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский были расстреляны в 1938 г. «Не помню от него ли, или от следователя, но я узнала, что он будет сослан в Киров на три года. Так и случилось», – пишет Е. А. Дояренко²⁷. Очевидно, А. Г. Дояренко должны были перевести из суздальской в кировскую тюрьму и освободить уже оттуда. Дочь А. Г. пишет: «Я туда приехала раньше. На почте оставила свой адрес «до востребования» и каждый день ходила в тюрьму. Наконец мне сказали, что Дояренко здесь и скоро будет выпущен, но точно когда не говорили»²⁸. «Он нашел меня сам. Радости, слез, рассказов всяких было без конца»²⁹. Непросто было найти и снять квартиру. В отличие от царских времен, ссыльные государством жильем не обеспечивались. Дело «окончилось снятием маленькой проходной комнаты в симпатичной культурной семье. Тут же была куплена мебель: буфет, который служил перегородкой, кровать, столик и два стула. Вот и все. Так началась «вольная» жизнь без права выезда из Кирова – пишет Е. А. Дояренко³⁰. Жизнь Дояренко в Кирове длилась до 1939 г.

Судьба Дояренко оказалась весьма схожей с судьбой еще одного из главных фигурантов дела ЦК ТКП – Н. П. Макарова. Он сидел в Ярославском политизоляторе вместе с А. В. Чайновым. Административная высылка Макарова также, как и у Дояренко, закончилась в 1939 г. Современная исследовательница полагает, что смягчению участи Н. П. Макарова помогли «Н. И. Вавилов и член ЦК ВКП (б) Г. И. Ломов»³¹. Напомним, что спустя несколько лет и Ломов, и Вавилов оказались в тюрьме. Причем Вавилов был, помимо всего прочего, обвинен в принадлежности к руководству ТКП! О том, как вел себя Вавилов на следствии и что говорил о Дояренко, мы расскажем дальше.

Сначала все складывалось очень неплохо. Дояренко активно включился в исследовательскую, преподавательскую и консультационную. Деятельность. Директором кировской опытной станции был давнишний знакомый Дояренко – Рудницкий. Правда, Дояренко рассчитывал на то, что ему поручат обработку многолетних данных, полученных на опытном поле Тимирязевки, своего любимого детища. «Он неодно-

кратно обращался по этому поводу к президенту ВАСХНИЛ и своему другу Вавилову Н. И. и к работнику ЦК ВКП (б) Ицкову Н. Я.»³². Просьбы эти, очевидно не возымели действия. С Ицковым, правда, у Дояренко наладились дружеские отношения и он после отбытия ссылки поехал к нему в институт зернового хозяйства юго-востока (бывшая стебутовская опытная станция) в Саратов. Дояренко работал консультантом Крайзу, вел экспериментальную работу по цементированию почв. Он считал, что распыление вятских почв является одной из причин их низкого плодородия. Немало потрудился Дояренко на местной опытной станции Рудницкого. Он, также, читал лекции для работников сельского хозяйства: директорам МТС, начальникам райзо, сотрудникам крайзу, сотрудникам опытных станций.

Такое благоприятное положение³³ дел длилось всего лишь год. В начале 1936 г. Дояренко, как высланный (пораженный в правах), был отстранен от чтения лекций, а затем и от работы по подготовке сельскохозяйственной выставки. «Его это, конечно, очень огорчило, но он старался бодриться и брался за всевозможные другие поручения крайзу, крайплана, крайкома. Он, также, работал над завершением курса общего земледелия, но, не имея твердой уверенности в возможности опубликования, эта работа его не воспаляла и даже после обращения к нему Н. Я. Ицкова, он не мог ее быстро закончить», – вспоминала Е. А. Дояренко.

А. Г. Дояренко вновь помогла выжить и не потерять себя музыка. В 1935 г. в Кирове открылся новый театр. Это был театр юного зрителя. Алексея Григорьевича привлекли к работе над музыкальными сопровождениями для спектаклей молодого театра. Тематика постановок была вполне в духе времени – революционной. Например, опера «Как закалялась сталь» была поставлена в 1938 г. Дояренко работал и над литературной классикой. В 1937 г. вся страна с большим размахом отмечала двухсотлетие со дня смерти А. С. Пушкина. Дояренко написал по этому случаю три оперы: «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о попе и работнике его Балде» и «Маленькие трагедии». Кроме того, Дояренко написал музыку к малоизвестным спектаклям: «Колдун» (о первопечатниках) и «Гимназисты» по пьесе Любимовой. «Словом, – пишет Е. А. Дояренко, – жил в большой дружбе с работниками театра, иногда сам дирижировал, но эта труппа куда-то уехала и А. Г. заскучал»³⁴.

В 1937 г. Дояренко отстранили от работы на опытной станции и он последний год жил только надеждой на скорое окончание ссылки в Кирове. Только в начале 1939 г. Дояренко смог уехать из этого города. До 19 марта того же года он жил у матери и сестры в Курске. Затем он вернулся в Киров и в последних числах марта приехал в Москву к до-

чери. В Москве Дояренко сразу же начал поиски работы. «Но, – как пишет Е. А. Дояренко, – времена были смутные, все всего боялись. Был он и в ВАСХНИЛ, и у министра сельского хозяйства (тогда наркома – А. К.). Все обещали, ахали, охали и только»³⁵. «Однажды его где-то встретил Н. Я. Ицков и сказал: «Я создам Вам все условия, жалеть не будет»³⁶. И Дояренко 22 апреля 1939 г. поехал в г. Саратов работать в институте зернового хозяйства Юго-востока. Ицков, директор института, действительно создал для Дояренко все условия, но вскоре директором стал Рязанов, бывший руководитель другого саратовского сельскохозяйственного научного учреждения – Сельскохозяйственного института (СХИ). Это, как мы отмечали, была своего рода конкурирующая фирма институту Юго-востока. Дояренко начал думать о переезде. Предложение занять кафедру поступило от академика Соколовского из Харькова. Приглашали Дояренко и в Киев, и во Львов.

Переезду помешала война. Война же дала новый импульс деятельности А. Г. Дояренко. Были призваны в армию многие сотрудники института. В частности, заведующий отделом, в котором работал Алексей Григорьевич, А. Г. Лопато ушел на фронт и Дояренко пришлось выполнять функции руководителя, хотя его положение бывшего заключенного при других обстоятельствах едва ли позволило ему занимать руководящую должность. «У него стало много работы, – пишет Е. А. Дояренко. Особенно увлекало его руководство аспирантами. Он много возился с ребятами, руководил хором, танцами. Написал несколько новых песен»³⁷. Жилищные и прочие материальные условия позволяли Дояренко взять к себе мать. «Жил он в то время один, у него была хорошая большая комната в директорском доме», – пишет Е. А. Дояренко³⁸. Мать А. Г., как упоминалось выше, жила с дочерью в Курске. К этому времени семья распалась. В 1937 г. муж сестры был арестован. Затем была арестована сестра. Дети их, по-видимому, были вынуждены отказаться от родителей. Племянница Дояренко училась в Москве в медицинском институте, а ее брат, «не выдержав этих переживаний, сошел с ума и был помещен в специальную лечебницу. Мать Алексея Григорьевича осталась одна. Он поехал за ней летом 1941 г. Обстоятельства военного времени вынудили его избрать не прямой, а окольный путь. Он речным путем добрался до Ульяновска. Здесь с ним приключилось несчастье: он сломал ногу и дальнейшее его путешествие оказалось невозможным. Когда же он поправился, Курск уже был занят немецкими войсками.

Дояренко в годы войны написал немало работ, посвященных развитию сельскохозяйственного производства в этот тяжелейшее для страны время. Он довольно часто выезжал в Москву делал доклады в ВАСХНИЛ и других организациях. «Встречали его очень тепло, но все

же чувствовалась какая-то настороженность и напряженность. Какое-то двойственное отношение чувствовалось к нему и в институте», – писала Е. А. Дояренко³⁹. «Наряду с очень хорошими, теплыми отношениями с сотрудниками, иногда проскальзывало недоверие и отчужденность, которое усилилось к концу 1948 г.»⁴⁰.

Нельзя не упомянуть о том, что с августа 1940 г. шло следствие по делу академика Н. И. Вавилова, арестованного 6 числа этого месяца во время экспедиции на территорию совсем недавно присоединенной к СССР западной Украины. Во время допросов имя А. Г. Дояренко упоминалось неоднократно, причем в самом негативном плане. Так, во время допроса 22 августа 1940 г. Н. И. Вавилову был задан вопрос: «Покажите, что вам известно о нижеследующих лицах. И далее следовал список специалистов сельского хозяйства, состоящий из 18 фамилий. Дояренко был упомянут десятым. О нем Вавилов сообщил следователю следующую информацию: «Дояренко Алексея Григорьевича знаю примерно с 1909 года. В настоящее время он работает в Саратовском институте орошаемого земледелия. В прошлом профессор Тимирязевской академии. В начале революции был особенно консервативен. Работал в «Московском обществе сельского хозяйства» редактором издания, был под арестом и в 1929 или 1930 году выслан в Суздаль»⁴¹. Отвечая на вопрос, при каких обстоятельствах он был вовлечен в антисоветскую организацию правых, Вавилов сообщил о том, что это было сделано наркомом земледелия А. Я. Яковлевым (Эпштейном). «Должен также отметить, – говорил Вавилов, – что Яковлев по отношению ко мне проявлял исключительное доверие. Так, например, он поручил мне в 1931 году составить список к освобождению 70–80 арестованных агрономов. Внимательно также отнесся к моему предложению об освобождении профессора Алексея Григорьевича Дояренко, одного из виднейших лидеров контрреволюционного «Московского общества сельского хозяйства»⁴². На вопрос о том, кто из членов так называемой Трудовой крестьянской партии ему известен, Вавилов дал развернутый ответ. «Еще в двадцатых годах мне было известно о том, что «ТКП» формируется Чайновым Александром Васильевичем. Из активных ее членов я знал Левицкого Александра Павловича, близко к нему примыкал Дояренко Алексей Григорьевич, наиболее контрреволюционно настроенный...»⁴³.

Напомним, что А. П. Левицкий и А. Г. Дояренко были к этому времени живы, в отличие от А. В. Чайнова! Любопытно, что на вопрос о том, какие идеи лежали в основе программы ТКП, Вавилов ответил: «Идеальным принципом ведения сельского хозяйства я и другие участники «ТКП» считали американское фермерское хозяйство»⁴⁴. После ареста в 1931 г. активных участников «Трудовой Крестьянской Партии»,

как я уже показал раньше, я участвовал в составлении списка на 70–80 человек агрономов для ходатайства об их освобождении из-под стражи. В этот список в первую очередь мной были включены активные «тэкаписты» Дояренко А. Г., Левицкий А. П. и Лебедев А. Ф.», – говорил далее Вавилов⁴⁵. Дальше – больше. Вавилов признал, что он и его группа «были связаны с руководящими работниками ТКП, занимавшими в то время ответственные посты в НКЗ РСФСР»⁴⁶. К этим руководящим работникам Вавилов опять же причислил Дояренко и Левицкого. Упомянутые лица руководили тогда опытным делом. «Через них (Дояренко, Левицкого, и С. К. Чайнова – А. К.) проходила вся тематика и отчетность опытных учреждений, в том числе государственного института Опытной Агрономии. Расхождений у нас не было»⁴⁷. Вавилов сильно преувеличивает роль и значение упомянутых им лиц. Зачем он это делал понять трудно. Дояренко в свое время тоже много чего признал и многих в чем-то обвинил... Вавилов и в дальнейшем заявлял, что по вопросам опытного дела контактировал с Левицким и Дояренко... Вавилова на одном из многочисленных допросов спросили и о том, знает ли он о том, «где сейчас находятся перечисленные им «тэкаписты». Чего добились от академика, ставя такие нелепые вопросы, следователи, сказать трудно. Органам безопасности было прекрасно известно, чем занимались выжившие «тэкаписты». Им было не менее хорошо известно, что А. В. Чайнов и Н. Д. Кондратьев были расстреляны. На очной ставке с сотрудником отдела зерновых культур ВИР Б. А. Паншиным, последний заявил, что особо близкие отношения Вавилов имел и с Алексеем Григорьевичем Дояренко, профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии, бывшим активным «Трудовой Крестьянской партии»⁴⁸. Вавилов решил возразить Паншину, заявив, что: «С Дояренко – непосредственной связи не имел, но, будучи еще студентом, являлся его учеником по Тимирязевской академии»⁴⁹.

Подобного рода негативное отношение к «старым специалистам», заслуженным деятелям сельского хозяйства с дореволюционным прошлым или с оригинальными, новаторскими взглядами в отечественной историографии последних лет принято увязывать и с пресловутой августовской 1948 г. сессией ВАСХНИЛ. Сессия эта, по мнению противников Т. Д. Лысенко, завершила разгром «формальной генетики», вейсманистов и морганистов и установило гегемонию лженауки «марксистской» мичуринской агробиологии. В случае с Дояренко, да и смеем утверждать, многими другими учеными, подвергшимся гонениям, дело было отнюдь не так просто. Так, например, А. Г. Дояренко, по мнению его дочери, был 7 декабря 1948 г. отстранен от работы в институте «после опубликования результатов работ с травами – его обвинили в сопротивлении и критике травопольной системы»⁵⁰. Главным

разработчиком и активным пропагандистом применения этой системы был, как известно, отнюдь не Лысенко, а В. Р. Вильямс. Последнего ко времени пресловутой сессии уже почти десять лет не было в живых. Лысенко же, поддерживая основные теоретические и практические выводы Вильямса, многое из его системы подвергал критике⁵¹.

Дояренко мог встретиться с Лысенко в июне 1943 г. на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном 100-летию со дня рождения К. А. Тимирязева. Дояренко, судя по воспоминаниям дочери, не только присутствовал на этом мероприятии, но и выступил с докладом. С докладом «К. А. Тимирязев и задачи нашей агробиологии» выступил на упомянутом заседании Т. Д. Лысенко. Сессия ВАСХНИЛ 1948 г. отразилась на деятельности многих научных учреждений страны. Так, Рязанов, директор института, где работал Дояренко буквально ушел в подполье, как и известный селекционер еще со стебутовских времен А. П. Шехурдин! На наш взгляд, на судьбу Дояренко могло повлиять еще одно обстоятельство, напрямую не связанное с его научной деятельностью, но связанное с его общественно-агрономическим прошлым. Где-то в один из летних месяцев 1948 г. Дояренко навестил А. А. Угримов, работавший инженером на одной из мельниц Саратова. А. А. Угримов вместе со своим отцом А. И. Угримовым и еще рядом русских эмигрантов, активно участвовавшим в движении Сопротивления во Франции, вступившими в члены общества друзей СССР, был выслан осенью 1947 г. проамериканским правительством на родину. Вот как описывал А. А. Угримов встречу с давним другом своего отца в Саратове: «И был только один светлый луч в этой пыльной мгле. От отца я узнал, что в Саратове живет и работает профессор Дояренко, которого я помнил по Петровско-Разумовской академии, куда в 20-х годах мы с отцом иной раз заезжали по дороге в Рахманово. Рахманово – опытное хозяйство возле станции Хлебниково под Москвой, где отец был заведующим в эти годы.

Запомнилось доброе, веселое, умное бородатое лицо. В надежде, может быть, устроиться при сельскохозяйственном институте по испытанию мукомольных и хлебопекарных качеств пшеницы я стал разыскивать Дояренко. Не сразу его нашел. Сперва попал в учебный институт, и мне долго никто ничего ответить не мог, никто о Дояренко здесь не слышал, что уже само по себе было удивительно. Потом кто-то догадался мне подсказать, что искать его надо в институте Растениеводства юго-востока (там, где до революции работали А. И. Стебут, а в 20-х годах Н. И. Вавилов). Институт помещался за городом, среди опытных участков и полей. Ехал я довольно долго на трамвае, потом еще шел пешком по территории института. Наконец, мне показали жилой белый домик среди акаций, где жили сотрудники; я постучался в указанную

дверь. Мне открыл сам Алексей Григорьевич Дояренко, я его сразу узнал. Когда я себя назвал, его глаза радостно и весело засияли, и никакой, даже малюсенькой тени беспокойства в них не промелькнуло (а я уже приучался глядеть в глаза). В двух его комнатах царил большой беспорядок, на большом письменном столе навалом лежали книги, рукописи, разные предметы. Тут же на полу стояли горшки и ящики с какими-то растениями. Стояло, кажется, и пианино с нотами – ведь он был музыкантом.

Алексей Григорьевич посадил меня на низкий топчан и стал с жадным интересом расспрашивать о папе, о семье, обо мне за весь длительный период нашей заграничной жизни. Наконец-то я в Саратове нашел своего человека, сразу близкого; наконец-то я был в доме, где чувствовал себя дома. Сразу же установились теплые отношения, сразу с полуслова он понимал суть моих затруднений, забот и волнений. Мое положение на мельнице он оценил намного хуже и серьезнее, чем я сам: «Надо оттуда уходить непременно». Видимо, по опыту понимал, что это добром не кончится. Словом, я почти мгновенно обрел друга. О себе Алексей Григорьевич мельком тоже рассказал. Он был одним из немногих уцелевших в живых представителей той талантлившей плеяды русских ученых-агрономов, биологов, почвоведов, которых почти начисто уничтожили за последние десятилетия и заменили разными Лысенками. Теперь он занимал в институте очень скромное положение, фактически как сосланный, видимо, под надзором. Я смотрел на него, оглядывался вокруг и думал: вот в каких условиях живет большой ученый... Но вид у него был довольный, веселый, как у человека, нашедшего такой источник жизни, до которого другим и не добраться. Через некоторое время в комнату вошла молодая еще женщина, показавшаяся мне необычайно красивой. И не только внешностью: она обладала удивительным, чисто русским шармом при поразительной легкости, простоте и скромности движений, обращения, разговора. Белокурая, с очень правильными и чистыми чертами лица, сине-серыми глазами. Когда она вошла, он, как мне показалось, просиял от счастья, не скрывая того; она же, как бы сдерживалась и тем была еще милее. Возможно, мысли, пришедшие мне тогда в голову, – чистая фантазия. Но в тот момент счастье этих двух людей явилось для меня неоспоримой действительностью. Я думаю, что так оно и было, и счастье это было чудесным, красивым, сияющим, осязаемым мне извне. А ведь Дояренко был, конечно, не только ученым, но и художественно одаренным человеком: он и стихи писал, и музыку.

Когда уже смеркалось, мы вышли наружу и уселись на скамеечке перед домом. Со степи дул легкий ароматный теплый ветерок. На очень небольшом кусочке земли были разбиты клумбочка и грядки, на

которых росли и цвели ухоженные цветы. «Вот это мой сад», – сказал Алексей Григорьевич, с необычайной нежностью указывая на цветы и кустики сирени вокруг. Мне же было так хорошо, что я с трудом поднимался, чтобы уходить. Он сам предложил выяснить возможность моего устройства в лабораторию института и даже загорелся этой мыслью⁵². Дояренко жил в Саратове с женой. Их у него до этого времени было две. После кончины М. Н. Демьяновой, матери Е. А. Дояренко, ее отец сошелся со своей талантливой ученицей, выпускницей голицинских курсов А. А. Кудрявцевой. Но оставался ли он с ней в Саратове? Е. А. Дояренко вспоминала о том, что в начале 1950-х гг. ее отец жил в Саратове один. Вскоре после визита к Дояренко, 15 июня 1948 г. А. А. Угримов был арестован и провел несколько лет в одном из воркутинских лагерей, о чем, а также о многом другом он написал в своих пространных мемуарах⁵³.

Казалось, что после всех этих пертурбаций и коллизий надеяться на продолжение научной деятельности и восстановление социального статуса не было никаких надежд. Дояренко пытался устроиться куда – нибудь на работу, вел переговоры с Днепропетровском, Астраханью, Армавиrom. «Повсюду оказывались какие-то препоны, и он понял, что его просто боятся и не хотят приглашать», – писала Е. А. Дояренко о своем отце⁵⁴. Выйти из кризисной ситуации Дояренко помогла уникальная способность переключаться с одного вида деятельности на другой. (Напомним, что ему шел уже восьмой десяток...). На этот раз спасла не музыка, а литература. «А. Г. Дояренко переключился на литературную работу: восстановил книгу «Жизнь поля». Окончательно подготовил «Занимательную агрономию и начал писать мемуары, которые он назвал «Моя жизнь», а в издательстве им дали название «Из агрономического прошлого».

Как вспоминала Е. А. Дояренко: «... эти работы не могли его удовлетворить, он все время думал и мечтал об экспериментальной работе...»⁵⁵. По словам Евгении Алексеевны, «удар, нанесенный ее отцу в институте зернового хозяйства юго-востока, был очень горек и, несмотря на ряд более поздних предложений, А. Г. остался в Саратове»⁵⁶. «Во время моих посещений А. Г. всегда заставлял меня увозить к себе все, что удавалось написать. Все рукописи и ноты у него были в порядке. Отец, не надеясь на опубликование, убеждал меня отдать их в какой-нибудь архив. «Кому-нибудь пригодится! Или кто-нибудь заинтересуется», – приговаривал он при этом»⁵⁷.

В 1954 г. А. Г. Дояренко исполнилось 80 лет. Алексей Григорьевич получил очень много поздравительных писем и телеграмм, адресов и подарков от отдельных лиц и научных организаций. Примерно в это же время произошел еще ряд значительных для него событий. После прихода к власти Н. С. Хрущева произошла смена приоритетов в раз-

витии сельского хозяйства страны и, соответственно, были несколько скорректированы основные направления научных исследований. Корректировка не была слишком значительной, поскольку главой ВАСХНИЛ продолжал оставаться Т. Д. Лысенко. Тем не менее, сталинский план преобразования природы, предполагавший помимо устройства, несомненно, полезных лесозащитных полос, строительство грандиозных каналов, был свернут. Вскоре начала подвергаться сомнению и травопольная система земледелия. У автора этой системы находили и другие ошибки, и отрицательные стороны. О них, повторим, говорил и писал Т. Д. Лысенко.

Неожиданно, а, скорее всего, с подачи того же Лысенко об этом заговорил Н. С. Хрущев. В 1954 г. Хрущев приезжал в Саратов. Посетив институт зернового хозяйства, руководитель страны критиковал его работу, посетовав, что нет теперь исследователей уровня, Н. М. Тулайкова и А. Г. Дояренко. «Тогда бы не было такого безобразия», – сказал Никита Сергеевич⁵⁸. Характеризуя «борьбу идей и направлений» в сельскохозяйственной науке в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Никита Сергеевич заявил: «Теперь опытом передовых колхозов и совхозов Советского Союза, фермерских хозяйств США доказано, что, например, посев кукурузы по кукурузе при надлежащей агротехнике и удобрении полей не приводит к снижению урожая. Более того, и в условиях монокультуры можно повышать урожай. Ответ Вильямса на утверждение Дояренко был таков: «Совершенно ясно виден в атом достаточно открытом и нагло издевательском тезисе враг, который толкал социалистическое хозяйство, особенно наши только что организовавшиеся зерновые совхозы, на путь отрицания севооборотов, на путь монокультуры»⁵⁹. Выпад Хрущева против В. Р. Вильямса, несомненно, был составной частью кампании борьбы с травопольной системой, которая активно велась в это время в стране.

В Саратове Хрущеву услужливо сообщили, что Дояренко жив! Тут, уж не знаем насколько сильно, но вокруг Алексея Григорьевича завертелся чиновничий хоровод. С ним по вопросам развития травопольной системы беседовал министр сельского хозяйства И. А. Бенедиктов. Возможно еще кто-нибудь...

20 ноября 1954 г. А. Г. Дояренко написал и отправил письма с критикой системы земледелия еще одного «народного академика» – агронома Т. С. Мальцева. Адресатами помимо самого Терентия Семеновича были Н. С. Хрущев и И. А. Бенедиктов. Дояренко очень уважительно в целом оценил агрономическую деятельность Мальцева. Критика касалась, в основном, нюансов применения травопольной системы. Мальцев использовал однолетние травы. Дояренко считал их бесполезными и даже вредными. Вред использования однолетних трав, по мнению А. Г. Доя-

ренко еще не успел проявиться во всей своей силе, поскольку использовался Мальцевым исключительно на целинных землях. В будущем и на целинных землях, как полагал Дояренко, отрицательные последствия посевов однолетних трав проявятся в виде снижения качества почвы и сорняков⁶⁰. Перемена в положении опального профессора была впечатляющей.

«Узнав об этом, – вспоминает Е. А. Дояренко, – я вопреки желанию А. Г., написала письмо в ЦК КПСС с просьбой поручить кому-нибудь просмотреть работы Дояренко и что можно опубликовать. Меня направили к Перову, директору Сельхозгиза, которому было дано указание заняться работами Дояренко, прорецензировать их, и что окажется ценным, опубликовать. Возможно, речь шла о С. С. Перове, профессоре биохимии Тимирязевского НИИ сельского хозяйства. Как отмечает Елина: «Перов был сторонником ламаркизма, впоследствии активно поддерживал Лысенко и считался одним из наиболее радикальных академиков – «лысенковцев» (избран в действительные члены ВАСХНИЛ в начале 1930-х гг.)»⁶¹. И вот, начиная с 1955 г. начали появляться научно-популярные книги А. Г. Дояренко: «Занимательная агрономия», «Жизнь поля». Алексей Григорьевич был очень доволен»⁶². Из-за преклонного возраста и плохого зрения, он не принимал участия ни в правке, ни в просмотре рукописей перед их изданием. Последняя книга, которую он очень хотел бы увидеть напечатанной – «Моя жизнь» вышла в свет уже после его смерти под названием «Из агрономического прошлого». В последующие годы выходили из печати и другие работы А. Г. Дояренко.

Сам Алексей Григорьевич скончался 9 мая 1958 г. в Саратове. Чуть раньше в 1956 г. умер муж его горячо любимой дочери Евгении, геоботаник и писатель Александр Алексеевич Шахов. В семье Шаховых было три дочери – внучки А. Г. Дояренко. Шахов был учеником М. М. Пришвина. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранилось письмо А. Г. Дояренко Пришвину, написанное в период отстранения его от научной работы в 1950 г. «Дорогой Михаил Михайлович! – писал Дояренко. Мне писала Женя, что Вы приняли большое участие в моей пошатнувшейся судьбе и даже предпринимали какие-то шаги к ее выправлению»⁶³. «Теперь уже все в прошлом. Моя судьба устроилась, и я могу почивать на лаврах! Но какие же эти лавры все же жесткие!» – писал он далее⁶⁴. «...мало вероятно, чтобы какая бы, то, ни было моя работа могла быть реализована в СНИ (Саратовском научно-исследовательском институте – А. К.) и в институте Прянишникова... Все же кое-какие планы маячат, но говорить о них рано. Живу в полном одиночестве и от активной деятельности и нервозности пока отдыхаю...»⁶⁵. Далее Дояренко писал о том, что собирается

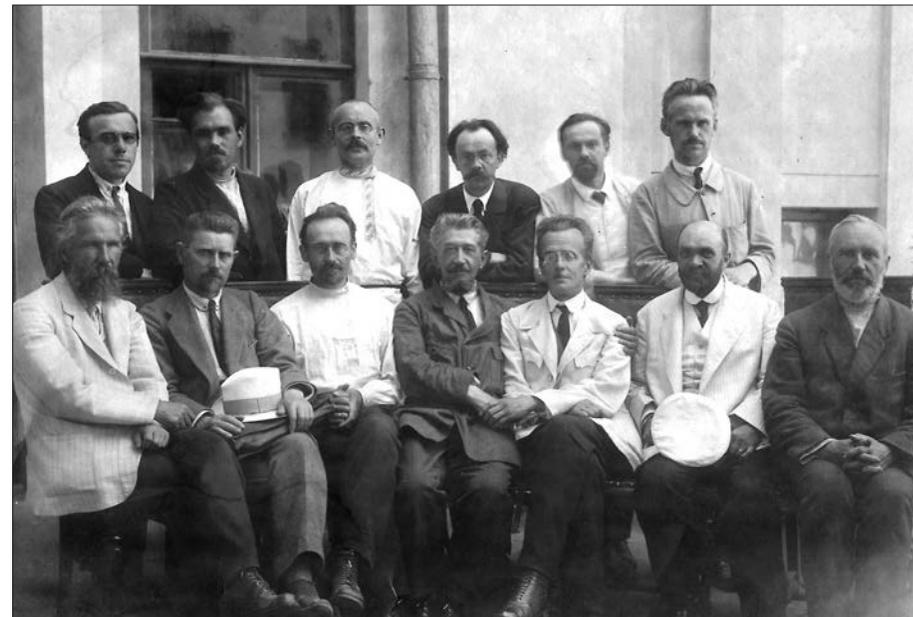
приехать в Москву и надеется повидаться с М. М. Пришвиным. Состоялась эта встреча или нет, мы не знаем. Пришвин в 1954 г. умер...

Обращение к Пришвину, возможно, свидетельствовало о том, что в последние годы своей жизни Дояренко хотел основное внимание уделять литературной деятельности. Агрономия и исследования в области сельского хозяйства требовали гораздо больших усилий, нежели литературная работа. Сил у Алексея Григорьевича оставалось все меньше и меньше...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Известия 30 ноября 1929 г. № 280.
- 2 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 254. Л. 28.
- 3 Там же. Л. 29.
- 4 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 71. Д. 30. Л. С.136
- 5 Там же. С. 127–128.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 131–132.
- 8 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 71. Д. 30. Л. 10.
- 9 Там же.
- 10 См. Куреньшев А. А. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М. 2004.
- 11 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 30. 75.
- 12 Сельский мир. Альманах 1998. март. М. 1998. С. 51–52.
- 13 РГАСПИ Ф. 17. Оп. 71. Д. 30. Л. 81.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л. 90.
- 16 Там же. Л. 98.
- 17 Там же.
- 18 Там же Л.92
- 19 ЦА ФСБ России, № Р–2311, т.8, л.33–40. Машинопись.
- 20 Из стенограммы выступления Е. М. Ярославского о мерах по усилению антирелигиозной работы на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 10.12.1928 г.
- 21 См. Кондратьев Н. Д. Суздальские письма. М. 2004.
- 22 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 254. Л. 29.
- 23 Там же. Л. 30.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Л. 31.
- 26 Там же.
- 27 Там же. Л. 32.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Галас М. Л. Судьба и творчество русских экономистов-аграрников и общественно-политических деятелей А. Н. Челинцева и Н. П. Макарова. М. 2007. С. 178.

- 32 Там же.
 33 Там же. Л. 33.
 34 Там же.
 35 Там же. Л. 34.
 36 Там же.
 37 Там же. Л. 35.
 38 Там же.
 39 Там же. Л. 37.
 40 Там же.
 41 Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. М. 2000. С. 268.
 42 Там же. С. 274.
 43 Там же. С. 279.
 44 Там же. С. 306.
 45 Там же.
 46 Там же. С. 362.
 47 Там же.
 48 Там же. С. 470.
 49 Там же. С. 471.
 50 Там же.
 51 Трофим Денисович Лысенко – советский агроном, биолог, селекционер. М. 2008. С. 103–111.
 52 Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М. 2004.
 53 См. Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М. 2004. С. 103–196.
 54 РГАЭ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 254. Л. 39.
 55 Там же. Л.50.
 56 Там же. Л. 51.
 57 Там же. Л. 37.
 58 Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Москва. «Политгиздат». 1963.
 59 См. Правда, 29 ноября 1961 г.
 60 РГАЭ Ф.9474. Оп. 1. Д. 184.
 61 Елина О. Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX века. М. 2008. Т. II. С. 405. Сноска 463.
 62 РГАЭ. Ф. 9474 Оп.1.Д. 254. Л.40.
 63 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1125. Оп. 2. Д. 1000. Л. 2.
 64 Там же. Л. 3.
 65 Там же. Л. 3 об.

Соратники 20-е гг.

Н.И. Вавилов, 1939 г.

Киров. Театр на Спасской

Угримов

ГЛАВА IV. НАСЛЕДИЕ

Большинство современных, историков науки делит отечественных ученых, занимавшихся проблемами сельского хозяйства, на сторонников классической генетики и лжеученых, поддерживавших и разделявших бредовые идеи Т. Д. Лысенко¹. Главным научным оппонентом Лысенко историки представляли Н. И. Вавилова. Не вдаваясь во все нюансы этой необычайно сложной, многогранной и окруженной бесчисленным множеством мифов и легенд проблемы, зададим вопрос, ответить на который обязаны биографы такого выдающегося агронома, селекционера, агрофизика и т. д., и т. п., как А. Г. Дояренко: На чьей стороне был Алексей Григорьевич? На первый взгляд, Дояренко должен был определенно находиться на стороне Н. И. Вавилова. Принято считать, что Вавилов принадлежал к той части сельскохозяйственной интеллигенции, которая сформировалась в конце XIX – начале XX вв. Была ли эта интеллигенция так монолитна и едина, как ее изображают современные исследователи. При ближайшем рассмотрении, можно обнаружить, по крайней мере, две большие группы или группировки.

Во-первых, правительственные чиновники различных ведомств, курировавших сельское хозяйство. Во-вторых, земская агрономия, профессура ведущих сельскохозяйственных вузов страны, и в первую очередь, – Петровки. Между первой и второй группой сельскохозяйственной интеллигенции не было, конечно, «китайской стены». Они, так или иначе, взаимодействовали и в личном и общественном планах, но, все же, понимание перспектив развития отечественного сельского хозяйства у них было разным. Если добавить сюда все разрастающуюся систему кооперации, также, не государственную в своей основе организацию, в которой упомянутая неправительственная интеллигенция в предвоенные и военные годы играла все большую роль, то противостояние станет еще более заметным. Группы сельскохозяйственной интеллигенции,

сложившиеся ко времени революции, можно условно определить как «казенно-бюрократическую и демократическую. Так вот, исходя из данной классификации, Вавилова смело можно отнести к первой группе, а Дояренко – ко второй. Социальные аспекты бытия ученых влияли на их образ мышления, идеологию и практику и с некоторых других сторон.

Вот, что пишет об отношении к дарвинизму русских народников и других радикалов упомянутый Лорен Грэхэм: «Дарвинизм привлекал внимание многих народников; сначала он был встречен ими с распростертыми объятиями как символ материализма и научного рационализма. Позднее, однако, усилиями В. А. Зайцева (русского прудониста) дарвинизм приобрел расистскую интерпретацию, которая настораживала радикально настроенных товарищей Зайцева... Н. Г. Чернышевский враждебно относился к дарвинизму в целом и остро критиковал дарвиновское сравнение естественного отбора среди домашних животных с отбором в дикой природе. Эта блестящая критика Чернышевского целиком основывалась на концепции наследования приобретенных признаков. Другим представителем русских радикалов, критиковавших Дарвина, был князь Петр Кропоткин, чьи представления о сотрудничестве и соревновании в органической природе имели известное научное значение...»². Трудно сказать со всей определенностью, какое влияние могли оказывать на русскую сельскохозяйственную интеллигенцию взгляды П. Кропоткина, но тот факт, что Н. Г. Чернышевский был одним из властителей дум молодежи 1860-х – 1870-х гг. и даже более позднего времени неоспорим. Дояренко по своим убеждениям был неонародником. Биологическая предопределенность судьбы живых организмов, легко переносимая апологетами социального гнета на общество, претило русским демократам, боровшимся со всеми проявлениями гнета, насилия над народом и т. п. Бюрократии и ее идейным защитникам, напротив, разного рода теории об изначальном, природой определенном неравенстве (теория и практика кухаркиных детей, чумазый не может играть на пианино и т. п.) очень даже подходили в качестве оправдания своего господства.

Революция, родившая лозунг создания нового человека добавила прыти отечественным селекционерам-специалистам по выведению новой человеческой породы. Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский, С. С. Четвериков и ряд других генетиков были яркими сторонниками евгеники – науки об улучшении биологической природы, а по их мнению, и социального поведения человека. Об этих «искривлениях», правильной в целом линии научных исследований классических генетиков писал в своих мемуарах академик Дубинин³. Но происходили эти «перекосы» не когда – нибудь, а в 1920–1930-е гг., когда в Германии и не только, к власти пришли политики – адепты теорий о неполноценных расах, на-

родах и выведения новой породы людей на базе арийской компоненты. До прихода в Германии фашистов к власти никто особенно улучшателей человеческой природы разными методами, не трогал. Вавилов общался не только с евгениками, но и с И. И. Ивановым, ставившим задачу скрещивания человека с обезьяной (!?) также для улучшения человеческой породы. В растениеводстве, конечно, такой политической и идеологической злободневности было меньше, биология, несмотря на специфику ботаники и зоологии, все же единая наука и проблемы одной отрасли неминуемо перелагались на другую.

Полемика по поводу яровизации, одного из «коньков» Т. Д. Лысенко обошла А. Г. Дояренко стороной. Но один из близких ему деятелей сельскохозяйственной науки академик Н. М. Тулайков, еще в 1927 г. ознакомившийся с опытами Лысенко, высказывался о них доброжелательно⁴. Возвышению же Лысенко, по мнению С. Е. Резника, способствовала поддержка наркома земледелия Я. А. Яковлева, немало, с одной стороны, поспособствовавшего Н. И. Вавилову, а с другой – несомненному участнику погрома старой сельскохозяйственной интеллигенции в ходе процесса ЦК ТКП. Дояренко, как известно, был объявлен одним из «главарей» контрреволюционной организации в сельском хозяйстве. Вскоре к этой когорте присоединился и Н. М. Тулайков, а в 1940-м и сам Вавилов. В промежутке Я. А. Яковлев был сначала смещен с поста наркома и переведен на работу в ЦК ВКП (б), а затем репрессирован. На государственном уровне можно отметить не так уж много прямых столкновений Вавилова и руководимых им научных учреждений с лысенковскими. В 1937 г. Наркоматом земледелия было поручено ВИРу составить государственный проект развития государственной системы семеноводства. «... докладная записка, составленная комиссией специалистов во главе с Н. И. Вавиловым, несколько месяцев пролежала без движения, после чего было решено... создать новую комиссию во главе с Т. Д. Лысенко», – пишет один из биографов Вавилова⁵. В итоге, после обсуждения, в 1939 г. была принята лысенковская система, предполагавшая «воспитание растений в качестве основного принципа». Какой точки зрения по этому вопросу придерживался А. Г. Дояренко мы не знаем, хотя он уже ряд лет был на свободе и работал в сельскохозяйственных учреждениях Кирова и Саратова. Также неясным остается вопрос о том, была ли в конце-концов создана эта самая система семеноводства. Современные апологеты Т. Д. Лысенко об этом умалчивают. Устранился ли Дояренко от участия в принципиальных спорах, развернувшихся в биологии в 1930-е годы? Судя по сохранившимся в архивах рукописях ненапечатанных статей, – нет. Так, Дояренко живо отозвался на статью своего недолгого покровителя Н. Я. Ицкова «На позициях Вергилия», опубликованную в газете «Известия» 3 марта

1937 г. Суть статьи Ицкова сводилась к тому, что полевые опыты он предлагал проводить на современной основе, современном уровне науки, а не базе естественного плодородия, как это все еще делается. Отсюда, как считал Ицков, и повторение выводов 500-летней давности, как это имело место в отчете казанской опытной станции.

В своем отклике на статью Ицкова Дояренко писал, что опытное дело не должно только приспособляться к реальным условиям. Для научных исследований он сформулировал триединую методологическую основу взаимоотношений человека с природой: подчинение, овладение и управление. Дояренко предлагал активно внедрять искусственные факторы плодородия: искусственные удобрения, искусственное орошение, искусственное освещение. С опережением реального положения дел должна работать и теоретическая мысль. «Опытное полеводство должно идти далеко впереди производства, выдавая новые идеи не только по заданиям производства, но и логики развития науки», – считал Дояренко⁶. Дояренко видел опасность для подлинно новаторского развития опытного дела в боязни упреков в отрыве от практических нужд, в требовании рентабельности, то есть мгновенной или очень быстрой окупаемости затрат. Он осуждал голый практицизм в опытном деле, постановку якобы бессмысленных опытов, не сулящих сиюминутной прибыли. Тогда многие чисто лабораторные опыты можно будет перенести непосредственно в поле, что резко повышает их репрезентативность.

Дояренко предлагал также усовершенствовать методику проведения полевых опытов. Он, например, явно намекал на то, что многие «рекордные урожаи» достигнуты за счет создания сверх благоприятных условий для их авторов и не могут служить ориентиром для «нормального» производства. «Для того, чтобы рекордные урожаи действительно служили задачам опытного дела, а не превращались в «рекламные урожаи», организация этих рекордных урожаев требует стройного программного построения. В основу его должна быть положена мысль о том, что, если стахановские рекордные урожаи служат для установления факта, то опытные рекордные урожаи должны служить объяснению его... Задача не только демонстрировать возможность получения высоких урожаев, но и установить связь применяемых комплексов с местными условиями, и главное, определить роль каждого общего в них приема, то есть осуществить синтетический метод»⁷. Дояренко имел в виду применение разнообразных искусственных приемов и методов повышения плодородия, увеличения урожайности, о которых он писал выше. «Подкормка и поливка, – писал Дояренко, – как относительно новые приемы агротехники, требуют изучения опытно-полевого и лабораторного»⁸.

В панегирической книге о Вавилове, опубликованной в 1932 г. А. Роскин писал о том, что во время поездки по маршруту Москва-Ленинград герой книги, оказавшийся попутчиком автора, читал «Георгики» Вергилия на латинском языке. «Страницы римского поэта были испещрены карандашом. Я взглянул на них. По-видимому, читатель Вергилия интересовался не только латинскими корнями или биографией автора «Георгик». Он саркастически отмечал, что «Георгики» – до сих пор настольная книга сельских хозяйств в Италии. Удивительно ли это? В Сицилии в передовых хозяйствах землю и поныне обрабатывают деревянным романским плугом»⁹. Из контекста неясно, что поразило Вавилова: приверженность итальянских земледельцев к традициям многовековой давности, тот факт, что старинные агротехнические приемы и орудия все еще не потеряли своей эффективности? Или же ироническое недоумение в отношении «отсталых ретроградов», приверженцев методов земледелия, воспетых древнеримским поэтом? По нашему мнению, для специалиста сельского вопроса о том, что лучше для развития его отрасли: традиции или новации всегда остается открытым.

Отечественному сельскому хозяйству слишком резкие поспешные нововведения наносили слишком глубокие раны. Дояренко в своем отклике на статью Ицкова явно стремился уgomонить стахановские нововведения. Пытался научно обосновать эмпирическим путем достигнутые «рекордные урожаи». Он понимал, что «достижения стахановцев» не смогут стать нормой для всех хозяйств без понимания причинно-следственных связей всех элементов сельскохозяйственного производства между собой, без правильно и эффективно организованного синтеза новых и традиционных агрономических и агротехнических приемов земледелия. К сожалению, практика применения новых приемов: полива, подкормки и т. п. очень скоро показала и их обратную сторону. Дояренко, как мы помним, полемизировал со сторонниками внесения в почву искусственных удобрений еще на заре своей научной карьеры. Наверняка, он не был и безоговорочным сторонником искусственного орошения, которое являлось одной из важных составляющих «сталинского плана преобразования природы». Возможно, именно поэтому он был вытравлен из научного небытия противниками подобного рода методов расправы с природой, неисповедимую волею судьбы политическим лидером которых стал бывший верный сталинец, а после смерти вождя, главный разоблачитель его культа Н. С. Хрущев! Что конкретно имели в виду, говоря эзоповым языком, оценивая развитие сельского хозяйства в СССР в середине 1930-х гг. Вавилов, Ицков и Дояренко, вспоминая Вергилия, понять не так просто.

Мы уже упоминали о том, что Дояренко призывал к тому, чтобы не ограничиваться применением давно известных агротехнических и аг-

рономических приемов и методов для повышения урожайности полей. Он призывал к активному воздействию на почвенно-климатические параметры земледелия, то есть хотя бы и опосредованно, не прямо выступал против травопольной системы В. Р. Вильямса.

Как писал Т. Д. Лысенко: «В. Р. Вильяме как теоретик-почвовед в данном случае фактически свел все потребности растений только к воде и пище. Он не учел отношения растений к таким факторам, как температура и влажность воздуха. В этом кроется причина его ошибки в важном практическом деле, заключающаяся в его отрицательном отношении к озимым хлебам.

Согласно учению В. Р. Вильямса, если в почве будет достаточное количество воды и пищи, то этого уже довольно, чтобы в полевых условиях урожай яровой пшеницы был не меньше, чем озимой, независимо от всех других климатических условий, т. е. независимо от зоны или района»¹⁰. Иными словами, Вильямса можно считать сторонником сохранения и приумножения естественного плодородия почвы, то есть традиционалистом, стоящим на позициях Вергилия... Дояренко же предлагал усиливать воздействие искусственных факторов (подкормка, орошение и т. п.). Тем самым он признавал правоту сторонника химизации земледелия Д. Н. Прянишникова, которую отрицал ранее. «Василий Робертович Вильямс – старый противник Прянишникова, чисто умозрительно (в этом бесспорное родство его «метода» с методом Лысенко), разработавший травопольную систему земледелия и без всякой экспериментальной проверки объявивший ее единственно необходимой для всех зон страны, противопоставивший ее программе химизации земледелия, которую предлагал Д. Н. Прянишников...», – пишет современный биограф Н. И. Вавилова¹¹. Парадоксальность ситуации заключается в том, что все четверо маститых ученых, соперников и конкурентов в науке, мировоззрения, идеологии и т. п. оказываются на поверку приверженцами той самой теории «внешней среды, как определяющего основные параметры развития растений фактора, в тупом отстаивании которого упрекли исключительно Лысенко! Вообще, споры, дискуссии, происходившие в биологической науке, представлены во многих современных исследованиях в довольно-таки искаженном и, даже можно сказать, извращенном виде. Споры между «формальными генетиками» и приверженцами, так называемой мичуринской агробиологии представляются так, будто первые утверждали, что внешняя среда не оказывает никакого влияния на фенотип растения, а вторые заявляли, что путем изменения условий жизни растений и животных их можно изменять в любом нужном человеку направлении.

Дискуссия 1939 г., организованная журналом «Под знаменем марксизма» должна была поставить точки над *i*, в теоретических спорах

классических генетиков и мичуринцев. Но на практике, в решении организационно-прикладных вопросов лысенковцы уже одержали победу. Система организации семеноводства начала формироваться на базе принципа воспитания. Об этом в своем выступлении заявил Н. И. Вавилов: «Больше того, дело уже дошло до того, что Наркомат земледелия, внимательно следящий, как и полагается в нашей стране, за движением науки, решает коренным образом изменить методику селекционных станций по предложению акад. Т. Д. Лысенко, который считает, что наследственную структуру можно изменить путем воспитания, путем воздействия агротехническими методами»¹². Дояренко, напомним, в 1939 г. поступил на работу в Саратовский институт зернового хозяйства юго-востока, которым руководил Н. Я. Ицков. Вскоре, однако, Ицкова сменил на этом посту бывший директор СХИ Рязанов. Причем для «наведения порядка» в сельскохозяйственной науке в Саратов прибыл некто Исаев. Руководство отраслью в это время уже прочно держал в своих руках молодой энергичный Нарком И. А. Бенедиктов. Он, несомненно, находился в достаточно близких отношениях с Т. Д. Лысенко, нежели с Н. И. Вавиловым.

(проверить, не пропущено ли что-то!)

ИИСХ Юго-Востока (в то время – Институт зернового хозяйства) по инициативе его директора Н. Я. Ицкова. И с той поры жизнь и научная деятельность А. Г. Дояренко связаны с нашим городом и по свидетельству профессора Б. М. Смирнова, о фотосинтезе речь шла в одном из выступлений Дояренко послевоенных лет.

В Саратове, в соответствии со спецификой нашего края, Алексей Григорьевич очень интенсивно занимался вопросами борьбы с засухой, изучением динамики элементов плодородия почв и особенностей системы обработки черного пара в засушливых районах. Правда, вопросами борьбы с засухой он начал заниматься еще задолго до этого, что позволило ему быстро и плодотворно включиться в работу. Путем разработки соответствующей методики Дояренко устанавливает, что сосущая сила пшениц саратовской селекции различна. Это наталкивает его на интересный вывод, что «возделывание пшеницы с высокой сосущей силой может значительно понизить мертвый запас влаги в почве», а значит, соответственно «повысить обеспеченность влагой урожая при засухе».

В Саратове Дояренко продолжает заниматься конструированием новых приборов, Так, впервые в нашей стране им был изготовляв ка-

пилляриметр собственной системы, с помощью которого он пришел к новым представлениям о дифференциальной пористости почвы.

В годы войны Алексей Григорьевич руководит лабораторией агрохимии и агропочвоведения. В трудах и бюллетенях института публикуются два основных отчета лаборатории по вопросам влияния многолетних трав на элементы плодородия почв, приемах регулирования водного режима полей в травопольных севооборотах Юго-Востока. Однако строго научные данные этих отчетов были восприняты критикой как посягательство на травопольную систему земледелия академика В. Р. Вильямса. Если не принимать во внимание явно неприемлемый в научной полемике «разносный» тон критических откликов, то следует признать, что они не были далеки от истины. Еще в начале 30-х годов А. Г. Дояренко пришел к убеждению об отсутствии специфического воздействия корней многолетних трав на структуру почвы, вследствие чего не нашел «твердых объективных данных» для обоснования многолетнего травосеяния. Этой принципиальной линии он придерживался все последующие годы. Данные, полученные во время работы в Саратове, только утвердили его в правильности своих выводов. Но на этот раз все это обернулось для Дояренко самыми наихудшими последствиями.

После августовской сессии ВАСХНИЗ 1948 года он был зачислен в разряд «антимичуринцев». А в то время как замечает академик Н. П. Дубинин, это слово было своего рода жупелом, «от которого начинали шархаться люди» – пишет саратовский исследователь¹³. Потому-то, начав борьбу с травопольной системой, как мы упоминали, к Дояренко и обратились высшие руководители сельского хозяйства страны и даже сам Н. С. Хрущев. Но был ли так уж неправ В. Р. Вильямс. В одном из современных исследований, посвященных истории сельского хозяйства СССР можно обнаружить такую характеристику Вильямса, его вклада в науку и его травопольной системы. «Выдающую роль в развитии агрономии сыграл В. Р. Вильямс (1863–1939). В истории агрономии он широко известен своими оригинальными взглядами на генезис и плодородие почв. В области почвоведения В. Р. Вильямс основал биологическое направление в изучении почв. Центральное место в его научном творчестве заняли исследования о роли и значении биологического фактора в формировании и развитии почвы. Сюда относятся учения о биологическом круговороте веществ, о растительных формациях и сущности почвообразовательного процесса, об органическом веществе почвы, учение о едином почвообразовательном процессе. В. Р. Вильямс разработал травопольную систему земледелия, основным звеном которой была система полевых, кормовых и травопольных севооборотов в сочетании с правильной обработкой

почвы, системой удобрения и созданием полезащитных лесных полос. В. Р. Вильямс придавал большое значение правильной организации территории и рациональному использованию земельных угодий. По его мнению, травопольная система предполагает разделение территории хозяйства на водоразделы, склоны и долины. Область водораздела должна быть облесена. Долины и склоны должны быть разграничены. Один севооборот охватывает склоны, а второй – долины. Он считал, что максимальная эффективность внесения удобрений может быть достигнута при условии достаточного количества в почве продуктивной влаги.

Наиболее благоприятное сочетание водного и воздушного режимов достигается в структурной почве. В. Р. Вильямс высказал мнение о необходимости создания водопрочной структуры путем посева многолетних трав. Главную задачу многолетних трав он видит в восстановлении прочности структуры почвы. Для этой цели многолетние травы должны возделываться в течение двух лет, а когда структура будет создана, создадутся и условия для одногодичного использования многолетних трав. По мнению ученого должна использоваться смесь бобовых и мятликовых многолетних трав. Корневая система мятликовых располагается, в основном, в верхнем слое с малым содержанием кальция. У бобовых же, наоборот, корневая система находится в более глубоких слоях почвы, откуда больше поглощают кальция. Поэтому мятликовые и бобовые многолетние травы дополняют друг друга. В учении В. Р. Вильямса имеется и ряд спорных положений. Он выступал против применения некоторых почвообрабатывающих орудий (бороны, каток), недооценивал роль озимых культур, пропагандировал вспашку травяного пласта только глубокой осенью. Как широко мыслящий ученый В. Р. Вильямс рассматривал сельскохозяйственное производство в неразрывной связи его отраслей – животноводства и земледелия, которые находятся во взаимосвязи и взаимозависимости.

Взгляды В. Р. Вильямса нашли отражение в теории и практике современных адаптивных систем земледелия, предусматривающих как обязательное условие наиболее полный учет всего комплекса природных ресурсов, особенностей почвенного покрова с целью правильной организации территории и рационального сочетания всех отраслей сельскохозяйственного производства¹⁴. Создание лесозащитных полос было, напомним, одной из важнейших составных частей так называемого «сталинского плана преобразования природы», энергично проводившегося в жизнь в первые послевоенные годы. Вильямса, как мы помним критиковал Лысенко... «Отмечая положительную прогрессивную теоретическую основу травопольной системы земледелия, в то же время нужно указать, что в учении В. Р. Вильямса о травопольной системе

имеется ряд ошибочных положений, которые необходимо в интересах науки и практики подвергнуть критике. Мы должны подчеркнуть, что не следует отождествлять агрономическую теорию В. Р. Вильямса о почве и о биологических основах плодородия почвы с предложенной им системой земледелия, как схемы агротехнических мероприятий.

Травопольная система земледелия, куда входят система чередования культур (севооборот), система обработки почвы, система удобрений, посадка лесов и полезащитных лесных полос, является системой мероприятий в области земледелия. Легко понять, что, исходя из одной и той же теоретической основы почвообразования и создания условий плодородия почвы, не только можно, но и крайне необходимо разрабатывать для разных условий разные агротехнические способы создания мелкокомковатой прочной структуры почвы, разные способы обработки почвы, разные способы применения удобрений.

В нашей стране природно-экономические условия, а в связи с этим и отрасли сельского хозяйства отдельных районов СССР настолько разнообразны, что исключают возможность повсеместного применения в сельскохозяйственном производстве какой-либо одной неизменной схемы агрономических мероприятий. Поэтому требуется творческий и критический подход к схемам мероприятий при внедрении их в практику колхозов и совхозов. Казалось бы, что все это само собою понятно и не стоило бы об этом говорить, если бы многие научные работники и агрономы не отождествляли теорию В. Р. Вильямса с разработанной им же схемой практических мероприятий в области земледелия»¹⁵. И далее: «Одной из главных ошибок В. Р. Вильямса в предложенной им системе практических мероприятий является его отрицательное отношение к культуре озимых хлебов. Он неправильно в свое время утверждал, что озимые хлеба независимо от климатических условий разных районов страны являются показателем технического несовершенства хозяйства, его стихийности, что урожайность озимых хлебов является величиной ограниченной.

В своей книге «Общее земледелие с основами почвоведения», изданной в 1927 году, В. Р. Вильямс писал: «Кроме того, не следует забывать, что наличие озимых хлебов в севообороте является мерилем технического несовершенства хозяйства – она является следствием и показателем стихийности хозяйства, и часто озимые хлеба сохраняются в севообороте по инерции без достаточного логического и экономического обоснования их присутствия» (стр. 443). Для растениеводов ясно неправильное с научной и практической точки зрения отрицательное отношение В. Р. Вильямса к культуре озимых хлебов. И в то же время это ошибочное положение часто бралось в основу схем севооборотов, в связи с чем, согласно такого рода схемам, могли сокращаться посе-

ные площади озимых хлебов. Введение таких севооборотов в колхозах и совхозах означало бы уменьшение валовых сборов озимой пшеницы и ржи, что нанесло бы ущерб государству и колхозам. Такого рода ошибочный подход к разработке схем севооборотов по существу мешал внедрению полевого травосеяния и тем самым мешал введению правильных севооборотов, как одного из важнейших средств повышения урожайности сельскохозяйственных культур и создания прочной кормовой базы для растущего животноводства.

Будет неправильным считать, что В. Р. Вильяме исправил свое ошибочное отношение к культуре озимых хлебов тем, что в дальнейших переизданиях своих работ по травопольной системе земледелия он снял (а вернее сказать, несколько сгладил) свое прямо отрицательное отношение к озимым хлебам. На самом деле, В. Р. Вильяме только под давлением критики в дальнейших переизданиях своих работ смягчил, но не исправил свое неправильное отношение к озимым хлебам. «Некоторые «ученые», – пишет В. Р. Вильяме в последних изданиях своей книги «Почвоведение», – упорно стараются наше признание озими стихийным хлебом истолковать, как предложение немедленно сократить площади посева озимых в СССР. Между тем, всем, (исключая очевидно, указанных людей, по недоразумению считающих себя за ученых) понятно, что, прежде всего, надо научиться в производстве сознательно, на основе внедрения травопольной системы земледелия, управлять водным режимом страны, научиться получать на основе внедрения травопольных севооборотов и новых сортов высокие и устойчивые урожаи яровых. В этом главная задача. Когда она будет решена, вопрос о пересмотре соотношения площадей яровых и озимых в хозяйстве встанет сам собой»¹⁶. Между прочим, работая на Кировской областной опытной станции, А. Г. Дояренко занимался выработкой мер по улучшению местных почв, исходя из теоретических построений В. Р. Вильямса! «А моя работа в лаборатории дала мне занятные результаты. Я смог поставить там работу с отбором семян по осмотическому делению и по цементированию почвы. Уже получились предварительные результаты: прибавка к почве цемента (из расчета 3 т. на га) резко увеличивает неразмываемость» – писал Алексей Григорьевич в одном из своих писем дочери¹⁷.

В начале 1950-х годов, как, впрочем, и в середине 1930-х сельское хозяйство страны предполагалось индустриализировать, а точнее говоря, доиндустриализировать. Для этого, как когда-то в начале 1930-х годов планировалось создавать огромные по площади хозяйства, так называемые фабрики зерна. Теперь, правда, эти планы распространялись на целинные и залежные земли, расположенные на востоке страны. Примером, образцом для создания крупномасштабных фабрик зерна

служили американские хозяйства. Возможно, в связи с этим вновь всплыло на поверхность имя Н. И. Вавилова, одного из тех достаточно многочисленных представителей сельскохозяйственной науки и практики, восхищавшихся американской моделью его развития. «Русские были так восхищены хозяйством Кэмпбелла, что обещали предоставить ему миллион акров земли, чтобы он в Советском Союзе продемонстрировал свои методы ведения сельского хозяйства», – пишет современный исследователь¹⁸. Хозяйство Томаса Кэмпбелла, начатое или лучше сказать основанное в 1918 г. при поддержке Министерства сельского хозяйства США и ряда крупных банков (Дж. П. Моргана, например), было гигантским хозяйством по производству пшеницы в штате Монтана. Оно занимало девяносто пять акров земли. В хозяйстве работало более 30 тракторов. 40 сноповязалок, десяток молотилок и 4 комбайна. В хозяйстве работало около 50 человек, а в страду нанималось еще около двухсот. Хозяйство просуществовало до смерти Кэмпбелла в 1966 г. Странники подобного рода крупных хозяйств ссылались на опыт Советской России, а русские деятели сельского хозяйства с восхищением смотрели на Америку. Так что советские колхозы и совхозы могут считаться, как продолжением русских общинных традиций, так и продуктом индустриализации сельского хозяйства á la Америка.

После смерти Сталина лысенковско-вильямсовская гигантомания планов преобразования природы явно начала сменяться второй редакцией создания гигантских фабрик зерна по американскому образцу. С планами создания новых совхозов-гигантов на востоке страны были, очевидно, связаны планы укрупнения колхозов и преобразования многих из них в совхозы в традиционных районах земледелия страны. Д. Скотт справедливо ставит знак равенства между коллективизацией и освоением целинных земель в плане попыток создания крупного машинного сельского хозяйства. «Партийная высококачественная вера в больше коллективистские системы долго еще продолжала существовать после безрассудных импровизаций начала 1930-х годов. Эта вера, претендующая на собственную эстетику и научность, отчетливо прослеживается в еще одной сельскохозяйственной высококачественной фантазии: в хрущевском плане освоения целинных земель...»¹⁹. Негативная оценка автора аграрной политики коммунистов в целом не должна заслонять факт обращения к опыту (порой такому же негативному с точки зрения либерального экономиста) организации сельскохозяйственного производства в США, на который явно ориентировалась часть партийно-государственного руководства и специалистов сельского хозяйства СССР и в начале 1930-х годов и в первой половине 1950-х. Сначала сам Сталин «еще до практических неудач, дискреди-

тировавших веру в гигантские проекты, одобрял коллективные хозяйства («фабрики зерна») площадью от 125 тыс. до 250 акров, как в описанной ранее американской системе»²⁰. Американских размеров хозяйств пытались достичь и на целинных землях. Но, поскольку руководящим лозунгом был слоган «Догнать и перегнать Америку», размеры хозяйств во многих местах скоро стали превосходить американские.

«Социальная и экономическая, которую создавали эти преобразования, была индустриальной моделью сельского хозяйства будущего – большие и механизированные хозяйства, работающие подобно промышленным линиям и координируемые государственным планированием»²¹ При всем негативном отношении к советской колхозной системе, автор цитируемого опуса признает, что: «Пшеница хорошо подходит для экстенсивного крупномасштабного сельского хозяйства и механизации»²². Не меньше, а может быть еще лучше подходит для ведения подобного рода хозяйства кукуруза. Но ведь речь в 1930-е, да и практически во все последующие годы шла почти исключительно о решении зерновой проблемы. Все остальное, очень, конечно, важное и нужное, имело второстепенное значение. Глядя через подобного рода призму на развитие отечественного сельского хозяйства в первой половине XX в. лучше понимаешь смысл и значение тех или иных научных направлений, деятельности отдельных выдающихся личностей, их борьбу между собой. Герой нашей книги отнюдь не всегда попадал в такт тем грандиозным событиям, которые происходили в годы его активной жизнедеятельности в России. Соучастником многих значительных событий он сделался случайно, неосознанно, как говорится, «за кампанию». Дояренко был человеком многогранным, увлекающимся и расплывавшим свои недюжинные дарования и силы одновременно на разные виды деятельности, как научной, так и сферы искусства. Но деятельность его на разных поприщах оказалась менее успешной, чем могла бы быть не только вследствие специфических черт его характера.

Если сравнивать Дояренко с еще одним корифеем сельскохозяйственной науки – Д. Н. Прянишниковым, то можно отметить, что последний, хотя и страдал внутренне по поводу неладов в науке и жизни, и даже публично выражал свое несогласие со многими основами жизни советского государства, никак от него не пострадал. Дояренко, напротив, практически никогда несогласия с официозом не проявлял. Причиной несчастий, постигших Дояренко, на наш взгляд, как раз и явилась некоторая аморфность его научной и политической позиции. Вспомним известный эпизод с графиком, отражавшим зависимость урожайности от применения минеральных удобрений. Если осмыслить совпадение всех этих графиков, то напрашиваются несколько важных выводов. Безусловно, Д. Н. Прянишников был прав – применение минеральных

удобрений резко повысило урожай. Этот вывод подтверждался прямыми опытами с удобрениями. Но прав был и А. Г. Дояренко: корреляция, совпадение изменений двух величин не доказывает причинно-следственной их связи. Вполне понятно, что общее развитие производительных сил как в промышленности, так и в сельском хозяйстве вызывает общий подъем производительности труда, увеличение выхода продукции. Недаром наиболее высокие урожаи отмечаются в наиболее развитых странах. В этом плане, скажем, рост производства мыла отражает общий прогресс в народном хозяйстве страны, в том числе и в сельском хозяйстве. А общий прогресс включает не только увеличение производства и применения минеральных удобрений, но и улучшение обработки почв, селекцию новых, более урожайных сортов растений и т. д.

Следует также отметить, что А. Г. Дояренко обращал внимание и на другие сугубо почвенные проблемы, связанные с подъемом урожая. Чтобы эти проблемы были понятнее, нам придется вернуться в XIX век. Как уже говорилось, в середине XIX века усилиями Буссенго и Либиха была создана агрохимия, и земледелие получило в свои руки действенное средство для повышения урожая. В 1832 году был пущен первый завод по производству суперфосфата. Но уже П. А. Костычев обнаружил, что часто в почве содержится еще очень много питательных веществ, а урожаи на этой почве падают. И одна из причин этого падения – резкое ухудшение физических свойств почвы.

Одновременно в Германии М. Вольни начал детальное изучение физических свойств почвы: их плотности, порозности, теплопроводности, теплопроводности и т. д. Правда, исследования М. Вольни вел на почвах с нарушенным сложением, что вызвало ироническую реплику В. Р. Вильямса о «порошковедении». Но, во-первых, ряд физических свойств почв, например плотность твердой фазы ее, поглощение воды из воздуха при относительной его влажности не свыше девяноста шести – девяноста восьми процентов и ряд других, не зависят от сложения почвы. И, во-вторых, сам В. Р. Вильямс большое внимание уделял именно физическим свойствам почвы, справедливо считая, что структура – одно из самых важных свойств почвы, определяющее ее плодородие, урожай растений на ней.

Идея П. А. Костычева – В. Р. Вильямса о важности физического состояния почв для урожая нашла поддержку и у А. Г. Дояренко. Он одним из первых показал, что структура почвы воплощается в структуре ее перового пространства, в структуре ее пор. А следовательно, структура влияет на движение воды в почве, доступность ее растениям, на саму возможность контакта корня растения и почвы. Помимо всего прочего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что и Прянишников, и Дояренко придавали первостепенное значение внешним

факторам (почва, ее структура, влажность и т. п.) развития растений. Но для нас сейчас важнее отметить то, что в отличие от Прянишникова, Вильямса и того же Лысенко, Дояренко не создал какой-либо общей системы, общей теории и, соответственно, методики, которая могла быть применена на практике в реальной земледелии, а не лаборатории или опытном хозяйстве. Дояренко реально ни с кем не конкурировал и не соперничал, но все же наверняка стоял кому-то поперек горла. В современной историографии можно найти и очень специфические упоминания имени Дояренко, также отчасти проливающие свет на специфику его жизни и деятельности. «Всеволод Мейерхольд остался в официальной истории как величайший новатор театра, гений и мученик одновременно. Ниспровергатель и создатель. У посетителей «Примет времени» есть уникальный шанс увидеть Мейерхольда в несколько ином свете. В 1923 году Всеволод Эмильевич решил сыграть спектакль «Земля дыбом» для съехавшихся на одну из первых народно-хозяйственных и кустарно-промышленных выставок доярок, механизаторов и прочих передовиков производства. Накануне на той же площадке давали «вечер народностей Чувашей, Туркменов, Узбеков, Хивинцев, Хакасов (с шаманом), Белорусов и Украинцев». Ни к чему особому этот вечер приурочивать не стали. Всеволод Эмильевич не удержался и посвятил спектакль «Красной Армии и первому красноармейцу СССР товарищу Льву Троцкому». Кто знает, как сложились бы судьбы театрального новатора, если бы не то самое посвящение будущему «врагу народа». Почвовед, агрохимик, агрофизик, патриарх русского земледелия с более животноводческой, чем земледельческой фамилией, Дояренко свои произведения – в свободное от основной работы время он писал песни – никому не посвящал. Ему было вполне достаточно того, что главная его песня называлась – «О Родине». Агроном оказался дальновиднее и достойнее режиссера»²³.

Нет, Дояренко не пресмыкался перед властью. Не посвящал ей песен и научных работ. Он был духовно свободен и независим. В науке он, также, шел своим оригинальным путем, не оглядываясь на авторитеты. Нельзя не отметить оригинальность и изысканность всего того, что делал Дояренко. Он сам конструировал приборы, сам разрабатывал и внедрял практику оригинальные агрономические приемы. Например, он разработал систему выращивания в средних широтах такого теплолюбивого растения как земляной орех арахис. «Прием, называемый в агрономии фотопериодизмом, можно использовать и при подготовке семян – заставить прорасти их при укороченном дне, выдерживая 3–4 дня при меньшем освещении. «Это заменит затенение во время вегетации и сделает его излишним. Тогда получение урожая орешков на севере уже не представит никаких трудностей, – пишет выдающийся

русский агроном и естествоиспытатель А. Г. Дояренко. – Применение фотопериодизма для многих южных культур, особенно однолетних, может дать исключительные результаты, расширив границу их возделывания. Это очень богатая, интересная и многообещающая область для исследований, доступных всякому любителю»²⁴. Напомним, что Т. Д. Лысенко прославился, используя так называемую яровизацию: высев обработанных холодом и пророщенных семян озимой пшеницы весной. У Дояренко в арсенале таких приемов было множество. «Задача дать количественные характеристики всем физическим параметрам состояния почвы и связать эти характеристики с приемами обработки почвы привела А. Г. Дояренко к необходимости разработки специальных методик и конструирования оригинальных измерительных приборов; его талант изобретателя-конструктора был неистощим, его не затруднило поэтому постановка самых сложных в методическом отношении экспериментов...», пишет автор предисловия к биографии А. Г. Дояренко, написанной Н. В. Орловским М. А. Глазовская²⁵.

«Легче всего было бы характеризовать этого высокоодаренного человека, как часто это делается в биографической литературе, в черно-белых тонах, перечислив его достоинства и недостатки, значительно труднее подойти к объективной оценке его деятельности на фоне коренной социальной перестройки всего общества», – писал один из первых биографов А. Г. Дояренко²⁶. «А. Г. Дояренко был ярким, высокоодаренным человеком: это талантливый ученый-теоретик и экспериментатор, основоположник новой отрасли знания – агрофизики – науки русской и советской: это – блестящий педагог – профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии, новатор в области системы обучения студентов, введения больших практикумов, чтения лекций непосредственно на Опытном поле, создавший новую школу агрономов; это – организатор и руководитель опытного дела в России и т. д., и т. п.», – пишет автор предисловия к книге Орловского М. А. Глазовская²⁷. «В основе научного творчества А. Г. Дояренко лежало представление о тесной взаимосвязи и взаимовлиянии факторов, регулирующих жизнь растений, и об их изменчивости в пространстве и во времени. Он развил докучаевское учение о факторах почвообразования, включив в сферу своих исследований наряду с природными мощный социальный фактор – сельскохозяйственную деятельность человека», – пишет тот же автор далее²⁸. В отличие от того же Прянишникова Дояренко перешел к изучению свойств и режимов непосредственно в поле. «Учение Дояренко о световом, тепловом, водном, воздушном и питательном режимах почв и факторах, определяющих их соотношение, а также, о культурных приемах воздействия на эти факторы, явилось научной основой общего земледелия и постановки опытного дела»²⁹.

А. Г. Дояренко любил научные фантазии или, как он их называл, – «агрономические утопии». Он считал, например, вполне возможным поднятие коэффициента использования солнечной энергии, если только освободить энергию, идущую на испарение, путем насыщения атмосферы распыленной водой.

Ученый занимается изучением методов искусственного структурообразования почвы; активизацией почвенного перегноя посредством перевода в раствор углекислой щелочью (поташ, зола). Его интересует возможность углубления корневых систем. Алексей Григорьевич связывает это с тем, что пахотный слой почвы, где размещается большая часть корней, быстро пересыхает. Бедные питательными веществами подпахотные горизонты не позволяют развиваться там мощной корневой системе и влага из них недостаточно используется. Внесение удобрений при вспашке, особенно глубокой, на дно борозды позволит углубить корневую систему. Это возможно и при игловании почвы.

«Дояренко писал о возможности использования для биологического производства белка отбросных углеводов, в частности, соломы. «Раз солома вообще биологически разлагается и при наличии минерального азота развивается микрофлора, то, следовательно, происходит образование белков за счет соломы и минерального азота». В курсе земеделия Алексей Григорьевич уделил большое внимание использованию соломы, исходя из того, что 2 т соломы с 1 га соответствуют 1 т угля. В настоящее время все шире солома с добавками азота используется как органическое удобрение. Но Алексей Григорьевич развивает свою мысль дальше: «Разве нельзя разработать условия воспитания на соломе азотобактера или клостридиума с усвоением газообразного азота?»³⁰. А. Г. Дояренко в 1947–1948 гг. в ряде публикуемых статей обращает внимание на значимость чистого пара в засушливых условиях юго-востока и недостатки при возделывании в севооборотах многолетних трав. В своем докладе в Москве он показал резкое и длительное иссушающее действие люцерны на почву, иллюстрируя опытный материал диаграммами. После статей по травам А. Г. Дояренко обвинили в посягательстве на травопольную систему земледелия. Вот почему, когда после смерти Сталина и прихода к власти Н. С. Хрущева власти при поддержке тех же самых чиновников от сельского хозяйства, которые «горой стояли за систему» Вильямса, начали ее ниспровергать, вдруг вспомнили о А. Г. Дояренко!

Уже в 80-летнем возрасте он выступил со статьей «Некоторые научно-исследовательские вопросы в области агрономии», выдвинув в ней три главных вопроса, разрешение которых, по его мнению, открывает широкие перспективы для практики: обеспечение угольной кислотой нижних слоев атмосферы в целях повышения продуктивности

полевых культур; обеспечение высоких урожаев водой путем сокращения ненужного расхода растениями влаги в результате транспирации; обеспечение урожая солнечной энергией, повышение КПД использования ее растениями.

Программой предусматривалось: – определение количества действительно необходимой для растения воды и ее доли в фактически потребляемой; – изучение путем ограничения ненужного расхода влаги растениями; – более полное использование солнечной энергии путем уплотнения травостоя для улавливания теряемой солнечной энергии в изреженном травостое и в период созревания, а также в периоды отсутствия культур на полях (подсевные, пожнивные культуры) и за счет высокой агротехники. Он считал, что высокая техническая обеспеченность чистых паров еще не является основанием для широкого их использования, поскольку при оценке агротехнических приемов надо учитывать экономическую сторону дела, и обращал внимание на пары занятые – «будущее в полеводстве несомненно должно принадлежать занятым парам».

В статье к «Методике послойного определения угольной кислоты в надпочвенном воздухе» А. Г. Дояренко предложена установка для отбора проб из определенных слоев надпочвенного воздуха для определения послойного содержания угольной кислоты и дано пояснение к методике отбора. Он полагал, что даже при очень быстром передвижении угольной кислоты в атмосфере к месту потребления, можно допустить затрудненность этого процесса. С учетом этого им предлагается программа разработки вопроса обеспечения полевых культур угольной кислотой в целях повышения урожайности (послойное содержание угольной кислоты в надпочвенном воздухе и его изменчивость, образование и выделение из почвы угольной кислоты, влияние повышенного содержания в воздухе угольной кислоты на развитие растений и урожай; пути искусственного обогащения воздуха угольной кислотой)³¹.

Работая в Саратове, Дояренко совместно с супругой профессора Ф. И. Филатова создал «вокально-танцевально-драматическую студию», репетиции которой проходили в актовом зале института.

На институтских концертах звучали романсы А. Г. Дояренко на стихи Тютчева, Бунина, Гейне. Им была поставлена опера на детский сюжет, композитором которой являлся он сам. Он сочинял оркестровую музыку к детским постановкам. На стене своей комнаты создал для детей «Малую Третьяковскую галерею» из репродукций известных картин русских и зарубежных художников.

Дети любили Алексея Григорьевича, а «точнее обожали, как пишет Г. Виноградова, не только потому, что он организовал вокально-

танцевально- драматическую студию и часами сопровождал на рояле, не только за то, что организовал хор «Наташи», и не потому, что с увлечением рассказывал о каждой картине в своей «Малой Третьяковской галерее» и собрал прекрасный гербарий в своем небольшом саду, а потому, что он был добрым гением и учителем по многим жизненным вопросам». Увидев его, дети с восторженными криками бросались к нему. А. Г. Дояренко отстаивал свои принципы «свободного воспитания».

Таким человеком был Алексей Григорьевич Дояренко, ученый, педагог, музыкант, проживший долгую и нелегкую жизнь. Алексей Григорьевич был уникально талантлив: играл на кларнете так, что ему сулили великолепную карьеру, писал он настолько ярко и образно, что написанное нередко выходило за традиционные классические рамки. Судите, – вот его мысли о значении межагрегатной и агрегатной порозности (скважности) почвы: «По-видимому, моя мысль о характеристике строения почвы по скважности приобретает развитие (за границей). Многие наши русские ученые считают эту характеристику косвенной, считая основной размер агрегатов. А по-моему, как раз наоборот! Основной характеристикой должно быть соотношение пространства, занимаемого веществом и пустотам между ними, то есть скважность. А размер агрегатов – лишь частный случай!». А вот его мысли об использовании минеральных удобрений: «Что же касается искусственных туков, то они никоим образом не могут считаться удобрением, так как ни в коей степени не улучшают почвы и не воздействуют на почву, а являются прямым «искусственным питанием растением» (все равно как благотворительная кормежка голодных не улучшает условий их существования)» (Из писем по вопросам агрономии) Как просто и образно! А понимать глубину этих мыслей мы начинаем только сейчас, когда говорим об устойчивом функционировании почвы в условиях интенсивного природопользования. Одна книга, посвященная его биографии, едва ли может исчерпать эту тему. Загадок в биографии Алексея Григорьевича Дояренко остается еще достаточно много.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М. 1991.

² Там же. С. 104.

³ См. Дубинин Н. П. Вечное движение. Издание третье, исправленное и дополненное. М. 1989.

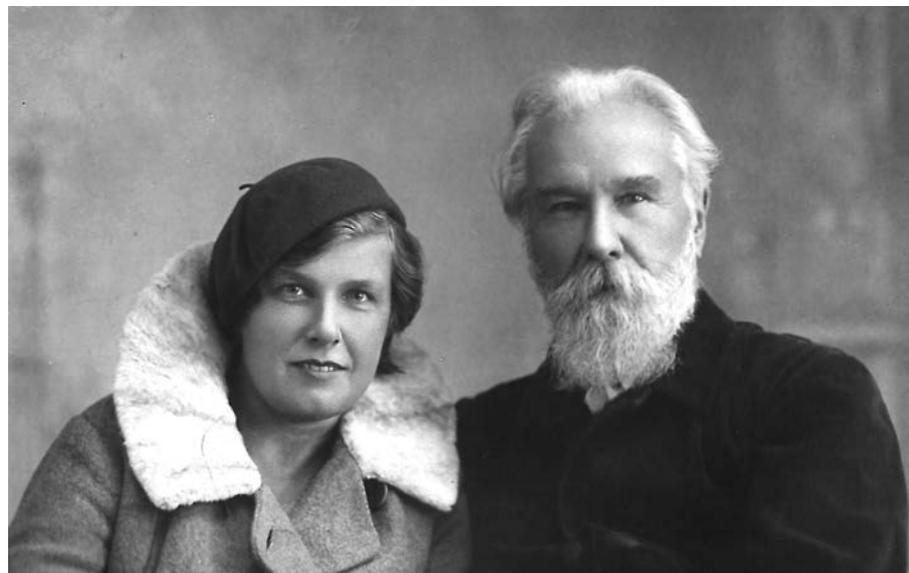
⁴ См. Резник С. Е. Указ. Соч. С. 270.

⁵ Там же. С. 311.

- 6 РГАЭ Ф.9474. Оп. 1.Д. 153. Л. 4.
 7 Там же. Л. 13
 8 Там же.
 9 Раскин А. Караваны, дороги, колосья. М. 1932. Цит. по Резник С. Е. Указ. Соч. С. 170.
 10 Трофим Денисович Лысенко – советский агроном, биолог, селекционер. М. 2008. С. 106–107.
 11 Резник С. Е. Дорога на эшафот. Париж – Нью-Йорк 1983. С. 96–97.
 12 Там же. С. 96.
 13 Азанов В. Человек из агрономического будущего. // Жизнь в науке. (Очерки о саратовских селекционерах). Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1979. С. 97.
 14
 15 Трофим Денисович Лысенко – советский агроном, биолог, селекционер. М. 2008. С. 105.
 16 Там же. С. 105–106.
 17 РГАЭ. Ф. 9474 Оп.1.Д. 256. Л. 107.
 18 Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения человеческой жизни. М. 2005. С. 316.
 19 Там же. С. 321.
 20 Там же. С. 330.
 21 Там же. С. 339.
 22 Там же. С. 343.
 23 Газета «Коммерсантъ» № 5 (1187) от 06.02.1997
 24
 25 Орловский Н. В. Указ. Соч. С. 6.
 26 Там же.. С. 8.
 27 Там же. С. 5.
 28 Там же.
 29 Там же. С. 6.
 30 Курдюков Ю. Ф., Саратовский период творческой деятельности А. Г. Дояренко. // Аграрный вестник Юго-Востока 2010 № 2(5).
 31 Дояренко А. Г. Динамика элементов плодородия почвы в травопольном севообороте как основа дифференцированной агротехники / А. Г. Дояренко // Труды научно-методической конференции сельскохозяйственных опытных учреждений Юго-Востока СССР. – Саратов, 1947. С. 9–12.

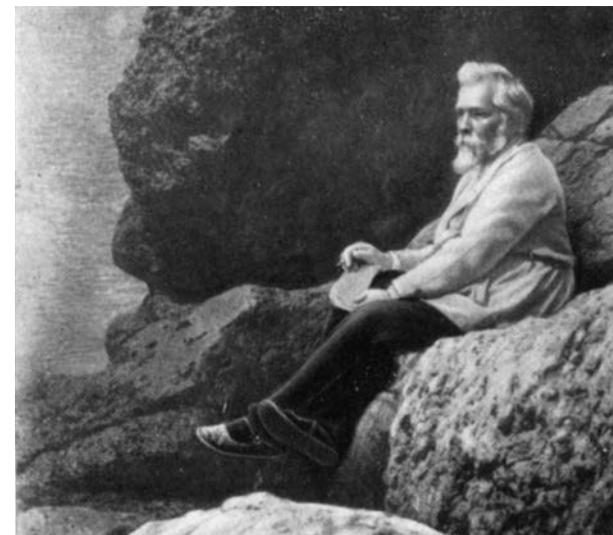

А.Г. Дояренко с женой (верхнее фото) и дочерью, 30-е гг.

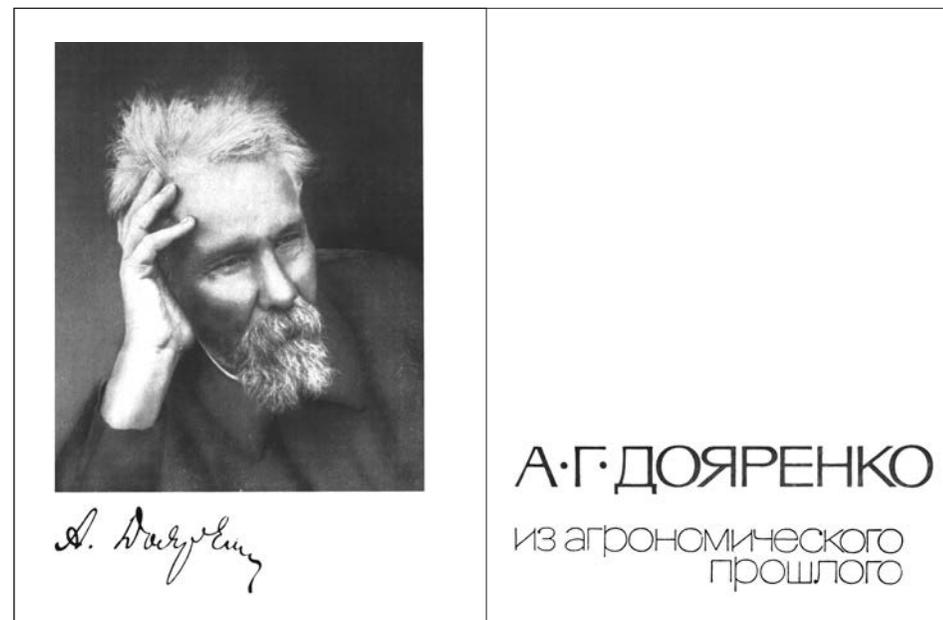
“Занимательная агрономия”

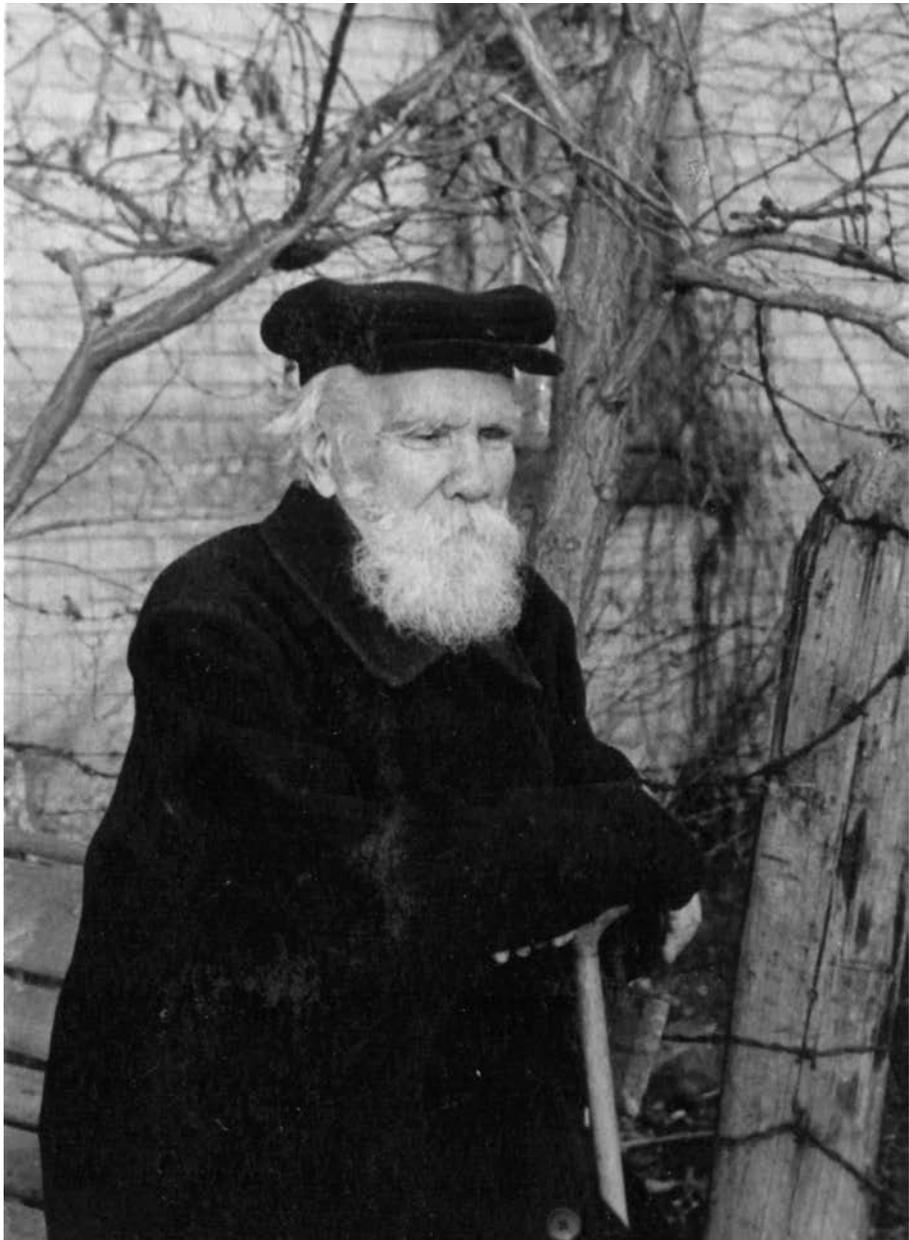
“Кабинет” на берегу моря,
где А.Г. Дояренко писал “Жизнь поля”.

Ноты “Завета Петровцам”

Фронтиспис и титульный лист книги “Из агрономического прошлого”

А.Г. Дояренко, 50-е гг.

Серия «АИРО – Монография»

Андрей Александрович Куренышев

Он слышал музыку полей...

Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко,
ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта.
1874–1958 гг.

Дизайн обложки *К. Струков*

Подписано в печать с оригинал-макета 1.05.2011.
Формат 60x84 1/16. Бум. офс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,8. Тираж 500 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8-917-547-84-24. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>
